Н.Н. Болгов

ЗАКАТ АНТИЧНОГО БОСПОРА

Монография

Белгород: Издательство Белгородского государственного университета, 1996.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование боспорской истории и государственности позднеантичного времени (IV-VI вв.) представляется необходимым и своевременным. Именно в настоящее время, когда недавно поставленная и обоснованная проблема быстро обрастает фактами, заполняется серьезная лакуна в истории целого региона.

Отрывочность и неполнота источников, плохая сохранность позднеантичных слоев археологических памятников долгое время препятствовали сколько-нибудь полному изучению этого исторического периода в целом. Несколько изменившаяся в последние годы ситуация позволила вплотную подойти к созданию первой работы обобщающего характера.

В монографии дается первый цельный очерк истории Боспорского государства в период поздней античности, исследуется характер материальной культуры и формы социальной организации позднего Боспора, выявляется преемственность государственных форм, показаны источники позднебоспорской государственности и ее историческая эволюция.

Хронологические рамки исследования охватывают время от «готских походов» 2-й трети III в., которые серьезно изменили внутренний облик Боспора, до конца V - начала VI вв., когда Боспор оказался в составе Византийской империи. Генетическое единство и преемственность форм материальной культуры дают нам картину этого периода как цельной исторической эпохи, которая может быть названа позднеантичным периодом в истории Боспора.

В исследовании предлагается уточненная периодизация этого этапа боспорской истории. Его деление на две основные части приходится на гуннское нашествие во 2-й половине IV в., но главное значение этого события - не в его катастрофичности, а в том, что после него серьезно меняется характер источников: практически исчезают нумизматические, письменные, очень мало эпиграфических; остаются почти исключительно археологические. Возобновление письменной традиции относится уже к началу VI в.

Письменные источники по теме исследования разновременны и разнохарактерны. Прежде всего это сочинения позднеримских и ранневизантийских авторов. В свое время исчерпывающий очерк античной письменной традиции о Северном Причерноморье дал М.И. Ростовцев [399]. Нетрудно заметить, что Боспор появляется в письменных источниках в основном в тех случаях, когда входит в контакт со средиземноморскими державами и представляет для них интерес [399, с.5]. Все сочинения о позднеантичном Боспор основываются на уже существующей традиции освещения Боспора, восходящей к античным географическим трактатам и частично, быть может, к местной боспорской исторической традиции.

Круг письменных источников по истории Северного Причерноморья IV в. очень узок как в отношении количества самих источников, так и с точки зрения того объема информации, который содержится в них применительно к этому региону. **[6]** Племена Северного Причерноморья не имели своей письменности, или имели ее лишь в зародыше. Боспорская историческая тради-

ция не сохранилась. Поэтому особое значение приобретают источники, происходящие с территории империи. Важнейшими из них являются произведения на греческом и латинском языках, принадлежащие современникам описываемых событий.

Несколько раз Боспор упоминается у Аммиана Марцеллина, крупнейшего историка своей эпохи [географический очерк: XXII. 8; описание гуннов и аланов: XXXI. 1, 2; посольство 362 г.: XXII. 7, 10; алано-гуннская война: XXXI 3.1-3. Последняя общая работа об Аммиане: 572]. Аутентичность сведений Аммиана следует считать доказанной [192, с.11]. Главную ценность в его описании имеют сведения о племенах, вступавших в непосредственное соприкосновение с Боспором. О судьбах же самого Боспора при нападении на него гуннов автор умалчивает. Не является ли это косвенным подтверждением того, что гунны не принесли Боспору катастрофических разрушений? Эпизоды, связанные с «готскими походами» на восточные провинции империи во 2-й половине III в. с территории Боспора, нашли отражение в сохранившихся фрагментах «Истории» Дексиппа (фр. 16, 16а, 21). Частично эти же эпизоды в их связи с Боспором фигурируют в биографиях Аврелиана (22, 2) и Тацита (13, 2-3) из SHA.

Наиболее полно в источниках отражены события, связанные с переправой гуннов в Европу. Все эти описания в конечном счете восходят к наиболее раннему из этих описаний, принадлежащему Евнапию (фр. 41). Этот автор интерпретирует данный факт в духе древней легенды об Ио, перешедшей через пролив по «бычьему броду» - Боспору. В его изображении охотники-гунны, преследовавшие лань или оленя, увидели, как животное переплыло на другой берег. Двинувшись ему вслед, весь народ перешел через пролив. С небольшими вариациями этот сюжет повторялся историками V в. - Созоменом (VI, 37), Сократом Схоластиком, Филосторгием. Остается заметить, что эта легенда прочно вошла в русло исторической традиции и стала своеобразным клише, которое использовали все авторы, писавшие об истории региона.

Несколько особняком стоит рассказ Зосима (IV.20, 1-3), отличающийся большей полнотой и связностью. Но суть сообщения не претерпевает изменений и здесь. Зосим интересен также своим рассказом об эпохе «готских походов» (I.23, 1; 31-32; 42, 1-2). Мы не имеем другого столь полного рассказа о 2-й половине III века на Боспоре. При общей репутации Зосима как добросовестного историка его сведения выглядят весьма убедительно. К сожалению, о событиях послегуннского времени в Таврике наш автор ничего не сообщает.

Ритор Фемистий в одной из речей дает важную информацию о хлебной торговле Константинополя с Боспором во 2-й половине IV в. **[7]** (XXVII, p. 336). О ситуации в северопричерноморских степях в начале V в. дает краткие сведения один из фрагментов Олимпиодора (фр.12). Небольшое, но интересное сообщение о ситуации в Восточной Таврике на рубеже IV-V вв. дает Иоанн Златоуст в одном из писем к Олимпиаде (ad Olymp. XIV), где касается положения местных христиан и их церковной организации.

После того, как Боспор вошел в состав Византийской империи в начале VI в., историки этого времени вновь обращают свое внимание на наш регион [общий очерк ранневизантийской историографии и характеристика авторов:467]. Наиболее полная информация содержится в трудах Прокопия Кесарийского. Он обращается в основном к современной ему эпохе, но ретроспективно касается и событий предшествовавшего V столетия. Большой отрывок повествует о возвращении утигуров из Европы через Крым в Прикубанье (Bell. Goth.VIII, 5). Большое место уделено политической ситуации на Боспоре в связи с обстоятельствами его присоединения к Византии (Bell. Pers.I, 12) и дальнейшими событиями (Bell. Goth.VIII.4; De aedif.III, 7).

К проблеме прихода гуннов в Европу вновь возвращается Агафий Миринейский в своем сочинении «О царствовании Юстиниана» (V, 11). При этом можно отметить его реалистическую оценку способа переправы гуннов, несмотря на риторические ухищрения и вычурный язык.

Важным и ценным источником по истории позднего Боспора и окружавших его племен является Иордан. Он касается проблемы происхождения гуннов (121, 122), дает свою версию прихода гуннов в Европу (123-125, 126-127), а также рисует картину политической ситуации в причерноморских степях в V-VI вв. (37).

Среди прочих ранневизантийских авторов можно выделить Приска Панийского. Его рассказ о византийском посольстве 448 г. ко двору Аттилы остается уникальным свидетельством об образе жизни и быте гуннов. Объективность и отсутствие враждебности отличают Приска от Иордана и при описании социального строя, быта и нравов гуннских племен. Сочинение Приска помогает полнее представить себе окружение Боспора в V веке. О положении Боспора при Юстиниане и об окружавших его варварах рассказывает Менандр Протиктор. Некоторая информация о позднем Боспоре есть у хрониста Иоанна Малалы. Он говорит о присоединении Боспора к Византийской империи (433), о крещении гуннов, живших близ Боспора в начале VI в. (481). Позднейший хронист Феофан Исповедник (под 527 г.) также обращает внимание на аннексию Боспора империей и связанные с этим события.

Очень интересные сведения дает автор анонимного «Перипла Понта Эвксинского», относимого специалистами к V в. Автор во многих местах буквально следовал периплу Флавия Арриана, поэтому это сочинение часто именуется периплом Псевдо-Арриана. Номенклатура географических названий, содержащаяся в этом источнике, по общепринятой версии действительно отвечает реалиям V в. в тех местах, где автор **[8]** сам «поправлял» текст Арриана.

Краткие, но важные сведения можно извлечь также из текста Стефана Византийского и «Нового географического текста» [39].

Наконец, в труде Константина Багрянородного «Об управлении империей» есть глава 53, которая повествует о боспорско-херсонесских войнах при Диоклетиане. Не одно поколение историков по-разному относилось к этому пассажу, но в настоящее время появились достаточно убедительные исследования, говорящие в пользу достоверности рассказа Константина.

Касаясь общих проблем позднеантичной государственности пришлось прибегнуть к свидетельствам других античных авторов.

Завершая краткий обзор письменных источников по истории позднего Боспора, следует отметить их неполноту, фрагментарность, избирательный характер сообщаемых сведений. Реконструировать только по ним сколько-нибудь цельную картину истории Боспора IV-V вв. весьма затруднительно. Поэтому резко возрастает значение археологических источников.

Характеризуя Боспор конца IV-V вв. Н.И. Сокольский справедливо отмечал, что в связи с относительной исчерпанностью и скудностью письменных источников дальнейшее движение должны обеспечить источники археологические. Между тем, собирание археологических источников, их обобщение и исторический вывод есть дело трудоемкое и длительное, складывающееся из многих отдельных частей и решения отдельных конкретных вопросов [437, с.261].

В связи с вышеизложенным, нам представляется возможным наметить три уровня теоретического обобщения данной проблемы: 1) на основании конкретного археологического материала нужно дать конкретные проистекающие отсюда выводы, 2) сгруппировав эти выводы и приведя их в систему, можно выйти на уровень предварительных обобщений - гипотез, 3) понимая всю спорность и сложность дела, надо попытаться создать обобщенную теоретическую модель исследуемой проблемы.

Историк работает с конкретными фактами, получаемыми из источников. Его задача - обобщив факты, учтя работу предшествовавших исследователей, дать свое объяснение рассматриваемым событиям. В этом и состоит суть исторического исследования. Д.М. Петрушевский в свое время отмечал, что «историк не только может изучать конкретный материал исторического развития с помощью генерализующего метода, он должен это делать» [372, с. 10]. Наше исследование – первая попытка взглянуть на историю Боспора IV-V вв. «генерализующим методом». Последующая работа археологов и историков позволит подтвердить или опровергнуть основные положения предложенной нами модели позднеантичной боспорской государственности. При этом важно, чтобы теоретическая модель не оказалась голой схоластикой, а была бы всесторонне обоснована на первых двух уровнях исследования [318, с. 205]. **[9]**

Между тем, подобная опасность существует. Интерпретация археологических данных по античному периоду традиционно была призвана подкрепить материальными доказательствами исторические события, упоминаемые в письменных источниках [429, с.32].

Опасность преобразования результатов археологических раскопок в историческое повествование заключается в том, что такое повествование будет подкупать гладкостью изложения событий и кажущейся основательностью, тогда как на самом деле исходные данные, на которых оно основывается, никогда не бывают исчерпывающими, всегда позволяют какие-то иные трактовки и в конечном счете покоятся на целой системе более или менее вероятных допущений. Археологические факты не являются фактами историческими

[550, с.12]. Но зачастую они приобретают значение исторических фактов, особенно на такой периферии собственно классической археологии как Боспор. Даже отсутствие находок не всегда здесь является доказательством разрыва жизни, территориального дисконтинуитета.

Главным феноменом археологии позднего Боспора является принципиальное единство материальной культуры в этом регионе на протяжении IV-VI вв. Поэтому довольно трудно вычленить более точные датировки. Именно на таком уточнении основаны последние передатировки известных базовых памятников (А.В. Сазанов), классификации амфорного материала (А.П. Абрамов), археологические исследования последних лет (А.А. Масленников, Э.Я. Николаева). Кроме того, позднеантичные слои городов и поселений Боспора изучали: В.Д. Блаватский (Пантикапей, Фанагория), В.Ф. Гайдукевич (Тиритака), М.М. Кобылина (Фанагория), Д.Б. Шелов (Танаис), Н.И. Сокольский (Кепы), Е.М. Алексеева (Горгиппия), В.А. Горончаровский (Илурат), Е.А. Молев (Китей), И.Т. Кругликова (мыс Казантип) и др.

Для нашего исследования были привлечены источники трех видов: 1) опубликованные материалы археологических раскопок, 2) неопубликованные архивные материалы, 3) аналитические исследования на основе археологических материалов.

Интерпретация этого материала их авторами во многом зависела от того, какой концепции придерживался автор исследования, ибо результаты исторической интерпретации одних и тех же фактов зависят от исходных концепций. Возможная же неоднозначность исторической интерпретации, особенно на начальном этапе исследования, свидетельствует скорее о силе, чем о слабости избранного подхода [318, с.213]. Данные раскопок последних лет все больше и больше убеждают в правильности концепции континуитета боспорской истории IV-VI вв., насыщая ее конкретным материалом.

При комплексном подходе к источникам типология археологических находок дополняется изучением материала и технологии, а для исторической интерпретации используются письменные источники.

Системный подход к источникам позволяет, постигая закономерности развития явлений одной эпохи и региона, находить элементы этих закономерностей у других народов в других регионах и в другие эпохи [522, с.74]. **[10]**

Научные исследования по истории позднего Боспора появились достаточно поздно по причине отсутствия полных и надежных источников. Первыми серьезными работами стали публикации археологического материала. Наиболее плодотворной была деятельность В.В. Шкорпила [507-516], руководившего раскопками в Керчи в начале XX в., Ю.А. Кулаковского [270-273], В.В. Латышева [288-290, 292], Ю.Ю. Марти [313-317], А.А. Спицына [448, 449], Н.П. Кондакова [237]. Обобщающих работ в то время еще не было.

Но заслуживает внимания очерк истории позднеантичного Боспора в книге Ю.А. Кулаковского «Прошлое Тавриды» [278]. Наиболее интересны мысли автора о судьбе Боспора после прихода гуннов. В частности, автор высказал мнение о том, что гунны быстро и беспрепятственно прошли через Бо-

спорский пролив на запад во 2-й половине IV в., а на Таврическом полуострове утвердились лишь после смерти Аттилы. Гунны, так же, как и готы в III в., по всей видимости, не вселялись в Пантикапей и другие города и, во всяком случае, «не вызвали каких-либо изменений в культурном облике его обитателей» [278, с.57]. Таким образом, с именем Кулаковского связано рождение концепции непрерывности истории Боспора и его институтов на протяжении IV-VI вв.

Крупнейший эпиграфист В.В. Латышев ввел в научный оборот массу надписей, которые позволили несколько приоткрыть завесу над «темными веками» боспорской истории.

Первой обобщающей работой по нумизматике стал каталог Бурачкова [119], где были помещены и имевшиеся к тому времени позднеантичные боспорские монеты.

Принципиальное значение для изучения боспорской государственности имела книга М.И. Ростовцева «Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре» [395]. Автор - один из лучших знатоков Северного Причерноморья - прослеживает развитие институтов государственной власти вплоть до эпохи поздней античности. Определенным итогом исследований северопонтийского региона в России к 20-м годам стала фундаментальная работа М.И. Ростовцева, опубликованная в 1925 г. под названием «Скифия и Боспор» [399]. Целый ряд глав затрагивает историю позднего Боспора, в основном IV в. Это исследование было продолжено, но 2-й том так и не вышел в свет. Лишь в 1989 г. были опубликованы главы из рукописи 2-го тома [400], где дается исчерпывающая характеристика политического строя Боспора по состоянию на конец III века. Из работ М.И. Ростовцева также следует отметить популярную книгу «Эллинство и иранство на юге России» [398], в которой исследуется роль двух великих начал в истории региона, в частности роль сармато-алан для истории позднего Боспора.

Многие гипотезы и выводы крупнейшего русского антиковеда впоследствии подтвердятся и будут развиваться новыми поколениями исследователей. **[11]**

В начале 20-х гг. появилось серьезное исследование крупного русского византиниста А.А. Васильева о готах в Крыму [121]. Автор впервые в русской литературе дал подробный обзор источников по данной проблеме и определил для готов место в истории Северного Причерноморья. Особое место было уделено взаимоотношениям готов с Боспорским государством на протяжении III-V вв.

С 30-х гг. начинается новый этап в изучении Северного Причерноморья вообще, и позднего Боспора в частности. Была создана Боспорская археологическая экспедиция, которая возобновила полевые исследования боспорских городов. Среди работ 30-50-х гг. необходимо назвать начавшееся издание Материалов и исследований по археологии (МИА) и Кратких сообщений Института истории материальной культуры-Института археологии (КСИИМК-КСИА). Идет публикация археологического материала, дается его историческая интерпретация.

Крупнейшим исследователем Боспора был В.Д. Блаватский. Он частично коснулся проблем позднего Боспора в ряде археологических отчетов и статей [93-99]. Отдельная глава в обобщающей работе «Пантикапей» [100] была посвящена позднеантичному периоду истории боспорской столицы. Автор также подробно рассматривает политическую систему позднего Боспора, его государственный аппарат, систему власти. Единственный до сих пор общий очерк истории позднего Боспора был дан В.Д. Блаватским в статье «Боспор в позднеантичное время», опубликованной только в 1985 г. [104]. Очень важным для нас здесь является новый подход к истории Боспора IV-V вв. Блаватский фактически признает, что гуннское нашествие не было концом истории Боспора и проводит мысль о континуитете между позднеантичным и раннесредневековым периодами в истории региона [104, с.254-256].

В.Ф. Гайдукевич в последних главах своего обобщающего труда «Боспорское царство» [139] рисует картины из истории позднего Боспора. Датировка позднеантичных слоев Тиритаки, сделанная Гайдукевичем в ряде публикаций археологического материала, на долгое время стала опорной базой для идентификации аналогичных комплексов. Особенное значение имеет статья «Памятники раннего средневековья в Тиритаке» [141]. Не отказываясь от концепции гуннского погрома на Боспоре, автор убедительно показывает, что V век был продолжением развития прежних процессов, хотя и называет этот период раннесредневековым.

Впервые к созданию обобщающей работы по позднему Боспору пришла И.Т. Кругликова. После ряда статей [247-249, 251] она выпустила книгу «Боспор в позднеантичное время» [252], где дала систематический очерк состояния основных городских центров, сельских поселений, хозяйственной жизни и торговли Боспора в III-IV вв. В соответствии с общепринятой тогда концепцией, нашествие гуннов было признано автором концом истории Боспора. **[12]**

Работа над этой темой продолжалась и в дальнейшем, результатом чего стал ряд новых статей [250, 253-255, 259], развивающих и дополняющих основные положения книги. Надо, однако, подчеркнуть, что в своих работах И.Т. Кругликова сосредоточила внимание на проблемах экономики позднего Боспора, практически не затрагивая его политической организации.

Заметный вклад в изучение позднего Боспора внесла М.М. Кобылина, долгое время руководившая раскопками Фанагории [223-227, 229-230]. Особый интерес представляет ее исследование «Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э.» [228], в котором освещен большой пласт духовной культуры позднего Боспора, конфессиональная ситуация в государстве.

Н.И. Сокольский помимо археологических отчетов о раскопках в Кепах, включавших позднеантичные слои [430-436], написал принципиальную статью «Гунны на Боспоре (по археологическим источникам» [437], в которой связывает слои пожарищ и разрушений в Кепах, как и на всем Боспоре, с гуннским нашествием 370-х гг. Эта статья была одним из наиболее ярких исследований в русле концепции гибели Боспора в конце IV в. и исходила из

синхронности всех слоев пожарищ и разрушений на позднем Боспоре. Материалы в слоях выше пожарищ исследователь связывал с V веком [436].

Заметный вклад в историографию позднего Боспора внес Л.А. Мацулевич. Его работа «Серебряная чаша из Керчи» [332] вводит в научный оборот интересный памятник из позднего керченского некрополя - серебряное вотивное блюдо императора Констанция II. Публикация погребения гуннского рикса на р.Суджа позволила приоткрыть завесу над политической структурой гуннского союза в начале V в. [333]. Кроме того, позднеантичные сюжеты стали предметом ряда статей ученого [334, 335].

Крупнейшим специалистом по раннесредневековой археологии Крыма был А.Л. Якобсон. Его большие работы [537, 539, 541] основаны на материалах позднего Боспора. В статье «Раннесредневековые поселения Восточного Крыма» [536] автор показал, что в V веке на Боспоре преобладал местный, в своей основе аланский этнический элемент. Период с 370-х гг. четко характеризуется им как раннесредневековый. С именем А.Л. Якобсона связано окончательное оформление концепции боспорской истории IV-VI вв., в которой концом античности на Боспоре считается приход гуннов: «Гуннское нашествие 70-х гг. IV в., после которого запустели наиболее населенные районы (Керченского) полуострова, обозначило грань в истории края; для экономически ослабленной Таврики началась новая полоса жизни» [541, с.5].

Помимо разработки общей концепции, в 50-70-е гг. внимание специалистов привлекала также разработка ряда частных проблем истории позднего Боспора. Важнейшей из частных проблем была разработка вопроса о керамической таре Боспора. **[13]** Одноименная книга И.Б. Зеест [204] на долгое время стала необходимым справочником как для полевого археолога, так и для любого историка, занимающихся Боспором вообще, и позднеантичным в частности.

Важнейшей проблеме римско-боспорских отношений было посвящено исследование Г.А. Цветаевой «Боспор и Рим» [496]. Для Боспорского государства в IV в. связи с империей имели жизненно важное значение, но по ряду причин неуклонно сокращались.

Ряд работ затрагивают вопрос об этнической и этнополитической ситуации на позднем Боспоре. Среди них заметным событием стал выход в 1991 г. книги А.А. Масленникова «Население Боспорского государства в первых веках н.э.» [328]. Автор последовательно проводит мысль о том, что на позднем Боспоре сложилась определенная территориально-этническая общность боспорян, которая логикой развития событий была противоположна по своим устремлениям всем окружающим варварам. Вследствие преобладания дихотомии «боспоряне - внешние варвары» над дихотомией «боспорские греки - боспорские варвары», нельзя преувеличивать степень варваризации Боспора даже в позднеантичное время.

Лучший обзор истории окружавших Боспор варваров дал А.И. Ременников [385]. Специально готам и их отношениям с народами Таврики посвящена новейшая работа И.С. Пиоро [373]. Этих же проблем касается и В.П. Буданова [114-118].

И.П. Засецкая в ряде работ [195-203, 203 б] убедительно обосновала тезис об археологической культуре южнорусских степей гуннского времени, которая в значительной степени повлияла на материальную культуру позднеантичного Боспора. Особое значение имеют ее изыскания в области полихромного стиля ювелирной инкрустации [198, 201].

Фундаментальное исследование М.И. Артамонова «История хазар» [68] освещает историю народов юго-восточной Европы, окружавших Боспор в V-VI вв. К сожалению, в настоящее время еще трудно точно отождествить известные археологические культуры этого региона с определенными народами и племенами, хотя попытки в этом направлении предпринимались неоднократно [см., например: 374].

Особую ценность для исследователя позднеантичного Боспора представляет нумизматический материал. Помимо классического труда А.Н. Зографа [207], необходимо назвать целый ряд работ Н.А. Фроловой [474-487, 555, 556]. Эти труды внесли серьезный вклад в уточнение хронологии позднего Боспора и являются необходимыми для всех исследователей данной темы. Публикации позднебоспорских кладов, сделанные В.К. Голенко, ввели в научный оборот большой монетный материал [153-161]. Отдельные ценные публикации сделали также А.И. Салов [413], В.Э. Кунин [279], В.М. Брабич [110] и др. С попыткой нового освещения монетного дела Боспора выступил В.А. Анохин [59], но его работа вызвала неоднозначные отклики и споры [487]. **[14]**

Отдельные сюжеты из политической истории позднего Боспора разрабатывали в своих статьях Б.И. Надэль и Я. Харматта [346, 492]. Их исторические реконструкции, несомненно, полезны при воссоздании ряда эпизодов боспорской истории.

В.А. Астахов в своей диссертации о политической организации Боспорского царства в первые века н.э. касается и IV века [72].

Исследование религиозной жизни Северного Причерноморья в позднеантичное время было сделано Э.И. Соломоник [441] по эпиграфическим памятникам. Выводы автора убеждают в том, что накануне принятия христианства на Боспоре существовали различные синкретические культы, среди которых выделялся культ Theos hypsistos. Специально распространение христианства на Боспоре стало предметом изучения П.Д. Диатроптова [177], который проанализировал пути проникновения и ход распространения христианства в Северопонтийском регионе.

Важной, но спорной проблемой истории Боспора является интерпретация так называемых тамгообразных знаков. Э.И. Соломоник [440] и В.С. Драчук [183] посвятили им специальные исследования. По мнению последнего, эти знаки представляют собой родовые «гербы» видных сарматских родов Боспора, являясь в какой-то мере прообразом сарматской письменности. На анализе этих знаков в связи с династической историей Боспора остановился также А.А. Масленников [328, с.161-170] и др.[49, 262].

Особое значение для историографии позднего Боспора имеют исследования Э.Я. Николаевой и А.В. Сазанова, с именами которых связывается но-

вая концепция боспорской истории IV-VI вв. Э.Я. Николаева в I главе своей диссертации [353] дала хороший историографический обзор позднеантичного Боспора, а также впервые показала континуитет боспорской истории этого времени на материале Ильичевского городища. Как было показано ранее, многие крупные ученые прежних лет отмечали непрерывность боспорской истории на протяжении этого времени, но в отечественной науке утвердилось представление о том, что античный Боспор погиб с приходом гуннов. А.В. Сазановым была предпринята передатировка базовых памятников позднего Боспора [403, 406-409, 411]. Его работы создают основу для кардинального пересмотра хронологии региона. Вместе с тем, они вызвали неоднозначные отклики среди специалистов, особенно полевых археологов. Из их числа следует отметить А.П. Абрамова, предпринявшего попытку создания новой классификации античных амфор [41], в том числе позднеантичного времени.

В этой связи принципиальное значение имеет публикация главы из докторской диссертации А.К. Амброза [56], подготовленной им еще в середине 70-х гг., которая очень убедительно, на основании глубокого изучения археологического материала освещает историю позднего Боспора именно в плане континуитета IV-VI вв. Другой вывод вряд ли мог появиться у специалиста, который не замыкался в узких боспорских рамках, а обобщил данные по ряду отдельных предметов одежды и украшний на широких пространствах культуры южнорусских степей гуннского времени. **[15]** Как нам представляется, выводы А.К. Амброза на сегодняшний день являются наиболее зрелыми и наиболее прочно привязывают Боспор к данной культуре. Кроме того, эта статья - целостный и оригинальный очерк истории Боспора IV-VII вв. по археологическим источникам. Не меньшее значение имеет важнейшая обобщающая публикация материалов керченского некрополя И.П. Засецкой [203 а].

Завершая наше краткое исследование, следует подчеркнуть, что ныне большая часть специалистов приняла новую концепцию. Проблема состоит в недостатке конкретного материала, особенно для V в. Публикации нового археологического материала, появление новых серийных сборников [Боспорский сборник, Очерки археологии и истории Боспора] позволяют надеяться на то, что поздний Боспор не останется без внимания специалистов и в дальнейшем.

Мировая историография занималась изучением позднего Боспора в крайне незначительной степени. Первый общий очерк истории Боспора III в. в системе средиземноморского античного мира дал Т. Моммзен в V томе своей «Истории Рима» (1885) [344].Особое внимание великий историк уделил «готским походам», проблеме этнической принадлежности варваров, сделавших своей базой Боспор, внутренней ситуации в Боспорском царстве в 40-70-х гг. III в. Частично освещается и вопрос о прекращении чеканки боспорской монеты в IV в.

Разбору информации Константина Багрянородного о боспорско-херсонесских войсках конца III в. посвящена работа П. Гарнетта «История Гикии»

[558]. Автор положил начало новому подходу к сведениям Константина, оценив их как достоверные.

Самой крупной и обобщающей работой по истории Северного Причерноморья на Западе до сих пор является книга Э. Миннза «Скифы и греки» [574]. В главе XIII автор освещает ряд проблем истории позднего Боспора: династические аспекты, «готские походы» и их влияние на Боспор, роль варварского окружения, проблемы хронологии и т.д. М.И. Ростовцев отмечал в свое время несколько компилятивный характер этой книги, но, вместе с тем, признал ее несомненную ценность для исторической науки [396].

Большую роль в распространении достижений отечественных специалистов сыграли иностранные издания их основных трудов: книг А.А. Васильева [586, 587], М.И. Ростовцева [579], В.Ф. Гайдукевича [557], В.Д. Блаватского и Г.А. Кошеленко [544], Н.А. Фроловой [555, 556].

Среди отдельных крупных проблем, касающихся позднего Боспора, необходимо назвать книгу О. Мэнхен-Хелфена «Мир гуннов» [570]. Работа отличается строгим академическим подходом и справедливо считается образцовой. Возвращаясь к проблеме достоверности экскурса Константина Багрянородного, заметную работу выпустил Б. Надель [575]. Целый ряд работ затрагивает проблемы, связанные с полихромным стилем клуазонне эпохи Великого переселения народов [543, 582, 591]. **[16]**

Очень серьезным и необходимым для исследователя позднего Боспора трудом является книга Дж. Хэйса «Поздняя римская керамика» [563]. По охвату и полноте материала это исследование на сегодняшний день не имеет себе равных. Книга содержит наиболее полную сводку поздней краснолаковой керамики - важнейшего датирующего материала. Автор не только смог разделить всю позднеантичную керамику на несколько сотен форм, но и установить их хронологию и место производства. Все отечественные работы по керамике позднеантичного Северного Причерноморья так или иначе основываются в своих выводах на классификациях Хэйса.

При определении исторической роли и места позднеантичных государственных образований мы исходили из концепции понимания поздней античности как специфического этапа в развитии античной цивилизации с едиными сущностными признаками и своими внутренними законами развития. В отечественной литературе она наиболее полно разработана Г.Л. Курбатовым и Г.Е. Лебедевой [281-285, 297-298] и в целом соответствует принятым в мировой науке концепциям поздней античности [547, 548, 552, 567, 572, 577, 584, 590].

При разработке проблемы эволюции позднеантичной государственности, особенно на периферии, исключительно полезной оказалась работа Дж. Тейнтера [581], а в плане современных подходов к государственности как феномену истории - статья П. Скальника [426].

Такова основная литература, касающаяся нашей темы. **[17]**

ГЛАВА I: ОЧЕРК ИСТОРИИ БОСПОРСКОГО ГОСУДАРСТВА В IV-V вв.

Главная проблема, к которой обращается исследователь позднего Боспора - это проблема поиска доказательств существования Боспорского государства как сложно организованного общества с потестарной организацией на протяжении IV-V вв. Поэтому основная задача этой главы - на основе всего имеющегося материала показать, что Боспор в то время имел социальную организацию государственного типа. Кроме систематического изложения истории позднего Боспора, здесь будет затронут ряд частных проблем: - влияние природно-географического фактора на историю позднеантичного Боспора, - роль Боспора в культуре южнорусских степей гуннского времени, - гуннское нашествие и Боспор.

§ I. Палеогеография Боспора в период позднейантичности

Значение природного фактора для истории признавалось всеми исследователями античного Боспора [см. наиболее полную специальную работу: 102]. Вместе с тем, существует немало неясных и спорных моментов, особенно в области палеогеографии. К сожалению, пока нет сколько-нибудь полной и достоверной реконструкции состояния природной среды в интересующий нас период. Тем не менее, бесспорно, что изменения конфигурации берегов, климата, уровня грунтовых и морских вод, характера растительности и даже сейсмичности района имели определенное значение в истории местного населения.

В древности берега в Северо-Восточном Причерноморье имели иную конфигурацию, чем ныне. Это признается практически всеми специалистами. Поэтому для правильного представления о географической ситуации в позднеантичном Боспоре важно знать характер и направление процессов, влияющих на изменение конфигурации берегов в этом районе, и соответственно этому реконструировать в общих чертах древнюю береговую линию. На ее очертания влияет совокупность многих факторов, основные их которых - процессы абразии и аккумуляции берегов - находятся в зависимости от уровня Мирового океана и тектонических вертикальных движений земной коры.

Колебания уровня Черного моря происходят постоянно. Во II тысячелетии до н.э. при новочерноморской регрессии уровень был на 2 м. выше современного [506, с.162]. В I пол. I тыс. до н.э. имела место фанагорийская регрессия, и к рубежу н.э. уровень снизился по оценкам различных специалистов от 2-х до 10-ти м ниже современного. Условно принята средняя отметка в 5 м ниже современного. Уже в I в. н.э. в районе Ольвии начался новый подъем уровня моря - нимфейская трансгрессия [506, с.161], в VI-VII вв. достигшая современного уровня. Еще одно снижение имело место к XV в. - 1 м ниже современного.

Таким образом, в III-V вв. уровень моря был на 2-3 м ниже современного (для начала н.э. А.Н. Щеглов дает цифру в 4-5 м [524, с.15-17], П.В. Федоров - 5-7 м [469, с.154], К.К. Шилик - 8-10 м [506, с.162]). **[18]** Как бы там ни было, на всем Черноморском побережье произошли серьезные изменения береговой линии, и ни один метр берега не сохранил своего античного облика [42, с.242].

Время от времени предпринимались попытки построения палеогеографических реконструкций Керченского пролива [149, 379, 129], но все они, к сожалению, сделаны в самых общих чертах и недостаточно обоснованы. План комплексной программы современных исследований наметил М.В. Агбунов [43], который предлагает в качестве основы для получения достоверных и бесспорных реконструкций исходить из 5-метровой изобаты.

Берега Керченского полуострова как в древности, так и ныне имеют довольно сильное расчленение. Во многих местах к морю выходят прочные известняки, очень слабо подверженные размыву. На северном берегу полуострова они образуют ряд выступающих мысов с открытыми заливами между ними: Казантип, Зюк, Хрони, Тархан. Главная особенность побережья - котловидные долины и кольцеобразные кряжи, не представляющие значительных возвышений. Берег к морю спускается полого.

Европейский берег Керченского пролива представляет собой песчаные заливы и бухты, и слабо подвержен абразии, кроме южной четверти. Нынешние соленые озера на юго-востоке полуострова были в древности лиманами и балками. Мыс Казантип был в древности островом [205, с.175]. Северо-восточный мыс Керченского полуострова в древности имел косу, шедшую в пролив по направлению к косе Чушке (на месте современной железнодорожной переправы) [205, с.207]. Пересыпь Чурубашского озера в древности выдвигалась в пролив стрелкой, напоминавшей Долгую косу в Азовском море. Она тянулась навстречу острову, находившемуся на месте нынешних остатков косы Тузла [205, с.194] Южный берег Керченского полуострова подвергся абразии, особенно в районе Китея [считается, что кроме 4, 5 га современной территории городища еще около 6 га обрушилось в море]. Он является сложным абразионно-аккумулятивным комплексом. Феодосийская бухта укрыта от всех ветров, чиста от подводных опасностей и никогда не замерзает, как и окружающее море. Таким образом, становится ясно, что почти все города Европейского Боспора были расположены в сравнительно обособленных друг от друга естественными рубежами районах. Эти районы в эпоху поздней античности становились основой для относительно замкнутых хозяйственно-территориальных комплексов. Кольцеобразные кряжи - границы районов - образуют далеко выступающие в море мысы, заключающие между собой удобные, в большинстве укрытые и глубоко вдающиеся в сушу бухты с аккумулятивными берегами и пологим песчаным побережьем. Небольшие поселения располагались на возвышенностях, примыкавших к бухте, или мысах, часть из которых, вероятно, **[19]** была островами [504, с.33]. Как уже было отмечено, большинство из нынешних соленых озер Европейского Боспора от Акташа до Узунлара были в древности заливами, а пересыпи об-

разовались в результате рефракции волн на материковых отмелях [520, с.234; 366, с.20].

С реконструкцией древней береговой линии Таманского полуострова дело обстоит сложнее, так как на ее образование и изменение как в античное время, так и ныне влияют не только береговые процессы, протекающие в Азовском и Черном морях, но и русловые, формирующие дельту Кубани. Никакие местности не подвергаются столь частым изменениям, как дельты больших рек [149, с.5].

Острова Таманского архипелага возникли в результате действия грязевых вулканов в море. Наносы Кубани постепенно заполняли проливы между островами [73, с.30]. Мы не можем с необходимой точностью обрисовать контуры древних островов. Хорошо сохранились лишь восточный и северный берега Таманского залива. Но, без сомнения, можно утверждать, что древний таманский берег был несравненно более расчлененным, изрезанным и имел значительно больше удобных бухт и мысов [504, с.37].

С.Ф. Войцеховский в 1929 г. выделил более 10-ти возвышенностей на Таманском полуострове, бывших, по его мнению, островами в древности [129, с.6-7]. Между островами можно было свободно плавать [149, с.35]. Основных же островов было, судя по всему, три [см., например: 439, с.115]. Эти острова послужили как бы скелетом для образования Таманского полуострова и доведения его до современных очертаний. Первый остров - Киммерида - теперь представляет собой Фонталовский полуостров. Его роль в истории Боспора была выдающейся. С одной стороны, остров был изолирован, с другой - он служил связующим звеном между Керченским полуостровом и степными пространствами Прикубанья, Приазовья, и далее - Поволжья. Поэтому через Киммериду проходила дорога, которой много раз в истории пользовались кочевые племена в своих походах [439, с.115]. Остров был достаточно плотно заселен и основательно укреплен. Очевидно, он являлся опорой азиатских владений Боспора и в период поздней античности.

К югу от северного острова располагался другой, меньший по размерам. С юга и севера он отделялся от соседних земель протоками Кубани, сохранившими свои русла и в настоящее время[367, с.70]. В источниках он именуется просто Островом. Из-за его малых размеров он имел прежде всего административное, и в меньшей степени хозяйственное или военно-стратегическое значение. Это подтверждается и тем фактом, что здесь были расположены два крупнейших города азиатского Боспора: Фанагория и Кепы. Лишь эти два города имели укрепления, остальные поселения оборонительных сооружений не имели [505, с.54]. Площадь острова была не более 6000 га. Большая часть ее, около 5000 га, была расположена к востоку от Фанагории и составляла урочище Фианнеи - важный сельскохозяйственный район азиатского Боспора [94, с.49]. Новейшие аэрофотосъемки, однако, показывают непрерывность валов мелиоративной системы при пересечении Субботина ерика - пролива между Киммеридой и Островом [162а, с.137]. **[20]** Если учесть, что эта система создавалась в IV-I вв. до н.э. [162а, с.131], то можно допу-

стить, что в первые века н.э. пролив уже существовал. Следовательно, выводы специалистов верны.

Третьим и самым крупным островом была Синдика. Она была неплотно заселена. Поселения располагались как на берегу моря, так и вдали от него. Здесь вообще отмечено довольно много глубинных поселений, расположенных у подножий господствующих холмов. Нет здесь и ярко выраженной организации оборонительной системы, мало и крепостей [131, с.173], хотя лишь отдельные из сельских поселений не имели укреплений. Центром острова была Гермонасса. Интересно, что в центре города в древности было озеро, отделенное от моря узкой полосой суши, таким образом, план города был отчасти схож с планом Александрии Египетской. Наиболее важным и развитым районом острова был участок от Корокондамы до Гермонассы, где раскопан ряд укрепленных поселений позднеантичного времени. К сожалению, сейчас раскопки Корокондамы уже невозможны, т.к. район этого города практически смыт морем. Поверхность острова Синдики представляла собой по словам Псевдо-Арриана «пространную равнину, которая недоступна частью вследствие болот и рек, а также топей, находящихся по ту сторону, частью же благодаря морю и озеру» (74).

Материковая область Боспора во главе с Горгиппией входила в состав государства до середины III в. и была его юго-восточным форпостом. Ни поселений, ни могильников конца III-IV вв., которые могли бы быть точно отнесены к боспорским, мы здесь пока не знаем [328, с.80]. Есть лишь эпизодические находки из этого региона, обзор которых будет сделан ниже.

Остров Тирамба имел гористую часть с множеством курганов [149, с.117]. Город Тирамба существовал по крайней мере до III в. н.э. [131, с.137; о Тирамбе см. также: 238]. Отдельным островом был район современного Темрюка [149, с.35], но информации о нем гораздо меньше. Еще восточнее лежал остров Большой Кандаур, вытянутый в длину с северо-запада на юго-восток.

В целом на азиатском Боспоре античная система расселения для IV в. зафиксирована на 30 поселениях. Материалы V в. найдены на 14 поселениях [368, с.32]. Я.М. Паромов отмечает, что в V в. сохраняется жизнедеятельность лишь нескольких береговых поселений, расположенных у переправ и в других узловых пунктах, поселений у главных дорог, а также укрытых от внешнего воздействия глубинных районах островов [368, с.32].

Керченский пролив был разделен Страбоном на три части: 1) «Устье Меотиды» - от железнодорожной переправы до оконечности Чушки, 2) «Киммерийский Боспор» или «вход в Меотиду» - до линии Тузлы, 3) с юга до Тузлы - без названия [88, с.46]. **[21]**

То же деление дает и Псевдо-Арриан (75, 76).

В древности пролив был не только у́же, но и мельче, изобиловал мелями, особенно в северной части. Самое узкое место находилось между Парфением и Чушкой (около 20 стадий; 3, 5 км). Порфмий же («переправа»), находившийся в 6 км от противоположного берега, был расположен на наиболее подходящих глубинах. Очевидно, глубина пролива в районе перепра-

вы-брода не превышала 1-1, 5 м. О существовании островов в районе античной переправы можно только догадываться. Боспор Киммерийский был, видимо, глубже.

Вторая переправа находилась в районе мыса Павловского, и нужно было преодолеть только несколько сотен метров через пролив, затем по острову Тузла, далее - через Тузлинскую промоину [88, с.51]. Остров Тузла лежал значительно южнее, чем сейчас [205, с.204], а Тузлинская промоина была, очевидно, несудоходна. Тот факт, что переправа из Пантикапея в Фанагорию проходила через Корокондаму, должен был увеличить значение этого городка в Боспорском государстве. Мелководными были и подходы к Танаису [88, с.52] (стартовым пунктом на пути к нему был район острова Казантип, благодаря оптимальным ветрам и течениям). Малая глубина препятствовала плаванию по Меотиде больших морских судов с осадкой до 3, 6 м [319, с.237]. Поэтому крупные суда типа римских практически не могли попасть в Меотиду.

Пролив между Киммеридой и Островом был судоходен до IX в. Для плавания были пригодны и другие проливы. На востоке в древности морской залив распространялся, быть может, до современного города Приморско-Ахтарска, в эпоху поздней античности, возможно, - до Ачуевской косы [131, с.121]. С другой стороны, море заполнило около 17 га в районе Фанагории [131, с.144], около 27 га в районе Патрэя [456, с.213] и т.д. Таким образом, режим проливов значительно отличался от современного.

Наконец, серьезные геофизические изменения произошли в районе Пантикапея. Как показали исследования Н.А. Синенко и А.В. Сазанова, вплоть до I в. до н.э. река Пантикапа (совр. Мелек-Чесме) впадала в залив гораздо южнее, чем ныне, и двумя рукавами, протекая у северного и северо-восточного подножия г. Митридат примерно по современной улице В. Дубинина. Заиливание устья реки и изменение ее русла можно отнести к рубежу н.э. Затем вновь образовавшаяся суша была снивелирована строительным мусором и в первые века н.э. интенсивно застраивалась. Именно тогда, а не в IV-V вв. основная общественная жизнь в городе переместилась вниз, на прибрежную равнину [404, с.166-177]. Вторая агора интенсивно застраивалась общественно-культовыми зданиями. В IV-V вв. происходит полное оставление жителями склонов г. Митридат и запустение террас. В районе Второй агоры возводится и византийская крепость VI в. Во всяком случае, еще в VI в. Боспор оставался сравнительно большим городом и рынком для окрестного населения [537, с.8]. **[22]**

На Керченском полуострове преобладают ландшафты со степной растительностью. По склонам долин и балкам, морскому побережью растут кустарники и древесные породы (шиповники, груша, боярышник, терновник, бересклет, плющ и др.) [504, с.39]. В древности леса встречались чаще [438, с.21-40. В Средиземноморье и Причерноморье вырубленный лес, как правило, не возобновляется, а образует вторичные кустарниковые заросли: см. 61, с.111]. Особенно богаты зарослями кустарника северные склоны Крымского

Приазовья вдоль берегов [205, с.176]. Юго-восток Керченского полуострова практически безлесен.

Водными ресурсами полуостров небогат. Небольшие речки сосредоточены в его восточной части. Первостепенное значение приобретают подземные воды, которые питают и поверхностные.

Юго-западная равнина вплоть до Феодосии лишена поверхностных вод и представляет собой пустынные луга. Для большей части Керченского полуострова характерно наличие замкнутых и полузамкнутых миниатюрных артезианских бассейнов с пластовыми напорными водами, разобщенных антикланалиями-водоразделами [366, с.34]. Эти бассейны (мульды) имеют ограниченные возможности питания и значительно минерализированы. Юго-западная часть полуострова, сложенная толщей засоленных майкопских глин, практически безводна [366, с.35]. Юго-восток полуострова, видимо, подвергся серьезному обезвоживанию в V-VI вв. В Крымском же Приазовье до сих пор сравнительно много родничков [205, с. 176].

На азиатском Боспоре почвы представлены чрезвычайно плодородными мощными черноземами и наносами р.Кубани, на которых развита разнотравная злаковая степная растительность. Вдоль русел Кубани росли леса галерейного типа. Район чрезвычайно богат влагой. Имеется целая сеть небольших проток, речек, ручьев, а также грунтовые воды. Острова покрыты холмами, курганами, грязевыми сопками. На Острове доминирует гора Бориса и Глеба (в восточной части), на Киммериде – г. Куку-Оба (Горелая) севернее Патрея, на Синдике – г. Васюринская. Азовский берег Киммериды спускается к морю пологими, покрытыми кустарником увалами с узкой песчаной полосой у моря. Это красивейшая ландшафтная зона Боспора [131, с. 128]. Остальные берега менее живописны.

Характерным явлением в жизни античной цивилизации вообще была устойчивая тенденция к постепенному истощению почвы [61, с. 121; см. также: 102]. В итоге Боспор, житница античного мира в IV в. до н.э., в эпоху поздней античности таковой уже длительное время не являлся и, кроме того, стал относительно засушливой зоной, особенно в европейской части.

Вследствие незначительной протяженности с севера на юг Керченский полуостров и Тамань находятся под большим климатическим воздействием омывающих морей, увеличивающих в прибрежных районах **[23]** влажность воздуха, сглаживающих ход температур, формирующих умеренно континентальный климат. Устойчивые погоды длятся со второй половины мая до конца осени. Море поздней осенью и зимой бурно, в остальное время - преимущественно спокойно, хотя летом бывают сильные грозы. Северо-восточные ветры всегда были наиболее опасными для мореплавателей [120, с. 46].

Принято считать, что в течение четвертичного периода основные черты климатов были по существу теми же, что и современные. Однако, они характеризовались ритмическими колебаниями, выражающимися в кратковременных относительных потеплениях и похолоданиях, усыханиях и увлажнениях (специалисты насчитывают по 6-8 колебаний каждого вида за последние 5 тысяч лет [504, с. 42]), что оказывало влияние на исторический процесс [565].

С XVII в. до н.э. по VII в. н.э. господствовала Суббореальная климатическая эпоха [383, с. 7]. I тысячелетие н.э. было эпохой пониженной увлажненности, теплым и засушливым временем.

Середина и вторая половина I тыс. считается эпохой «второго климатического оптимума» [517, с. 268-269]. Во II-VI вв. длилась 2-ая ксеротермическая фаза суббореала с двумя интервалами увеличения засушливости [383, с. 7]. В Таврике до конца IV в. продолжалось потепление [102, с. 4]. Сведение лесов вело к обмелению рек, утрате части влаги сушей и подъему уровня моря. Увеличилось количество сильных штормов, при которых происходило частичное разрушение берегов [102, с. 5].

В начале н.э. стало относительно небольшим количество суровых зим в Северном полушарии. Высота весенних разливов Нила очень сильно снизилась, к V в. наступил период «низких вод».

Наибольшие и наиболее продолжительные мелководья имели место в VII и IX вв. [517, с. 269]. Кроме того, для I-IV вв. отмечается высыхание болот во многих местах Германии, высыхание торфяников и зарастание их лесом в Европе (образование нового пограничного горизонта) и т.д.

Пик экстремума засушливости падает на V век. В это время отмечаются: сильное высыхание Монголии, резкое сокращение ирригационной сети в Средней Азии, наинизший в историческое время уровень Каспия, относительно малое количество наводнений в Китае [517, с. 278, табл.37]. Ф. Альтхайм приводит ряд сведений об исключительных засухах в Сирии, Палестине и Малой Азии в 449-517 гг. [Altheim F., Striel R. Die Araber in der Alten Welt. Bd. I-V. - B., 1969. - Bd.I, S.114; цит. по: 165, с. 376]. На этом основании ряд специалистов предполагает, что степная зона Евразии тоже усыхала, и это вызвало передвижение кочевников из засушливых районов на окраины степи. Но надо, однако, учитывать, что при усыхании субтропической зоны имело место повышенное увлажнение степей. Эта зависимость не была прямой, но все же существовала. Так, К. Брукс отмечает постепенное усиление влажности в Восточной Европе [111, с. 282]. В.Д. Блаватский распространяет этот тезис и на Таврику [102, с. 4]. **[24]** Как бы там ни было, V-VI вв. были эпохой огромного расцвета кочевого хозяйства и, несомненно, миграции кочевников находились в зависимости от колебаний увлажнения степи. Многовековой ритм представляет собой проявление систематических вторжений воздействия внешней среды на поступательное развитие ландшафта в целом и его элементов по отдельности. Влияние многовекового ритма выражено со строгой закономерностью в течение всей послеледниковой эпохи, т.е. в течение приблизительно 13-15 тыс. лет [517, с. 287].

В целом климат Суббореальной эпохи был более аридным и прохладным по сравнению с современным. Резкий рост влажных лет начался с середины VII в. Одним из следствий этого стало начало процесса превращения Таманского архипелага в полуостров.

Геофизические изменения в III-IV вв. вызвали сокращение стока рек в Азовский бассейн и пролив, рост солености Азовского и Черного морей. Параллельно происходит медленное подсыхание земель, расположенных в глу-

бине Керченского полуострова, что вызвало постепенную смену хозяйственно-культурного типа: сокращение пашенного земледелия, тенденция к замене его виноградарством, возрастание роли добычи и обработки рыбы, увеличение ее удельного веса в рационе. В V в. общие природные условия на Боспоре уже значительно отличались от тех, что существовали там во времена классической древности.

В последнее время археологами - исследователями позднего Боспора предпринимаются попытки выделения историко-географических областей. Критериями при выделении этих областей (зон) послужили: особенности материальной культуры (специфика поселений, некрополей, плотность заселения) и природной среды (ландшафт, климатические особенности и т.п.), а также влияние социального фактора.

А.А. Масленников выделяет шесть зон внутри Боспорского государства и три по соседству с ним [328, с. 177, рис.17].

1) Крымское Приазовье - лучше всего изученный район. Население: греки-боспоряне и скифо-сарматы. Города здесь немногочисленны и невелики. Флора - лесостепь. Характерно давно сложившееся комплексное производящее хозяйство. На эту территорию распространялось все влияние античного государства, действовали все законы, учреждения и отношения классового общества. Жизнь на поселениях этого района была тесно связана с колебаниями уровня моря. Это существенно сказывалось на условиях навигации и на защищенности этой территории от вторжений варварских племен [311, с. 233 о докладе И.М. Безрученко «Полуостров Казантип в античную эпоху»].

2) Степная глубинная часть Восточного Крыма исследована неравномерно и неполно. Этносы: греки-боспоряне и скифо-сарматы. Флора - степь с отдельными «оазисами» деревьев и кустарника. Социальный фактор представлен как античной государственностью, так и привнесенными более примитивными отношениями.

3) Восточное Причерноморье Крыма было заселено греками, аланами, частично скифами. Флора - степь. Социальный фактор - тот же. **[25]**

4) Европейский берег Керченского пролива (от Порфмия до Акры) хорошо изучен. Это был самый урбанизированный район Боспора. Ландшафт - степь. Сельское хозяйство долго носило товарный характер. Города были центрами ремесел. Порты, переправы, рынки - все это делало экономическую жизнь в этой зоне самой оживленной в Северном Причерноморье [328, с. 184]. Все социальные и имущественные различия здесь проявлялись четче, а государственные институты играли большую роль.

5) Таманский архипелаг. Археологически исследованы лишь памятники на побережье. Внутренняя часть со временем должна быть выделена в отдельную зону. Есть все ведущие боспорские этносы. Территория была густо заселена, а города - многочисленны. Степи преобладали, но были массивы настоящего леса. В полной мере действовали государственные институты.

6) Юго-Восточное Причерноморье до недавнего времени было мало изучено. Эта дальняя, наиболее отсталая окраина Боспора была и наименее эллинизированной его частью. Преобладают горы, спускающиеся прямо к

морю, с узкой полоской берега. Определяющим в ландшафте был лес на склонах гор. «Догосударственные» традиции здесь давали знать о себе сильнее, а влияние античного государства было менее сильным.

Танаис и прилегающие к нему земли составляли единый хозяйственно-политический организм, жизнедеятельность которого контролировалась центральной администрацией до середины III в. В дельте Дона известно 15 поселений сельскохозяйственного типа с ярко выраженным влиянием античной культуры [221, с. 149].

Сопредельные территории:

1) Прикубанье и Восточное Приазовье издавна входили в сферу влияния Боспора, исконные меотские и сарматские места. Преобладают догосударственные, общинные институты и отношения.

2) Степной Крым - степь, занятая поздними скифами с несколькими локальными вариантами древней культуры.

3) Горный Крым - самая слабоизученная зона. Основной этнос тавро-скифы. Государственности нет.

В период поздней античности владения Боспорского государства на западе скорее всего не простирались далее древних рубежей по Узунларскому валу. Фактически же власть государственных институтов ограничивалась, быть может, лишь сравнительно узкой полосой вдоль берегов. Сколько-нибудь удаленные или изолированные «внешние» территории Боспора в IV-V вв., видимо, не входили в состав государства даже номинально (Танаис, Феодосия, Горгиппия, район Казантипа). Материальная культура этих районов, однако, сохраняла в основном античный характер.

«Новый географический текст» [39], дающий сведения на 360-386 гг., указывает, что в то время Боспору уже не принадлежали Феодосия и район Казеки. **[26]** Псевдо-Арриан (76) и Стефан Византийский (v. Kuta) указывают, что в V-VI вв. пределы Боспора заканчивались немного к западу от Китея.

Границы территориальных зон Боспора условны, и ни в какой мере не могут рассматриваться как нечто стабильное или отвечающее точным районам расселения какого-либо этноса [328, с. 189], но, вместе с тем, они помогают точнее представить себе историко-географическую структуру Боспора эпохи поздней античности.

Интересно отметить, что для Боспора первых пяти веков его существования ясно просматривается определенная ориентировка всей жизни государства и его интересов на Восток; Запад для боспорян - чужая, враждебная стихия, отгороженная валами [325]. Для позднеантичной эпохи можно говорить о враждебности со всех сторон: с востока угрожали аланы и гунны, с запада готы, утигуры, поздние скифы. В связи с этим изменяется и система обороны Боспора. Одновременно происходит постепенная локализация отдельных хозяйственно-территориальных комплексов.

Таковы природно-географические условия и очертания Боспора позднеантичного времени. В целом они были менее благоприятными, чем в предшествующее время. Характер конкретных природно-исторических взаи-

модействий в регионе еще не изучен надлежащим образом, хотя он мог бы многое прояснить в истории Боспора IV-VI вв.

§ 2. От готов до гуннов (276-375).

I. Готские походы и их последствия для Боспора.

Истоки последнего периода истории Боспорского царства коренятся в «смутном времени» середины III века. Общий кризис средиземноморской античной цивилизации, потрясший мировую империю во 2-й четверти III в., почти одновременно охватил и Боспор. Вместе с тем, на Боспоре не было резкой границы между позднеантичной и предшествовавшей ей эпохой. Фактически облик позднего Боспора сформировался уже в митридатовское и постмитридатовское время. Подспудные внутренние изменения в экономике, характере культуры, этническом и социальном составе населения государства к середине III в. проявляются уже во всех областях экономической и культурной жизни [252, с. 6].

Первая половина III в. на Боспоре была еще тесно связана с предшествующим периодом так называемого Второго экономического расцвета и являлась его заключительным этапом [251, с. 3-4]. Археологический материал этого времени не дает практически никаких принципиальных отличий от материала II века. Тем не менее, еще во 2-й половине II в. в экономическом положении государства и всего античного мира в целом наступает едва заметный перелом и появляются первые признаки упадка, который в дальнейшем неуклонно прогрессирует [50, с. 82]. Кроме того, в середине III в. на поселениях европейского Боспора отмечен ряд значительных разрушений и пожаров, связанных, скорее всего, с тектонической деятельностью. **[27]**

С начала III в. изменяется и внешнеполитическая ситуация, что было связано прежде всего с развитием синполитейных обществ Восточной Европы. В степях Северного Причерноморья появляются варварские племена, названные античными авторами готами, боранами и герулами.

Собственно готы возглавили большие объединения различных этнических групп племен, в том числе сармато-аланских [60, с. 20]. Передвижения этих племен нарушили естественный жизненный ритм всех центров античной культуры Северного Причерноморья. В конце второй трети III в. (269/270 гг.) была разгромлена Ольвия [261, с. 143]. Эти передвижения совпали с аланским натиском на восточные рубежи Боспора [50, с. 83].

Один из первых ударов обрушился около 234 г. на Горгиппию. Его нанесли, по всей видимости, аланы [252, с. 6]. Позднее, в 40-х гг., был разгромлен Танаис. Дата его гибели - между 244 и 247 гг. - основана на археологическом, прежде всего монетном материале [500, с. 302-304]. Отсутствие следов штурма, малое количество оружия и скелетов убитых говорит об отсутствии уличных боев. Большая часть жителей по всей видимости была жива, когда город был разрушен пожаром. Танаиты, вероятно, были пленены и угнаны завоевателями, коими были бораны и герулы. Вскоре после 239 г. была окончательно уничтожена Горгиппия. Дата устанавливается наиболее поздними

монетами из слоя гибели города - денариями Ининфимея, помеченными этим годом [50, с. 83; все монеты из раскопок 1972-1986 гг. определены Н.А. Фроловой]. Город погиб в сильнейшем пожаре. Горели все дома, но развалины не погребли людей; быть может, жители города были уведены завоевателями.

Археологические материалы подтверждают, что в 40-х годах III в. в районе Меотиды происходят массовые миграции племен. В наступлении на Боспор участвовали различные группы племен, двигавшихся с востока, юга, запада [253, с. 151; 252, с. 16-17].

Изменение восточных границ Боспорского государства в III в. было связано, без сомнения, с установлением гегемонии аланов в степях Северного Кавказа и Приазовья [252, с. 13].

Еще одним народом, вмешивавшимся в боспорские дела, были, видимо, псеханы - адыгское племя (значение их этнонима – «обитатели низовий, речных долин»). На Певтингеровой таблице псеханы показаны в районе островов Таманского архипелага. Так как таблица отражает ситуацию II-III вв., то этот факт говорит об успешном продвижении псеханов на азиатские владения Боспора в то время (поход против них Савромата I не привел к решительной победе). Возможно, что псеханов, оторвавшихся от своего адыгского массива (ближайшие их соседи - зихи), толкали на запад аланы [531, с. 131-132; 532, с. 216-228].

В середине 40-х годов III в. к северным берегам Меотиды проникли остроготы и другие племена, что совпадает со временем гибели Танаиса [139, с. 444; 500, с. 301-304]. **[28]** Но совершенно неправомерно утверждать, что на Танаис могли напасть собственно готы [500, с. 302]. Археологический материал подтверждает, что появление их в области Меотиды не сопровождалось разрушением городов и поселений. И.Т. Кругликова объясняет это тем, что варвары вошли в соглашение с Фарсанзом, который появляется на боспорском престоле в 253-254 гг. Она высказывает предположение о том, что отношения части боспорской аристократии и племенной знати новых пришельцев не были враждебными [251, с. 8]. Каким путем готы проследовали на Боспор, не совсем ясно, но, вероятнее всего, по северному побережью Меотиды [117, с. 76, прим.38].

Таким образом, можно выделить 30-40 гг. III в. в первый период «готской смуты». Главную роль на этом этапе играли бораны и герулы, чья этническая принадлежность точно не установлена. Герулы до нападения на Танаис жили между Доном и современным Азовом в северо-восточном Приазовье [573, с. 319].

Д.Б. Шелов считает, что «разрушители Танаиса, как бы они ни назывались, двигались с востока на запад, и поэтому естественнее видеть в них племена аланского, а не германского происхождения» [500, с. 304; В.П. Буданова, однако, считает герулов германским племенем, хотя и признает, что они во второй половине III в. достигли границ империи, двигаясь с востока: 118, с. 77].

Вероятно, Боспорскому государству удалось на этом этапе сохранить свою независимость, хотя и ценой потери ряда важнейших центров. Но враги не ушли, они остались в непосредственной близости от границ царства.

Проблема присутствия готов в южнорусских степях до сих пор имеет очень много неясного. «Можно сказать, что история готов - это дискуссия без конца» [560, с. 1]. Для нас особый интерес вызывает вопрос о миграциях народов, касавшихся Боспора.

«Понятие миграция по своему содержанию столь неопределенно, что можно утверждать: нет миграций, есть лишь изменения населения разной природы, по самым разным причинам, разнообразные по характеру и результатам» [560, с. 279]. Организованное, полное переселение сразу большой группы населения на большое расстояние - случай исключительный. Чаще имело место постепенное проникновение отдельных групп, разных по характеру, размерам, происхождению, степени организованности, вступавших по мере продвижения в определенные отношения друг с другом и с местным населением. Поэтому и в археологическом материале достоверно установленные исторической традицией переселения племен находят самое разное и не всегда отчетливое выражение [526, с. 83]. Эта закономерность характерна не только для готов III в., но и для гуннов IV в., и утигуров V в. Почти никогда не удается с достаточной точностью определить исходный район миграции, улавливается лишь общее направление движения. Никогда не наблюдается полного переноса всего комплекса культуры на новую территорию. Фиксируется лишь инфильтрация отдельных элементов. **[29]** Результатом миграции являются чаще всего изменения в материальной культуре, наблюдаемые или в конечном, или в изначальном районе миграции, или на ее пути [526, с. 84].

Остается дискуссионным вопрос о том, какие же этнические группы из обосновавшихся на Боспоре в 50-60-х гг. сыграли главную роль в организации морских походов. Историография вопроса рассмотрена в монографии В.П. Будановой [117, с. 83 сл.]. Она отмечает, что проблема представляет немалые трудности, так как в письменных источниках, относящихся ко второй половине III в., нарастает этническая путаница [117, с. 90]. Хронология походов варваров из Северного Причерноморья на империю была разработана А.М. Ременниковым [385]. Исследование М. Сэлэмона, основанное на сравнении греческой и римской письменной традиции, дает новые подтверждения хронологии отдельных набегов [580].

Первый морской поход состоялся в 255 или 256 г., второй 257 г. Зосим (I.34-35) сообщает, что оба рейда были предприняты вдоль восточного побережья Понта с целью грабежа. Боспоряне были вынуждены предоставить для пиратов свои суда. В первый раз был разграблен Питиунт, во второй подверглись осаде Фасис, Питиунт, Трапезунт (Zos. I.32-33), но гарнизоны дали им отпор. Главную роль в этих походах, по мнению А.М. Ременникова [385, с. 133], с которым согласна В.П. Буданова, сыграли бораны, но участвовали и остроготы.

Третий поход 258 г. шел двумя потоками: по морю и по суше, вдоль побережья Понта на запад и далее на юг. В рассказе Зосима об этом походе его

участники как бы отделены от коалиции племен двух первых походов: «Соседние скифы, увидев привезенные богатства, возымели желание совершить нечто подобное» (Zos. I.34). Видимо, это была новая коалиция племен, базировавшаяся, скорее всего, западнее остроготов и боранов [117, с. 93].

Следующие походы произошли в 262, 263 (на Эфес), 264 (на Каппадокию), 266 (на Вифинию). Морской поход на Эфес 263 г. совершили, скорее всего, грейтунги (Iord. 107-108). Остроготы в это время готовились к вторжению в Вифинию 264 г., а также в Каппадокию и Галатию. Сохранились имена трех готских вождей похода 263 г.: Респа, Ведук, Турвир. Крупнейшим походом был набег 267-268 гг. на Грецию, который организовали герулы (Dexipp. 21; Zos. I.39; SHA, Hallien, 13.6-10). Поход 269 г. отличался от всех предыдущих по характеру и по масштабам. Видимо, готы были намерены поселиться на территории империи, так как вместе с воинами в поход выступили и их семьи (Zos. I.42-46; SHA, Claud. 6, 2;8, 6;9, 4). Наконец, в 275 г. «многие варвары с Меотиды» напали на малоазийские провинции. В литературе принято считать, что примеотийские готы имели отношение к этому походу, так как римляне после побед над ними выпустили монеты с легендами Victoria Gotthica и Victoria Pontica [117, с. 101]. **[30]** Вместе с тем, имя одного из вождей этого похода Ардашир (Moises Khoren. II, 73), что, видимо, отражает участие в нем аланов. Потерпев ряд поражений от армии Тацита, варвары погрузились на (боспорские ?) корабли, крейсировавшие все это время у южных берегов Понта, и начали отступление к Меотиде (SHA, Tac. 12, 2; Zos.I.64, 2); отступающие варвары потерпели поражение от преследовавшего их римского флота. Судя по наиболее вероятному направлению движения флотов, можно предположить, что эта морская битва произошла не в открытом море, а уже близ Таврики, скорее всего, у входа в Керченский пролив в районе Китея. Это был последний аккорд невиданной доселе на Боспоре смуты.

Ф. Миллар справедливо отмечает, что великий прорыв северо-восточных рубежей (первый в период кризиса III в.) стал возможен во многом благодаря постоянному отзыву пограничных войск империи на войну с сасанидским Ираном [573, с. 319]. Этот внешний натиск совпал с апогеем внутреннего кризиса.

Рассмотрим теперь внутреннюю ситуацию на Боспоре в 253-275 гг. К сожалению, ни одна датированная надпись, относящаяся к периоду 250-275 гг., не известна [252, с. 16]. Но есть сведения из других источников. Еще Т. Моммзен отметил, что Зосим не без основания обвинил в пиратских набегах варваров с боспорской территории «ничтожных и недостойных правителей», пришедших к власти после прекращения старого царского рода [344, т.5, с. 623]. Видимо, Зосим имел в виду Фарсанза, захватившего власть в результате переворота в 253 г. [249, с. 69].

Впрочем, есть мнение, что он мог объявить себя царем параллельно с легитимным правителем Рескупоридом, подняв мятеж на части территории царства [476, с. 69], скорее всего, европейской [100, с. 203], где и отмечены значительные разрушения III в. Независимо от размеров территории, на кото-

рую распространялась власть Фарсанза, его приход к власти был связан, скорее всего, с расколом в среде господствующего слоя царства. Одна группировка должна была занять патриотическую позицию, другая вступила с готами в союз. Такое предположение вытекает из всей логики событий. Тем не менее, монеты Фарсанза носят традиционное изображение римского императора. Этот факт можно рассматривать двояко: либо за короткое время правления (с ноября-декабря 253 по начало октября 254 г. [159, прим.38]) Фарсанз не имел возможности радикально сменить монетный тип, либо «проготская» группировка не желала разрывать пусть и ставшие номинальными связи Боспора с Римом.

В пользу синхронного правления обоих царей говорит и тот факт, что на их монетах наличствует одинаковый дифферент [59, с. 123]. Тем не менее, вопрос еще остается открытым. После 255 г. все следы Фарсанза теряются. Это примерно совпадает по времени с началом морских походов варваров. На Боспоре вновь возникает кризис власти. Быть может, Фарсанз был вынужден принять участие в походе и погиб. Так **[31]** или иначе, нумизматический материал датирует правление Рескупорида V до 276 г. В 263 г. были выпущены золотые и серебряные монеты с дифферентом - точкой. В.А. Анохин считает, что эту эмиссию финансировал Рим [59, с.123, 135]. Как бы там ни было, этот факт говорит об известном укреплении власти боспорского царя, видимо, сумевшего найти приемлемый компромисс с варварами.

Новое обострение ситуации происходит в 266/267 гг., когда появляются первые монеты с именем царя Тейрана. Так как после 268 г. на Боспоре в течение 7 лет не было выпуска монет, можно предположить, что все эти годы (266-275) Тейран продолжал быть соправителем Рескупорида V. В пользу этого говорит и принадлежность Тейрана к династии Тибериев-Юлиев.

В 275 г. на троне оказываются сразу три царя (от Савромата IV известны монеты только 275/6 года). Это факт чрезвычайной важности. Он дает возможность расценивать действия старого царя Рескупорида V как акции дальновидного политика, прибегшего к соправлению для спасения своего государства в критический момент [476, с. 74].

275/276 год стал переломным в судьбе Боспора. Остатки разбитых варваров были изгнаны из пределов государства Тейраном, который стал единоличным правителем с осени 276 года (КБН 36).

В 50-60-е годы готы и их союзники находились на европейской стороне Боспора, откуда и готовили свои морские, а затем и сухопутные походы на империю. Азиатский Боспор, видимо, не испытал серьезных разрушений в то время [252, с. 18]. Европейская часть пострадала значительно. В это время погибает ряд поселений Крымского Приазовья, подвергается разгрому крепость и город Илурат [163, с. 37] (между 267 и 275 гг.). В основном тогда же заканчивается и история Нимфея. Большинство боспорских кладов этого времени были найдены именно в Восточной Таврике [252, с. 6]. Отмечено, что клады начали зарывать за год до временного прекращения чеканки монет (268 г.). Массовое сокрытие кладов имело место также в 276, 278, 291 гг. [485, с. 201]. Проанализировав состав позднебоспорских кладов, Н.А. Фроло-

ва приходит к выводу о том, что временное прекращение монетной чеканки на Боспоре в 258-260 и в 268-274 гг. находится в общей связи с процессом постепенного прекращения функционирования монетных дворов греческих городов Римской империи, начиная с правления Гордиана III (238-244). После Галлиена (253-268) больше ни один город во Фракии и Мезии не чеканил монет. Возникшие в обеих провинциях новые места чеканок были уже монетными дворами империи [485, с. 201].

Выпущенные перед последним походом варваров статеры Савромата и Тейрана 275 г. содержат не менее 50% серебра [476, с. 75]. Этот факт опровергает принятую точку зрения о том, что боспорские статеры становятся чисто медными после 276 г. [206, с. 60]. Следовательно, массовый выпуск медных «статеров» был предпринят Тейраном в 277 г., что вполне объяснимо ситуацией первых лет после изгнания варваров. **[32]**

Итак, в год окончания походов Боспорское государство, несомненно, сохранило свою независимость. Это бесспорно подтверждается данными нумизматики и эпиграфики. Сохранилось и основное ядро боспорской территории. Несмотря на известные разрушения, сохранились основные города. Культурный слой в них непрерывен. Наглядным примером начавшегося процесса восстановления может служить комплекс большого общественного здания III-IV вв. типа пританея в Гермонассе [239, с. 167]. Это здание было возведено на фундаментах разрушенного в середине III в. строения. Часть населения разрушенных городов переселилась в главные центры: сравнение личных имен, инновации в области ономастической традиции Пантикапея во 2-й половине III в. говорят о переселении сюда части населения из Танаиса после разгрома последнего [168, с. 46].

Главное значение готских походов для истории Боспора заключается в том, что они нарушили естественный ход развития государства, причинили серьезный ущерб экономике, были первым звеном начавшегося продолжительного передвижения племен [344, с. 222], в орбиту воздействия которого попадает с тех пор Боспор. Таким образом, с конца III в. можно говорить о начале позднеантичного периода в истории Боспорского государства.

2. Правление Тейрана (266, 275-278 гг.).

Как уже было отмечено, первой монетой с именем царя Тейрана является уникальный статер 266 г. из Таманского клада 1958 г. [279, с. 343, рис.3, №13]. Но регулярный чекан Тейрана приходится на 275-278 гг., что порождает проблему хронологических рамок его царствования.

Полное имя царя - Тиберий Юлий Тейран - засвидетельствовано надписью (КБН 36) на базе памятника, сооруженного в честь большой победы, одержанной Тейраном и по своему значению равной спасению государства. Эта очень важная надпись не имеет даты. Нет сомнения в том, что победа, о которой идет речь в надписи, связана с избавлением от возвращавшихся в 276 г. из набега готов и герулов. После морской битвы близ Таврики разбитые варвары, скорее всего, высадились на сушу в боспорских пределах, где и были добиты боспорским войском. Роль царя Тейрана в этих событиях была

достаточно велика: по-видимому, он должен был лично возглавлять сухопутное войско.

Победе был придан сакральный характер: в надписи упомянуты имена и должности многих настоящих и бывших царедворцев, организованных в особую сакральную коллегию аристопилитов, посвященную Зевсу и Гере Спасителям [395, с. 29, прим.2]. Правда, В.В. Латышев, ссылаясь на А. Бэка, предполагает, что слово aristopuleitai можно рассматривать как испорченное aristopoleitai. [IOSPE, v. II, c. 30]. В таком случае здесь имелись в виду просто знатные граждане города Пантикапея [252, с. 31]. Но, как бы там ни было, значение этого события чрезвычайно важно. **[33]**

Единоличное правление Тейрана по нумизматическим данным длилось всего два года, так как имеются монеты только 277-278 гг. От последующих пяти лет - до начала выпуска статеров Фофорса в 285 г. - монет не найдено [486, с. 103]. Эпиграфические и письменные свидетельства о Тейране в дальнейшем также отсутствуют. Поэтому как и чем окончилось правление этого царя, мы не знаем. Следующие несколько лет боспорской истории представляются весьма темными.

3. Правление Хедосбия (280-283 ?).

Лакуна между Тейраном и Фофорсом охватывает 279-284 гг. Из эпиграфики известно имя царя Хедосбия [516, с. 2, надпись I]. Издатель надписи В.В. Шкорпил помещает его правление на конец III в., а именно - на те годы, в которые нет монет Фофорса: 280-283 гг. [516, с. 65-67]. Личность и характер правления этого царя остаются загадкой. Самым непонятным является тот факт, что Хедосбий, видимо, не чеканил монет со своим именем.

В.Ф. Гайдукевич распространил время правления Хедосбия на весь темный период 278-285 гг. [557, с. 475-476], хотя первоначально относил его к разрыву в правлении Тейрана (267/8-275/6 гг.) [139, с. 452]. Уже сам факт того, что Хедосбий правил спокойно и без особых потрясений (по крайней мере, источники молчат), позволяет отнести его правление скорее ко времени стабилизации после Тейрана нежели ко времени готских походов.

4. Правление Фофорса (285-308).

В 285 г. к власти приходит правитель с иранским именем Фофорс. А.Н. Зограф, исходя из нединастического имени этого царя и наличия на обратной стороне его монет тамгообразного знака, считает, что он и, возможно, его преемник Радамсад не принадлежали к исконной династии [207, с. 211]. В пользу этого предположения говорит и «темный» характер предшествовавших его воцарению лет. При отсутствии источников можно допустить, что к власти пришел представитель одного из видных родов сарматского происхождения, причем в любом случае он был признан всеми законным правителем, чья легитимность не вызывала сомнений. Об этом свидетельствует его долгое и относительно спокойное правление.

Большинство сведений о годах правления Фофорса мы извлекаем из нумизматического материала. Статеры 285-293 гг. однотипны: на них нет

дифферентов. На основании этого В.А. Анохин полагает, что данную чеканку финансировал сам царь. Это можно понимать так, что первые 8-9 лет правления Фофорс не смог установить контакта с теми кругами, которые оказывали финансовую поддержку всем боспорским царям [59, с. 197], т.е. с Римом. Эти даты хорошо согласуются с письменной традицией: в конце III в. отмечается усиление римского влияния на Боспоре после боспорско-херсонесских войн. Чеканка меди Фофорса носит эпизодический, а возможно, просто символический характер. Об этом говорит малочисленность учтенных монет Фофорса (два экземпляра) [481, с. 45]. **[34]**

Хорошей иллюстрацией материальной культуры первых лет правления Фофорса может служить склеп, открытый В.В. Шкорпилом в 1902 г. на северном склоне г. Митридат. В нем был похоронен некий Филон, сын Далосака, причем, как следует из надписи, склеп был сделан самим Филоном при его жизни [289, с. 94, склеп 98].

К последнему десятилетию III в. относится известный пассаж Константина Багрянородного о боспорско-херсонесских войнах (De administrando imperio, 53). Отношение исследователей к проблеме установления достоверности этого отрывка было весьма различным [разбор взглядов см.: 492, с. 204]. Но, поскольку для истории позднего Боспора важен любой факт, даже самый спорный, надо попытаться определить ему должное место в концепции позднебоспорской истории.

В изложении Константина события выглядят следующим образом. Во время царствования Диоклетиана царь Боспора Савромат, собрав войско из припонтийских сарматов, пошел походом на римлян и, завоевав страну лазов и покорив местных жителей, продвинулся вплоть до р. Галис. Узнав об опустошении Лазики и Понтики, Диоклетиан послал войско во главе с Констанцием против вторгшихся сарматов. Так как у римлян не хватало сил для изгнания сарматов, император обратился за помощью к херсонесцам. Херсонесское войско вторглось на территорию Боспора и военной хитростью овладело столицей - г. Боспор. Пленив семью царя, херсонесцы отправили к нему в Малую Азию посольство, чтобы склонить его прекратить войну и уйти с римской территории. Савромат был вынужден возвратиться на Боспор. В награду за это херсонесцы получили некоторые привилегии от империи, в т.ч. освобождение от налогов.

До конца XIX в. этот рассказ не считался достоверным. Лишь труд Р. Гарнетта в 1897 г. положил начало новому подходу [558]. Основной причиной отрицания достоверности сообщения была, по-видимому, яркая прохерсонесская тенденция, призванная обосновать справедливость херсонесских привилегий.

Сомнения оставались и в дальнейшем. Так В.Ф. Гайдукевич в 1949 г. оценивал сведения Константина как достоверные [139, с. 460], в посмертном же издании 1971 г. было выражено сомнение в том, что Боспор, общее состояние которого было ослаблено готскими походами, мог решиться на такие трудные и дорогостоящие операции как дальний поход на юг [557, с. 478].

В.А. Анохин, следуя мнению Гарнетта, предлагает возможную хронологию боспорско-херсонесских войн и устанавливает 4 войны: 1) 284-292 гг., 2) 323-337 гг., 3) и 4) - позднее [58, с. 92].

Серьезное источниковедческое исследование провел Б.И. Надэль [575]. Его выводы: херсонесские истории Константина - это извлечения из местной херсонесской хроники, возникшей в V или VI в. [575, с. 92]. **[35]** Датировка основывается на употреблении названия «Боспор» для столицы царства и «Кафа» для бывшей Феодосии. В связи с этим Н.А. Фролова задает резонный вопрос, а не происходили ли эти события гораздо позже [481, с. 48], ведь еще в 306 г. Феодосия носила свое старое название (КБН 64), а в V в. называлась по-алански Ардабда. Заманчиво предположить, что серия боспорско-херсонесских войн произошла в IV или V в., если допустить, что главный датирующий признак - названия городов. Но, тем не менее, Константин ясно говорит о времени Диоклетиана, а новые названия боспорских городов за 600 лет употребления в Византии ко времени Константина прочно вошли в географические представления жителей империи [557, с.497, прим.3; 141; 273а].

Я. Харматта согласен с Б.И. Надэлем в том, что рассказ Константина происходит из местной херсонесской хроники, которая была послана византийским наместником Херсона в империю по просьбе императора. Первоначальный характер этого источника как хроники твердо определен постоянно повторяющейся формулой датирования: stefanhforountos kai prwteuontos [492, с. 205].

Так как в рассказе имеются детали, которые свидетельствуют об осведомленности автора в отношениях Херсонеса и Боспора в III-IV вв., то эта хроника должна была быть написана вскоре после этих событий. Таким образом, херсонесская хроника возникла, вероятно, не позднее, чем в V веке [492, с. 205]. В то время города Таврики носили уже свои поздние, византийские названия. Я. Харматта предложил свою реконструкцию событий, которая представляется наиболее полной, обоснованной и убедительной. Дата похода боспорского царя в Малую Азию определяется следующим образом. Констанций, воевавший против вторгшегося Савромата, вскоре после этих событий стал цезарем (1 марта 293 г. в Медиолане). Это важнейшее событие херсонесский хронист должен был отметить в своем сочинении. Исходя из этого, поход Савромата может быть датирован 292 г. Но, согласно источнику, за время событий в Херсонесе сменилось два высших магистрата. Отсюда следует, что поход длился по меньшей мере два года; кроме того, еще один год нужно отнести на возвращение царя. Получается следующая хронология:

- 291 г.: выход из Боспора и завоевание страны лазов;
- - 292 г.: вторжение сарматов (т.е. аланов) в провинцию Полемонов Понт, война с Констанцием, нападение херсонесцев на Боспор, мир Савромата с римлянами;
- - 293 г.: возвращение Савромата на Боспор.

Дата войны с Херсонесом хорошо подтверждается временем сокрытия клада монет 1959 г. из Судака. Наиболее поздняя из монет этого клада относится к 291 г. [252, с. 19].

Соотнесем эту реконструкцию с данными других источников.

Известно, что в указанные годы царем Боспора был Фофорс. Харматта не без оснований предполагает, что имя Савромат (какова бы ни была причина этого явления) могло быть общим именем боспорских царей в херсонесской хронике [492, с. 206]. На это предположение работает и факт присутствия на боспорском троне в 275 г. царя Савромата IV. **[36]** Наконец, можно (лишь в качестве рабочей гипотезы) допустить, что после Савромата IV это имя стало нарицательным для обозначения боспорского соправителя. Такой боспорский «цезарь» мог быть и при «августе» Фофорсе, и совершить рассматриваемый поход. Можно предположить также, что Савромат IV продолжал быть соправителем Фофорса до 90-х годов, но это маловероятно. Иначе трудно объяснить отсутствие царя в столице Боспора, когда она была взята херсонесцами.

Исходя из того, что после заключения мира Савромат (т.е. Фофорс) покинул пределы империи, Б. Надэль делает вывод о том, что Боспор в это время был в территориальном отношении независим от Рима, тогда как Лазика и Понтика - подвластные Риму области [346, с. 232]. В 294 г., продолжая выпускать монеты без дифферентов, Фофорс чеканит также монеты с трезубцем и с парой дифферентов.

Это можно связывать с получением римских субсидий [59, с. 127] после окончания войны, что хорошо соответствует политической ситуации на Боспоре в то время.

С 303 г. начинается сокращение эмиссий Фофорса. Начиная с этого года и до конца его правления (308 г.), т.е. в течение 5 лет, выпуск статеров уменьшался, хотя по-прежнему на монетном дворе в работу постоянно вводятся новые штемпели лицевых сторон, а количество оборотных сторон растет [481, с. 45]. Хотя Н.А. Фролова настаивает на том, что нумизматический материал не подтверждает сведения Константина Багрянородного [481, с. 51], тем не менее, он и не опровергает их. Крупные потрясения не всегда находят отражение в монетном материале, да и данные события не были очень крупным потрясением для Боспора: в дальнем походе большую часть войска составили силы независимых аланских племен, а херсонеситы не причинили больших разрушений.

Уточнить представления о последних годах правления Фофорса позволяет надпись Валерия Аврелия Сога от 603 г. боспорской эры (осень 305 - осень 306 гг.) [289, с. 127, надпись 21]. Эта надпись относится к ближайшему времени после отречения Диоклетиана и Максимиана, когда августами стали Галерий и Констанций Хлор. Употребление в ней слова eparĥia дало возможность специалистам высказать ряд соображений о политическом статусе Боспора в начале IV в. В частности было высказано мнение о том, что в это время Рим опять (после Нерона) ввел на Боспоре прямое правление и дал стране статус провинции. В надписи действительно чувствуется сильная зависимость от Рима или, во всяком случае, заметный сервилизм. В.В. Латышев отмечает, что Сог особенно гордится тем, что получил какие-то почести от Диоклетиана и Максимиана. Интересно, что Сог носил те же римские nomina,

какие были у августа Максимиана. Исполнив должность наместника Феодосии, Сог вошел в число высших боспорских царедворцев. Латышев делает вывод об усилении римского влияния на Боспоре, но при этом подчеркивает, что «продолжало существовать Боспорское государство» [289, с. 127]. **[37]**

Б.И. Надэль предполагает проведение Римом активной политики в Северном Причерноморье при Диоклетиане и в связи с этим допускает некоторое ограничение власти боспорских царей в то время по аналогии с восточной политикой Нерона в 62-68 гг. [346, с. 236]. Встает вопрос о причинах полного молчания о боспорском царе в надписи Сога, хотя в надписях подобного типа упоминание формулы с именем царя было обязательным. Так как нам достоверно известно, что царская власть на Боспоре в то время существовала, то умолчание о ней было вызвано какими-то политическими обстоятельствами, вероятнее всего - борьбой антиримских и проримских сил, а также тем, что Феодосия, может быть, была непосредственно подчинена Риму [346, с. 237]. Если учесть, что Сог отсутствовал в Пантикапее 16 лет, т.е. покинул Боспор в 290 г., как раз в то время, когда Боспор проводит антихерсонесскую и, соответственно, антиримскую политику, а также то, что, будучи наместником Феодосии, он не упоминает о царе Боспора, то придется принять предположение о том, что Сог римский ставленник в Феодосии [346, с. 236]. Сам факт того, что один из высших боспорских сановников в течение долгого времени, по-видимому, находился на службе у римских императоров, очень показателен [104, с. 247]. Само собой напрашивается предположение о том, что Сог был одним из вождей боспорских изгнанников - сторонников проримской ориентации, осевших в Феодосии, находившейся под контролем Херсонеса, а значит и Рима. На это, видимо, указывает и Псевдо-Арриан, говоря в V в. о том, что в Феодосии «жили некогда и изгнанники из Боспора». Будет логичным предположить, что Феодосия была отторгнута от Боспора по результатам боспорско-херсонесской войны конца III века.

Другой сложной проблемой является вопрос: а могла ли империя, только оправившаяся от почти столетних усобиц, вести активную наступательную политику в Таврике? Еще около 200 г. римские войска эвакуировали южное побережье Крыма, «передав оборону этих районов Боспорскому царству» [385, с. 84]. Позднее, приблизительно с эпохи Константина и вплоть до Юстиниана, Херсонес был занят, может быть, с перерывами, отрядом имперских войск, а именно малым легионом баллистариев [393, с. 13]. Поэтому представляется наиболее вероятным то, что Рим действовал в Таврике не непосредственно, а руками Херсонеса в тот момент, когда Боспор резко изменил свою политику и вторгся в малоазийские провинции. После восстановления status-quo в новых вмешательствах уже не было необходимости. Порядок нашел внешнее выражение также в неизменном сохранении на монетах Фофорса портретов римского императора [481, с. 51]. Это означает, что римский сенат признал данного правителя [344, с. 270]. Следовательно, события конца III в. не отразились на политическом статусе Боспора. Можно заметить прямую связь во времени отъезда Сога (290 г.) и времени начала кавказского похода Фофорса (291 г.). Заманчиво предположить, что Сог был одним из лиде-

ров проримски настроенной боспорской знати, выступавшей против кавказского похода. **[38]** Соответственно, объяснить поведение Фофорса, союзника римлян, напавшего на территорию империи, можно лишь допустив наличие какого-либо веского повода, заставившего сармато-аланскую знать из окружения царя убедить его в необходимости карательного рейда, не разрывая внешних атрибутов верности Риму. Подводя итоги этому эпизоду, мы должны отметить определенное усиление позиций Рима на Боспоре.

Об этом же свидетельствует надпись КБН 1051 от 307 г. В ней употребляются римские названия двух столиц Боспора времен Августа - Кесария и Агриппия. Это кажется весьма удивительным три столетия спустя. Вызывает интерес и формулировка, указывающая на существование автономных гражданских общин. Эта надпись также послужила в свое время аргументом в пользу гипотезы о переходе Боспора под прямое римское правление в начале IV в. Надпись имеет подчеркнуто проримский характер. Отсутствует имя боспорского царя. Но, вместе с тем, под надписью вырезан тамгообразный знак [440, с. 75, рис.30]. Это наводит на мысль, что во второй половине правления Фофорса против него сложилась сильная оппозиция первых сановников царства [104, с. 248]. Вряд ли она была порождена только настроениями верхов боспорского общества. Вероятно, Рим извлек уроки из печальных событий времени готских набегов и вместо регулярных дотаций постарался привлечь на свою сторону высших магистратов Боспора [104, с. 248], чтобы их посредством влиять на политику государства.

Все вышеизложенные факты в целом дают подтверждение намеченных основных линий правления Фофорса: его сармато-аланское происхождение, наличие двух политических группировок на Боспоре и борьба между ними [252, с. 19], усиление римского влияния на Боспоре в начале IV в. Правление Фофорса было заметным явлением в истории Боспора. Видимо, при нем впервые пришли к власти в полном объеме представители сармато-аланской знати, что отражало повышение их реальной роли в жизни Боспора. В последнем случае, видимо, проявились в последний раз старые претензии Боспора на гегемонию во всей Таврике [260, с. 60-61], которые восходили ко времени Митридата и оживились после падения царства поздних скифов. Риму удалось пресечь эти тенденции.

К последним годам правления Фофорса относятся также первые точно датированные сведения о наличии здесь христиан (надгробие с эпитафией Евтропия 304 г.) [514, с. 31]. К 305 г. относится христианский амулет, найденный в 1897 г. в детской гробнице на некрополе Сююр-Таш в Крымском Приазовье; на клочке материи была надпись-заклинание, вероятно, по образцу Нового Завета (Деяния 16, 18) с датой [508, с. 10-11]. Интересным памятником эпохи Фофорса является богатое погребение из склепа 1896 г., датируемое по диадеме с оттиском римской монеты Галерия [519, с. 9]. Едва ли память этого императора, преданная проклятию Константином, могла долго чтиться на Боспоре после смерти первого в 305 г. (не исключается, впрочем, и случайное использование). **[39]**

5. Правление Радамсада (308-322).

После Фофорса боспорским царем становится правитель с таким же иранским именем Радамсад. Основным источником по истории его правления являются монеты. По причине малочисленности эпиграфических сведений (точно установлены только надписи КБН 65, 66) особое значение приобретают монеты, выпущенные от имени этого царя [210, с. 69 сл.].

Первые шесть из 13-ти лет своего правления Радамсад царствовал единолично. Каких-либо заметных событий, относящихся к этому периоду, источники не сохранили. Анализ поздних боспорских монетных кладов показывает, что ни в одном из 18-ти известных к этому времени кладов монеты Радамсада не являются последними [485, с. 198]. Это явный признак того, что при Радамсаде не было массового сокрытия кладов, что в свою очередь является признаком относительно стабильной внутренней ситуации.

Косвенным подтверждением этого служит и то, что обе известные надписи Радамсада - строительные. В первой из них говорится о том, что царь соорудил какую-то постройку, возможно, башню [104, с. 248].

В 314 г. параллельно с монетами Радамсада появляется первый выпуск Рескупорида VI [475, с. 50]. В надписи КБН 66 засвидетельствован факт совместного правления двух царей. В конце 318 г. происходит еще один выпуск Рескупорида VI [156, с. 178].

А.Н. Зограф относил период соправления к 315-316 гг. [207, с. 212], Л.П. Харко и Д.Б. Шелов - к 315-319 гг. [491, с. 73; 498, с. 139]. Н.А. Фролова предложила считать годами соправления 314-319 и 322 гг. [475, с. 52]. Отмечается, что чеканка монет не была одинаково интенсивной. Начиная с 319 г. выпуски монет Радамсада уменьшаются, а после 322 г. более вообще не чеканятся.

Интересно отметить, что все статеры Радамсада имеют обычный, дофофорсовский тип монет, а также дифферент «палица», не употреблявшийся с 252 г. [59, с. 128]. Это можно рассматривать как явное проявление реставраторских тенденций. Несмотря на иранское имя и, видимо, на принадлежность к линии Фофорса, Радамсад проводил политику в духе последних лет Фофорса, т.е. ориентацию на Рим. Тем не менее, окончательный возврат к прежней, традиционной для Боспора проримской политике произошел с установлением соправления.

Обстоятельства ухода Радамсада с трона неизвестны. Однако, известно, что в 322 г. на Дунае херсонесские войска помогли Риму отразить каких-то северопричерноморских варваров (Zos. II, 21), которыми могли быть аланы, у которых в то время формировался второй политический центр в районе Нижнего Дуная.

В.Н. Зубарь считает, что этот эпизод был частью серии херсонесско-боспорских войн; при этом в данном столкновении варваров мог возглавлять бывший боспорский царь [208, с. 25; 208а, с. 123]. **[40]** Если это так, то логично было бы видеть в этом царе именно Радамсада, окончательно отстраненного от власти проримскими кругами Боспора во главе с Рескупоридом VI

(во всяком случае, хронология совпадает). Всякие предположения здесь, однако, очень гипотетичны.

6. Правление Рескупорида VI (323-341/2 ?).

Традиционное для старой династии имя не может быть твердым доказательством того, что Рескупорид VI к ней принадлежал [104, с. 249], но в любом случае принятие такого тронного имени отражало победу консервативных, т.е. проримских сил в политической жизни Боспора. Это был последний надежно установленный боспорский царь, а его эпоха - последняя, относительно неплохо поддающаяся реконструкции по источникам, прежде всего нумизматическим [475, с. 45-56; 556].

Одним из первых важных событий правления Рескупорида VI была поездка боспорского епископа Кадма (по другим спискам Домна) в Никею на I Вселенский собор 325 г. [278, с.50; 86, с.295]. К 335 г. относится КБН 1112, свидетельствующая о сооружении крепостной стены в Пантикапее. Этот факт важен и говорит как об относительно благополучном внутреннем, так и о тревожном внешнем положении государства [139, с. 464].

Монеты Рескупорида чеканились регулярно и в достаточно больших количествах. Монеты от 341 г. имеются в 11-ти экземплярах и потому считаются последней полноценной эмиссией на Боспоре [475, с.55]. Есть, однако, монеты очень плохой сохранности с возможной датой 342 г. Если будут найдены монеты хорошей сохранности этого года, то можно будет считать его последним годом чеканки боспорских монет, какими бы штемпелями лицевых сторон прежних лет чеканки они ни были чеканены, так как только даты боспорской эры, поставленные на оборотных сторонах монет, имеют определяющее значение при их атрибуции [475, с. 56].

Окончательное прекращение боспорской чеканки стало важнейшим событием истории Боспора при Рескупориде. Почти 30 лет руководивший страной царь, вероятнее всего, умер вскоре после или одновременно с прекращением чеканки боспорских монет.

В.А. Анохин считает, что прекращение чеканки монет произошло достаточно резко и неожиданно, так как перед самым концом чеканки интенсивность работы монетного двора была настолько высокой, что общепринятый взгляд о естественном прекращении чеканки по причине хозяйственного упадка и натурализации выглядит сомнительным [59, с. 214]. Поэтому решающую роль здесь сыграли какие-то внешние причины. Как бы там ни было, в настоящее время вопрос еще далек от окончательного разрешения.

В 333 г. в ходе династического раздела империи [Константин «разделил Римскую империю так, как частный человек мог бы разделить свою наследственную собственность»: Euseb. Vita Const., IV.51-52] Константин дал своему племяннику Ганнибалиану «ненавистное римлянам имя царя (rex) и титул Nobilissimus» (Amm.Marc. XIV.I). **[41]** В состав этих владений с центром в Кесарии Каппадокийской вошли Понт, Каппадокия и Малая Армения. На всех монетах «царя Ганнибалиана» река Евфрат обозначает сердцевину этого царства [150, т.2, с. 268, прим.1]. Ганнибалиану был предоставлен ва-

кантный престол Армении и Понта с титулом царя царей [472, с. 93]. Наполнить этот титул реальным содержанием не удалось: в 337 г. после смерти Константина в числе других наследников императора в ходе борьбы за власть был убит и «царь Армении и Понта» [см. об этом: 369, с. 20-21]. Для нас в этой истории важен вопрос: был ли Боспор, хотя бы и номинально, включен в состав этого «царства»? В свое время Т. Моммзен связывал прекращение чеканки на Боспоре именно с его аннексией [344, с.268]. Но, как бы там ни было, Рим, скорее всего, прекратил предоставление субсидий для Боспора. Косвенное указание на такую возможность содержит известный факт отправки боспорских послов к Юлиану в 362 г. с настоятельной просьбой о помощи. В таком случае отчасти становится понятно, почему очередной перерыв в чеканке превратился в бессрочный.

7. Последние годы до прихода гуннов (342-371).

Оставшиеся три десятилетия догуннского периода лишены твердой опоры в источниках. Тем не менее, осветить этот период возможно. По мнению Р. Гарнетта, буквально принявшего хронологию Константина Багрянородного, в 342-360 гг. на Боспоре правил Савромат V, а в 360-371 гг. - Савромат VI [558, с.102-103]. Желание Гарнетта заполнить лакуну 342-371 гг. объяснимо, но не корректно, так как сведения Константина о двух последних Савроматах носят чисто литературный характер [13, комм., с. 454, прим.25].

Без сомнения, и в эти темные годы сохраняется боспорская государственность и царская власть. Очень важным было нахождение в Керчи двух серебряных фиал или патер, относящихся к категории вотивных, а не обиходных сосудов [332, с. 9]. Их значение увеличивается тем, что они могут быть датированы с редкой точностью: надписи показывают, что эти чаши были изготовлены к 20-летию цезарства Констанция, т.е. в 343 г. (склеп 145). К этим двум чашам очень близка чаша 1891 г. с блюдом Констанция датируемая 344 г. [512, с. 1]. Предметы, составляющие единый комплекс с чашей Констанция, датируются серединой или 2-й половиной IV в. [332, с. 20]. Эти чаши были, несомненно, подарены представителям высшей боспорской знати, а может быть и правителям Боспора римской администрацией [104, с. 250]. Сложнее решить вопрос об общем характере взаимоотношений Боспора с Римом в середине 40-х годов. Были ли эти дары Констанция II простым актом внимания знатным пантикапейцам за твердую проримскую ориентацию, или положение было сложнее? **[42]** В.Д. Блаватский предполагает, что при Рескупориде и его преемниках Боспор довольно прочно входил в орбиту римского влияния [104, с. 250].

Большой интерес вызывает сообщение Аммиана Марцеллина под 362 г. (XXII.7, 10): «С севера и пустынных пространств, по которым впадает в море Фазис, ехали посольства боспорян и других, неведомых раньше народов, с мольбой о том, чтобы за внесение ежегодной дани им дозволено было мирно жить в пределах родной им земли, платя ежегодно обычную дань». Анализируя этот отрывок, обычно подчеркивают страх боспорян в условиях начавшегося передвижения гуннов и их стремление заручиться помощью империи.

Но при этом забывают, что кроме боспорян к императору ехали послы также и «неведомых народов». И это были скорее всего представители каких-то племен гуннского союза, ибо аланы были известны в империи с I в. н.э. Таким образом, картина гуннского нашествия предстает далеко не однозначной. Припонтийские степи могли стать для этих племен родными уже за полвека до данных событий. Также трудно допустить, чтобы Боспор мог в это время, опасаясь нападения, обещать платить регулярную дань Риму, тем более, что ранее Боспор получал субсидии от империи [104, с. 251].

А.А. Васильев предполагал, что в 50-60-х гг. IV в. Боспор попал в сферу влияния готской державы Эрманариха. Действительно, в то время готы распространили свою гегемонию на все степи Северного Причерноморья. Но источников о подчинении Боспора готам нет [121, ч.1, с. 289]. Единственным вопросом, который мог бы служить косвенным подтверждением гипотезы Васильева, является вопрос о варварских подражаниях римским денариям.

Клад, найденный в районе Анапы на Шум-речке [413, с. 172] содержал кроме боспорских монет III-IV вв. от Фофорса до Рескупорида VI (150 из 250) два варварских подражания римским денариям, причем республиканского времени. Кто, когда и зачем чеканил эти подражания? Принадлежность их не поддается определению. Зограф называет их хозяев «неизвестным народом» [207, с. 102]. Ряд монет - копии римских денариев II-III вв.

Распространение этих монет ограничивается небольшим районом близ юго-восточных рубежей Боспора где-то у Новороссийска [218, с. 129]. Суммируя все находки, можно выделить три группы монет: 1) середины III в.; 2) второй половины III в.; 3) конца III - начала IV вв. На внутреннем рынке Боспора эти монеты не ходили.

Удовлетворительного объяснения этому феномену на сегодняшний день нет. Было бы заманчиво связать эти подражания с готами-тетракситами, но они появляются здесь лишь во 2-й половине V в., причем их археологических следов здесь пока не обнаружено. Остаются два варианта: 1) монеты могли чеканить зихи - союзники Рима со II в.; 2) это были готы или их союзники по походам III в. Вторая точка зрения представляется более убедительной, т.к. готы нуждались в «римской» **[43]** монете, а боспорскую не признавали [218, с. 134]. Подтвердить эту версию, равно как и опровергнуть, пока нельзя. Остаются также невыясненными отношения этих готов с аланами, господствовавшими в предгорьях и степях. Н.А. Онайко поддерживает «готскую» версию [363, с. 53] и уточняет район локализации монет, а также вводит в оборот три монеты с Раевского городища. Таким образом, район этих находок ограничен с трех сторон морем и рекой. Возвышенность от Анапы до Новороссийска представляет собой достаточно изолированный район, и готы уже во второй половине III в. могли закрепиться там, укрывшись от аланов, как на это указывает А.В. Дмитриев [180, 181].

Существует также проблема варварских подражаний боспорским медным «статерам». Н.А. Фролова, подчеркивая серьезность этого вопроса, особо подчеркивает, что до тех пор, пока не будет вполне обоснованного ответа на вопросы, кем, где, когда, с какой целью были отчеканены эти грубо вы-

полненные монеты, почему их находят в кладах боспорских монет и в археологических слоях исследуемых боспорских городов, до тех пор, по-видимому, их нужно рассматривать как монеты, выпущенные на Боспорском монетном дворе [475, с. 55].

В эти десятилетия повышается авторитет боспорской церкви. В 344 г. епископ участвовал в работе собора в Никомедии, в 358 г. - в другом соборе. К числу скромных документов этого времени относится надпись IOSPE, II, 182/2, происходящая, вероятно, из Пантикапея. Дата ее сохранилась лишь частично и может быть определена между 343 и 352 гг. Это надгробие сына некоей Стораны, жены принкипса Адаса. Мастер Ханакес - обладатель иранского имени, равно как и Сторана [595, п.250]. Из других надписей надежно относится к этому времени найденное в Гермонассе надгробие супружеской пары Евфросина и Лимии (345 г.). Формула эпитафии носит явно языческий характер. Из трех надписей середины IV в. в двух имеется подпись резчика. Видимо, эта профессия становилась редкой [104, с. 251].

Итак, обзор основных событий истории Боспора от готов до гуннов позволяет сделать ряд выводов: - готские походы привели к серьезным изменениям во внутренней и внешней ситуации на Боспоре и открыли позднеантичный этап его истории; - развитие форм материальной культуры, социальной организации, политических структур было прямым продолжением предшествующего периода; - накануне гуннского нашествия Боспор был сложно организованным стратифицированным обществом с наличием государства и его институтов, хотя, быть может, уже и не в прежнем едином и централизованном виде.

§ 3. От прихода гуннов до конца V века.

Этот период истории Боспора является цельным историческим периодом, тесно связанным с предыдущим. Сохранив в неизменности внутренний уклад своей жизни, Боспор органично вошел в систему культуры южнорусских степей гуннского времени, разновидностью которой является культура «поздних керченских катакомб» [449, с.107]. **[44]** Помимо общего очерка истории Боспора этого времени нашей главной задачей и здесь будут поиски доказательств наличия боспорской государственности. Кроме того, будет уделено внимание анализу материальной основы тогдашних политических отношений и общему историческому фону эпохи в регионе.

Когда гунны добились перевеса в северокавказских степях, они вступили в решительную борьбу с аланами. Аммиан Марцеллин и Иордан описывают эту войну, начавшуюся около 360 г. [Iord., комм. М.В. Скржинской, с.270]. Аланы, чье хозяйство базировалось на земледелии в плодородных степях и долинах и на кочевом скотоводстве, были потенциально сильнее гуннов, но те усвоили иранскую тактику ближнего боя и вооружение, еще находясь в Великой степи, добавив к этому собственные боевые качества. К 370 г. стало ясно, что до полного разгрома и покорения аланов было еще далеко. Предгорные крепости аланов не были взяты, не была захвачена и пойма

Дона, что вообще было не под силу кочевникам, обитающим в водораздельных степях.

Вторжение на земли танаитов было заключительным этапом борьбы с аланами междуморья [136, с. 13]. Появление гуннов в Европе могло показаться внезапным только тем готам, которые жили в Прикарпатье [136, с. 12]. Восточные грейтунги Эрманариха, долго соседившие с аланами и усвоившие от них технику конного боя [398, с. 183-186; 219, с. 47-48], «в течение долгого времени» пытались сопротивляться вторжению гуннов (Amm. Marc. XXXI.3, 2). На запад двинулась, по всей видимости, лишь одна орда во главе с Баламиром [136, с. 14]. Она направилась через низовья Танаиса или Меотиду и обрушилась не на готов, а на родственные им племена, отошедшие на запад ранее (алпидзуры, итимары, тункарсы) [136, с. 14]. За спиной Баламира осталось сильное племя акациров, сопротивлявшееся гуннскому союзу до 40-х годов V в. (Prisc.8).

Таким образом, «вторжение» гуннов было широкой миграцией относительно слабо связанных элементов [136, с. 15]. Гуннов толкали на запад в основном две причины. Первая - изменение природно-климатических условий. Вторая - внутренние изменения в гуннском обществе. Подойдя к границам цивилизованных обществ, находящихся в стадии распада, варварский союз «и профессионально, и организационно полностью переориентируется на войну» [459, с. 546], нарастает темп военного самосовершенствования; отряды кочевников очень мобильны, они практически неуловимы. Близость к цивилизации приучает варвара жить за чужой счет, он становится паразитом цивилизации [459, с. 548]. Отсюда становится ясным, что осознанная цель варваров - грабеж, а не полное уничтожение очагов цивилизации. Поэтому посреди нахлынувшего варварского моря Боспор должен был сохранить свою государственность, тем более, что варвары «абсолютно не способны создать устойчивые длительные социальные и политические институты» [459, с. 553]. Аммиан Марцеллин ничего не сообщает о судьбе Боспорского царства и участи людей, которых разграбили гунны [570, с. 26]. **[45]**

И это, видимо, не случайно. Описание гуннов Аммианом страдает преувеличениями (XXXI, 2.1-12). Причины - в первом столкновении невиданного доселе полностью кочевого азиатского народа с античной цивилизацией. Таким образом, мы должны признать, что гунны либо вообще не были на Боспоре, либо прошли через него быстро и беспрепятственно.

Письменная традиция о переправе гуннов в Европу выглядит следующим образом. Аммиан Марцеллин писал по горячим следам событий: «Гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обыкновенно называются танаитами, произвели у них страшное истребления и опустошения, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе; при их содействии они с большей уверенностью внезапным натиском вторглись в обширные и плодородные владения Эрманариха...» (XXXI, 3.1). Как видим, о Боспоре здесь нет и речи.

Зосим во II половине V в. говорит о «варварском племени, до того неизвестном и появившемся внезапно», и о том, что «Киммерийский Боспор,

обмелевший от снесенного Танаисом ила, позволил им перейти пешком из Азии в Европу» (IV, 20). Тогда же, во II пол. V в., в литературной традиции появляется легенда об олене или лани, показавших кочевникам брод через пролив. Старые комментаторы усматривали в этой легенде следы мифа об Ио, перешедшей пролив через брод. А.В. Гадло, однако, подчеркивает гуннский фольклорный характер этого предания [136, с. 16]. Авторы V-VI вв. стремились объяснить возможность перехода через водную преграду в 3-4 км не полусказочными, а какими-либо конкретными условиями. Они понимали, что легенда об олене мало достоверна. Особенно скептически отнесся к сказанию наиболее ранний из этой группы авторов - Евнапий. В дошедших фрагментах нет рассказа об олене, но видны сомнения автора относительно правдивости сообщения о гуннах: «Где находились гунны, откуда они вышли, как пробежали всю Европу и оттиснули скифский народ, о том никто не сказал ничего ясного» (Eunap. 42).

Характерно, что ни у одного автора нет речи о замерзшем проливе и о переходе гуннов по льду. Так что вопрос о времени года, когда происходил переход, остается открытым. Даже помня о том, что уровень воды в проливе был тогда значительно ниже современного, вряд ли можно допустить наличие сплошного брода.

Гунны переправлялись через реки в челноках [570, с. 215]. В большинстве версий говорится о переходе либо через Киммерийский Боспор, либо через «устье Меотиды». Зосим называет просто Боспор. Прокопий говорит об «устье Меотиды», подчеркивая, что перейдя «Болото» и оказавшись на «противоположном материке», «киммерийцы» внезапно напали на готов (Bello Goth. VIII, 5). Об «устье Меотиды», впадающем в Понт, пишет Агафий Миринейский (V.11), особо отмечая, что гунны «или действительно ведомые оленем, как передает басня, или вследствиедругой случайной причины, во всяком случае, перешли каким-то образом Меотидское болото, которое раньше считалось непроходимым». **[46]** Созомен также говорит, что после переправы гунны столкнулись именно с готами (VI.37). Иордан сообщает: «Гунны пешим ходом перешли Меотийское озеро, которое считали непереходимым как море» (124).

Таким образом, судя по источникам, мы не имеем возможности утверждать, что гунны прошли на запад через Боспор. В современной науке с момента выхода книги А.А. Васильева утвердился взгляд на то, что гунны через Боспор прошли меньшей частью своей орды [121, ч.1, с. 290; 203б, с. 139-140]. Это мнение никем всерьез не подвергалось сомнению. Важнее был вопрос, насколько разрушительным был этот проход. Выводы при этом делались на основании археологического материала. Учитывая современное состояние проблемы, археологи более не настаивают на гуннском погроме. Значение гуннов в боспорской истории представляется преувеличенным неадекватно имеющемуся археологическому материалу. С учетом невысокой степени достоверности и краткости литературной традиции следует признать, что гунны не причинили серьезного урона Боспорскому государству.

В период борьбы с готами гунны не представляли собой единого союза племен. В борьбе с Баламиром готы «опирались на другое племя гуннов, которое они за деньги привлекли в союз с собой» (Amm. Marc. XXXI.3, 3). Политическая раздробленность была присуща гуннским племенам всю первую половину V в. Часть из них обосновалась близ дунайских границ империи и стала федератами, часть сохраняла независимость и располагалась в Северном Причерноморье (Olymp.18).Вся эта политическая ситуация была благоприятна для сохранения Боспором независимости [104, с.254].

История Боспора в V веке пока не поддается какому-либо достаточно полному воссозданию. Можно лишь наметить общую схему, опираясь на сведения немногочисленных источников.

Важнейшим источником является надпись КБН 67: «При Тиберии Юлии Диуптуне, царе благочестивом, друге кесарей и друге римлян, восстала башня сия, и при эпархе Исгудии, и при комите Опадине, заведующем пинакидой, и при первенствующем ...те, сыне Сеавага, и при эпимелете постройки ..., месяца Горпиэя, года ...9» [пер. В.В. Латышева]. Это единственная надпись с именем боспорского царя послегуннского времени. В ней использована старая боспорская формула. Но, наряду с этим, есть изображение креста; эпитет «благочестивый» стоит перед формулой, что указывает на христианскую эпоху, а титулы эпарх и комес часто встречаются в христианском Константинополе [574, с. 610].

Самые большие трудности вызывает датировка. Э. Миннз указывает, что эта надпись не может быть отделена очень большим интервалом от надписей предшествующих царей [574, с. 610]. Датирует же он ее 383 годом. И.Т. Кругликова относит эту надпись ко времени «не ранее Константина» (306-337). «Шрифт надписи, ее формула и названия других должностных лиц заставляют относить ее к IV в., и даже к I его половине» [252, с. 21-22]. **[47]** Ю.А. Кулаковский отнес надпись к 522 г. В.В. Латышев предложил 402 г. и наиболее убедительно обосновал эту точку зрения. Ее принял и В.Д. Блаватский. Постройку башни при Диуптуне он связал с перестройкой оборонительных сооружений в столице из-за того, что сильно уменьшившийся в размерах город уже не мог теперь использовать старую оборонительную систему [104, с. 255; нынешнее состояние городской застройки в Керчи, к сожалению, не позволяет надеяться на сколько-нибудь широкое проведение раскопок с целью поиска городских стен V-VI вв.]. В настоящее время большинство специалистов согласны с этой датировкой.

К 404 г. относится XIV письмо Иоанна Златоуста к Олимпиаде, в котором опальный патриарх высказывает беспокойство о судьбе крымско-готской епархии после смерти епископа Унилы (400-404) [11, т.3, с. 637-645]. В связи с этим rex Gothorum направил в Константинополь письма с просьбой о посылке нового епископа. На основании этого места А.А. Васильев предполагал, что резиденция епископа готов могла быть скорее всего в Пантикапее-Боспоре, а не в горном Крыму [121, ч.2, с. 304].

В отличие от политических связей связи церковные между Боспором и метрополией продолжались. В 448 г. боспорский епископ Евдокс принимал

участие в Эфесском соборе, а через год - в Константинопольском. Христианская община к середине V в. была уже достаточно большой и имела определенную иерархию. Подтверждением тому служит надгробная плита диакона Евсевия из г. Боспора, относящаяся к 436/7 году [288, надпись 86].

В середине V в., в эпоху державы Аттилы северопричерноморские и северокавказские степи входили в сферу влияния гуннской «империи». Прочное место в политической системе гуннского союза занимали аланы [136, с. 26]. При гуннской гегемонии в степном Крыму постоянного населения в I пол. V в., по-видимому, не было. Доминировало здесь кочевое племя альциагиров [81, с. 14], которых Иордан помещал в степях «около Херсоны, куда жадный купец возит богатства Азии; летом они бродят по степи, раскидывая свои становища в зависимости от того, куда привлечет их корм для скота, зимой же переходят к Понтийскому морю» (37). Действительно, Крымская степь не приспособлена для интенсивной круглогодичной эксплуатации выпасов и нуждается в ежегодном восстановлении травяного покрова [81, с. 15]. Это достигалось кратковременностью сезонных перекочевок. В степном Крыму из-за этого ни одно кочевое племя не могло оставаться надолго. Кроме того, постоянные передвижения племен в условиях Великого переселения народов не способствовали политической стабильности в Крымской степи.

В 454 г. в битве при Недао гунны были разбиты гепидами во главе с Ардарихом, в 463 г. - сарагурами, а в 469 г. - остготами и византийцами [211, с. 72]. В условиях распада гуннской державы в Крым двинулись из Паннонии утигуры - одна из первых групп ранних болгар [470, с. 51-53; 391]. **[48]** Они «со своим вождем решили вернуться домой, с тем, чтобы в дальнейшем владеть этой страной одним» (Procop. Bello Goth. VIII, 5). Утигуры оттеснили альциагиров и прошли в Крым, где их и локализует Прокопий: «Лежащее между Херсоном и Боспором пространство занято гуннами» (Bello Pers. I, 12), и «если идти из Боспора в Херсон, то всю область между ними занимают варвары из племени гуннов» (Bello Goth.VIII, 5). Движение утигуров на восток свидетельствует о том, что путь через «устье Меотиды» был им хорошо известен и ранее использован при движении гуннов на запад. Со 2-й пол. V в. степные пространства Таврики оказались во владении гуннских орд [278, с. 55]. Но какова была реальная степень этого «владения»? Из Прокопия мы знаем, что, столкнувшись в Крыму с готами, утигуры оттеснили их частично в Крымские горы, частично в Прикубанье. Сражение между ними произошло, очевидно, на Керченском полуострове [121, ч.1, с. 308], после чего был заключен мир (Procop. Bello Goth. VIII, 5). Из этого сообщения ясно, что утигуры расположились в Прикубанье, а Таврика вплоть до хазарского времени становится местом из сезонных выпасов [81, с. 15].

Мы не знаем, насколько мирным было для Боспора возвращение утигуров. С уверенностью можно отметить лишь один случай разгрома боспорской крепости в середине V в. – на Ильичевском городище [350а, с.376-377].

После агрессии 540-х гг. ставка утигуров и тяготевших к ним оногур находилась в Фанагории [376, с.15-16], вокруг которой происходила консоли-

дация болгарских племен, завершившаяся при Кубрате (2-я четв. VII в.) созданием Великой Болгарии под главенством оногур.

В настоящее время, несмотря на многолетние раскопки курганов в равнинной части Крыма, обнаружено не более десяти погребений кочевников конца IV – I пол. VII вв. [81, с. 15]. Кроме того, точно установить этническую принадлежность большинства погребений кочевников не представляется возможным. Многие черты материальной культуры того времени были общими для племен той эпохи [собственно гуннские памятники почти не выделяются из других, одновременных им; к наиболее характерным для гуннов предметам относятся: деревянные украшения, покрытые золотой фольгой, монголоидный тип покойника, а также отсутствие посуды - см.: 173]. Вероятно, наиболее точным свидетельством о гуннах в Крыму может служить факт открытия в 1982 г. Г.М. Николаенко и Н.И. Тарасенко на заброшенных участках наделов эллинистического времени каменных фундаментов юрт V-VIII вв., округлых в плане, с конусовидными стенами, узким входом и очагом [373, с. 45].

Как видим, роль гуннов в истории позднего Боспора представлялась до недавнего времени заметно преувеличенной. Очевидно, роль очага цивилизации и большого рынка для торгового обмена между варварами и культурным югом помогла Боспору пережить трудный V век. Иордан сообщает, что отсюда шли в столицу империи меха, которые доставляли на Боспор соседние варвары (5). **[49]** Эта статья экспорта существовала долгие века, независимо от смены кочевых племен по соседству с побережьем [278, с. 59].

Очень важным является отрывок из одной речи Фемистия, в котором ритор говорил о хлебной торговле с Боспором и Херсоном как о реальности 80-х гг. IV в. (т.е. о времени после гуннского нашествия) (Them. XVII). Таким образом, традиционные торговые связи Боспора уцелели, несмотря на смену степного населения [278, с. 60].

Археологическим диагностирующим признаком культуры южнорусских степей гуннского времени являются ювелирные изделия в полихромном стиле инкрустации [78, с. 83]. Специфическая особенность техники клуазонне заключается в сплошном покрытии всей поверхности изделия плоскими фигурными пластинками полудрагоценных камней, чаще всего красных альмандинов-гранатов, с тонкими золотыми перегородками между ними [198, с. 3]. Исходя из того, что изготовление такого типа вещей требует немалых профессиональных навыков и достаточно сложного технологического оборудования, специалисты приходят к выводу, что такое производство вряд ли было возможно в сугубо варварской, тем более кочевой среде [см., например: 543]. В эпоху Великого переселения народов изделия этого стиля были своеобразной модой, распространенной в разнородной среде варваров-федератов, так или иначе служивших империи, а также своего рода культурным койне этой социальной прослойки варварских обществ [582]. Первыми потребителями таких изделий должна была быть подобная группа варваров из непосредственного пограничья империи. Боспор почти идеально соответствует названным условиям, поэтому большинство специалистов видят здесь

изделия именно боспорских мастерских [198, с. 21-25]. М.И. Ростовцев подчеркивал сарматские корни этого стиля [398, с. 173]. Не отрицая этого, А.К. Амброз разграничивал сарматский стиль догуннского времени и провинциально-федератский эпохи гуннов. Местом сложения второго он называет Паннонию, а питательной средой – «грабительскую державу гуннов» [56, с. 70]. В 20-е гг. V в. полихромный стиль расцветает на Боспоре.

Боспорская знать, естественно, перенимает моду, сложившуюся в центре гуннской державы. Старые сарматские ювелирные традиции Боспора были хорошей почвой для усвоения нового стиля. Отсюда некоторые отличия боспорских вещей от западных при типологическом сходстве. Гуннская «мода» сохранялась в Северном Причерноморье весь V век под влиянием утигуров [56, с. 72].

Полихромный «гуннский» стиль имеет два вида: 1) камни в отдельных гнездах россыпью (старый сарматский стиль); 2) сплошные перегородчатые украшения из пиленых пластинок (новая «гуннская» мода). В изделиях первого типа камни расположены без симметрии, формы камней различны, чаще неправильны. Мастера нарочно подбирали их **[50]** так, чтобы форма все время варьировалась. В изделиях второго типа создавалась особая игра бесконечно меняющихся форм, своего рода мерцание. Здесь - другое понимание искусства, чем в античности [56, с. 16]. Поэтому вещи второго типа нельзя считать догуннскими [56, с. 54, 57].

Народы, передвигавшиеся к западу на рубеже IV-V вв., принесли с собой только отдельные элементы будущего стиля. На Дунае эти элементы подверглись переработке и постепенно слились в единый сплав новой археологической культуры, принадлежавшей родо-племенной верхушке гуннского объединения. Дата этой культуры - от переноса центра гуннской державы в Среднее Подунавье до падения гуннской власти после середины V в. На степи Восточной Европы и на Западную Европу этот стиль распространился как «гуннская мода» [56, с. 48-49].

Культура конца IV-V вв. - это культура многих народов, объединенных в рамках гуннского союза. Она не могла сложиться в период завоевания. Для этого нужна была относительная стабилизация положения и сосредоточение больших богатств. Показательна не абсолютная ценность вещей, а их количество. Показательно не столько реальное богатство, сколько его имитация, стремление иметь преувеличенно крупные украшения, похожие внешне на настоящие. Основная масса украшений той эпохи только подражает сказочному богатству тех вещей, которыми владела правящая верхушка гуннов [56, с. 58]. Эта мода не могла возникнуть а обедневшем Пантикапее, она была туда принесена.

Таким образом, в системе культуры южнорусских степей гуннского времени [наиболее полное обоснование эта культура нашла в работах И.П. Засецкой: 195-203, 203б] Боспор занимал важное место. В археологическом материале из степи и из Боспора прослеживаются несомненные параллели. И.П. Засецкая, суммируя памятники, выделяет два этапа этой культуры: 1)

конец IV - I пол. V в.; 2) 2-я пол. V в. - начало VI в. [202, с. 86]. Эта хронология хорошо согласуется с письменной традицией.

Для истории Боспора V в. главным источником являются археологические материалы, из которых важнейшие дают керченские некрополи позднеантичного времени. Русскими археологами в свое время был накоплен огромный материал. Ни один некрополь античного города не был исследован археологами так полно [495, с. 63]. Но их отчеты имели ряд недостатков: не совсем точная топографическая фиксация открываемых памятников, отсутствие иллюстраций и т.п. В результате со временем уникальный, эталонный археологический памятник по сути депаспортизировался. Лишь в послевоенное время К.М. Скалон удалось восстановить паспортизацию хранящихся в Эрмитаже керченских комплексов. Только их полная публикация сделает этот памятник эталонным научным источником [56, с. 6-7]. Не разработана пока и точная хронология склепов.

Для некрополя на г. Митридат можно выделить три основных хронологических периода: 1) конец IV - середина V вв. (от прихода гуннов до возвращения утигуров); 2) 2-я пол. V в. - I пол. VI в. (период «гуннского протектората»); 3) 2-я пол. VI в. - начало VII в. (византийский и поствизантийский периоды). **[51]**

Керченские склепы первого периода бесспорно представляют собой единый временной пласт, отражающий культуру позднеантичного Боспора конца IV - I пол. V в. [203, с. 102-103]. Несомненно, эта общность сложилась в период относительно стабильной политической ситуации в Северном Причерноморье между гуннским проходом на запад и возвращением утигуров. В это время Боспор сохранял свой прежний уклад жизни, а его хозяйство даже несколько оживилось в мирное время. Следует подчеркнуть, что это некоторое оживление Боспора в V веке было проявлением именно внутренних процессов в жизни края и определялось не Византией [535, с. 149], впрочем как и не степными племенами. Видимо, в это время еще далеко не был исчерпан внутренний экономический и социальный потенциал Боспора.

Некрополи IV в. сократились в размерах по сравнению с некрополями III в. Погребения немногочисленны, в своей массе небогаты и отражают частичную христианизацию населения. Выявлены районы трех основных некрополей: 1) северный склон г. Митридат: южный конец Госпитальной улицы, западная часть Эспланадной, Шлагбаумской, 1-й Подгорной между 2-м Креслом и Пирамидальной скалой; 2) южный склон г. Митридат: восточная покатость Длинной скалы, южный склон 2-го Кресла; 3) Глинище: район бывш. Братской церкви, на берегу бухты, на Аджимушкайской площади, в районе 2-й Поперечной и 4-й Продольной улиц, по дороге к Царскому кургану.

Для этого времени известны три типа погребальных сооружений: катакомбы (склепы), подбойные земляные гробницы, обычные прямоугольные грунтовые могилы [203, с. 102]. Важнейшим из них является первый тип, количественно преобладает последний.

Отдельные катакомбы и их инвентарь были исследованы на рубеже XIX-XX вв. и зафиксированы в целом ряде археологических отчетов [наиболее важные из них: 270-273; 289-290; 448; 451; 507-516]. Краткая общая характеристика керченского некрополя на горе была дана Л.А. Мацулевичем в «историко-художественном» ключе [332], а единственная обобщающая публикация Г.А. Цветаевой [495] вышла уже достаточно давно. Новая серьезная работа вышла лишь в 1993 г. [203а].

Отличительной особенностью комплексов погребений первого хронологического периода является присутствие в них более древних вещей, чем время, в которое совершались захоронения. Это особенно характерно для богатых погребений, подобных тем, какие были обнаружены в склепе 145 или в двух склепах, известных под названием «склепы 24 июня 1904 г.» Это были семейные усыпальницы высшей боспорской знати, а возможно, и боспорских правителей [203, с. 99]. При этом надо помнить, что склепы 145, «24 июня 1904 г.», Гордиковский и ряд других существовали около 375-420 гг., а склеп 154 существовал в I пол. V в., склеп же 165 - до начала 2-й пол. V в. [203, с. 99]. Со временем новые **[52]** склепы вырезались в очень небольшом количестве, чаще использовались старые склепы [512, с. 41, склеп 154], земляные вместо каменных, или под склепы приспосабливались прежние зерновые ямы [512, с. 26].

Среди прочих катакомбных погребений можно выделить христианские. Христианские надгробия с надписями и крестами позволили определить места трех христианских кладбищ в Пантикапее: 1) на северном склоне г. Митридат в районе Госпитальной улицы; 2) на Глинище, в районе бывш. Братской церкви; 3) по дороге к Царскому кургану. Как видим, это - районы прежних позднеантичных некрополей. Интересен тот факт, что почти все погребения пантикапейских христиан находились в тех же местах, где и погребения с вещами полихромного стиля, а в ряде случаев и просто чересполосно.

Точно атрибутированные христианские памятники в Керчи немногочисленны. Можно выделить три типа греческих христианских надгробий: 1) краткое указание имени почившего, 2) рассказ о почившем, 3) автобиография [358, с. 6]. Эти памятники должны были входить в состав бытового погребального инвентаря, типичного для того времени, смешиваться с обиходными вещами - пряжками, фибулами, браслетами и т.п. Вместе с ними они расхищались и исчезали. От повального грабежа склепов IV-V вв. некрополя Госпитальной улицы (в значительной степени христианского) уцелели лишь случайные крохи [332, с. 50]. Ряд катакомб был ограблен еще в древности. Отдельные христианские предметы разобщены, оторваны от комплексов. Этим и объясняется подмеченный В.В. Шкорпилом факт, что «христианские гробницы, устроенные рядом с богатыми «готскими» склепами, поражают бедностью находимых в них вещей» [514, с.32]. Шкорпил предполагал, что христиане и пантикапейская знать имели различный социальный статус по конфессиональному признаку, причем христиане пользовались особым покровительством столичной знати, т.к. их погребения делались рядом. Однако,

представляется маловероятным такое резкое противопоставление христиан и язычников на Боспоре. Вряд ли они были отдельными социальными группами.

Известно, что церковь выступала против похоронного снаряжения вообще, но, судя по всему, была вынуждена корректировать свои протесты, сообразуясь с условиями места и времени. Сама постановка вопроса весьма относительна. Достаточно вспомнить, сколь прочно держались в повседневной жизни новообращенных народов их собственные обычаи и ритуалы и после того, как они утратили свое первоначальное значение [219, с.82]. А трудности понимания ценностного смысла тех или иных предметов погребального снаряжения? А трудности оценки многозначных религиозных символов, например, того же креста? То же касается и вопроса об этнической принадлежности погребенных.

Погребальный инвентарь в керченских склепах представлен достаточно однотипными предметами вооружения, конского снаряжения, украшениями и принадлежностями костюма, стеклянной посудой и серебряной утварью. **[53]** Для богатых погребений боспорской знати типичны золотые изделия в технике перегородчатой полихромной инкрустации. Практически весь инвентарь - местного происхождения. Он почти утратил чистый греческий характер: остались лишь золотые погребальные венки, оттиски с монет римских императоров, краснолаковая керамика. Как известно, погребальный обряд связан с наиболее консервативными сторонами общественной идеологии и изменяется только после того, как в реальной жизни те или иные новшества получили полное признание. Характер погребений в данном случае отразил ту этнополитическую ситуацию, которая сложилась на Боспоре в первые века н.э. Культура «поздних керченских катакомб» наиболее полно представлена склепами 145, 147, первичным захоронением склепа 163, 165-169, 176-178 и др. [200, с.13]. Катакомбный тип погребений продолжал бытовать на Боспоре вплоть до конца V в. как характерный продукт материальной культуры местного населения [270, с.21].

Второй хронологический период керченских некрополей известен нам гораздо хуже. Это почти исключительно христианские погребения, надгробия которых найдены на Глинище в районе бывшей Братской церкви, а также христианские склепы, открытые большей частью на Госпитальной и I Подгорной улицах [495, с.84]. Склепы сделаны грубо и небрежно, более тщательно отделан лишь вход, над которым изнутри склепа изображался крест (склепы 1895, 1912 гг.) или дата сооружения (491 г.). На г. Митридат некрополь еще более продвинулся на восток, приблизившись к сократившемуся по площади городу. На северном склоне горы погребения этого периода находились за восточным концом Эспланадной улицы среди развалин зернового и винодельческого хозяйства римского времени, а на южном склоне - к юго-востоку от 2-го Кресла, среди развалин жилого квартала римского времени [495, с.84].

Важнейшим памятником конца V в. является керченская христианская катакомба 491 г., описанная Ю.А. Кулаковским. На стенах склепа - дипинти

стихов 90-го псалма. Характер письма - тот же, что и на боспорских эпиграфических памятниках. Письмо - унциальное, с определенной и ясной формой отдельных букв. Кулаковский подчеркивает, что в конце V в. письмо на Боспоре сохранило свои старые традиционные формы, отличия от эпиграфического алфавита незначительны. Есть отступления от установленных классических форм в написании отдельных слов: ι вместо ει, ε вместо αι, ο вместо ω, взаимозамена αι и η. Памятник датируется по старой боспорской эре и неоспоримо утверждает непрерывность культурной жизни населения Боспора до конца V века [270, с.22].

В 1895 г. была открыта еще одна катакомба конца V в. Она во всем аналогична предыдущей, но гораздо беднее по содержанию [272, с.63]. На стене тоже были начертаны стихи из 90-го псалма. Писец знал принятое деление псалма на стихи, но не обозначил их нумерацию. Текст написан гораздо точнее и тщательнее, чем в катакомбе 491 г. [507, с.188-196]. **[54]** Этот склеп датируется 496 г.

К 497 г. относится точно датированная надпись с поверхности христианского мраморного памятника, от которого сохранился только нижний правый угол [290, с.90, надпись 107, надписи 100-106 также христианские, скорее всего V в.]. Плита с надписью, по мнению издателя, была укреплена в стене. Точное указание даты по боспорской эре - еще одно свидетельство сохранения основных форм жизненного уклада боспорян на рубеже VI века.

Таковы основные памятники 2-й половины V в. из Керчи. В целом это время предстает далеко не в полном виде. Многие склепы разграблены, материалы раскопок почти не опубликованы. Многие вещи приходится датировать по аналогиям с Дуная. Этот этап боспорского некрополя получил широкую известность благодаря находкам пальчатых фибул и больших пряжек с орлиными головами. Они бытуют со 2-й половины V в. весь VI век [56, с.75].Во 2-й половине V века на Боспоре продолжали кроме перегородчатой инкрустации применять и старый прием инкрустации россыпью [56, с.73].

Среди других памятников V в. - надгробие христианина Арсака [290, с. 86, надпись 100], надгробие Евтихиана, найденное в 1972 г. в районе универмага «Детский мир» [339, с.132] и т.д.

К керченской катакомбе 491 г., видимо, примыкает найденный в 1896 г. в степи в районе Акры бронзовый цилиндр с металлическими пластинками, на которых была греческая надпись. Она в высшей степени интересна тем, что в ней встречается то же самое имя, которое написано на стене керченской катакомбы - Фаиспарта. Этой надписью подтверждается предположение Кулаковского о том, что имя из катакомбы - женское. Издатель памятника В.В. Шкорпил считает, что можно допустить тождество людей, упоминаемых в обеих надписях [508, с.8-9]. Кроме того, имя Савага (из керченской катакомбы) упоминается и в надписи на стене китейской катакомбы, открытой Ю.Ю. Марти в 1929 г. и отнесенной им к IV веку [316, с.15].

Эти персоны, по всей видимости, были весьма знатным семейством, достаточно известным в стране. Тот факт, что имена обоих обнаружены в одном районе Боспора вне столицы наводит на мысль о том, что род Савага мог

иметь значительные земельные владения в районе Китея - Акры (необязательно, что Саваг, сын Тасия из китейской надписи идентичен Савагу из Керчи, это могло быть одно из часто употребляемых в роду имен). Это - один из аргументов в пользу существования «сарматской аристократии» на Боспоре.

Рассмотрение третьего хронологического периода керченских некрополей выходит за рамки нашего исследования (VI - начало VII вв.), но следует отметить, что и этот материал в целом продолжает традиции предшествующего. Постоянное неуклонное сокращение некрополя Пантикапея-Боспора на протяжении IV-VI вв. достаточно показательно [535, с.151] и свидетельствует о том, что численность населения города в это время имело общую тенденцию к сокращению, но не испытала резких потрясений и катастрофических сокращений. **[55]** Таким образом, представление о процветании Пантикапея и всего Боспора до нашествия гуннов и катастрофическом упадке после 375 г., основанное на монетном материале и отрывочных письменных данных, к которым привязывались археологические материалы, не подтверждается данными керченских некрополей. Раскопки последних десятилетий показали, что конец расцвету античного Боспора положили варварские вторжения III четверти III в. На г. Митридат реальные следы гуннского разгрома не прослежены [56, с.52]. Вместе с тем, точно проследить историю города IV-VI вв. по данным археологии весьма затруднительно, т.к. слой IV в. сохранился плохо, а массовый материал V в. не всегда можно четко вычленить из общей однородной материальной культуры этого времени. В течение V - начала VI вв. имело место постепенное сокращение городской территории и столь же постепенное наступление некрополя. Не было перерыва и в заполнении склепов на Госпитальной улице. Материал из склепа 145/1904 г. и ряда других показывает, что в столице и в 375 г. продолжали совершать захоронения с пышным инвентарем. Это важный аргумент в пользу того, что гунны не разграбили Боспор [56, с.54]. Некрополь на Глинище дает нам картину участка погребений привилегированных граждан V в. [495, с.84]. Поэтому мы не можем сделать иного вывода, кроме того, что основные центры и институты Боспорского государства продолжали существовать и в V веке [104, с.255]. Несмотря на ощутимое влияние «гуннской моды», материальная культура Боспора позднеантичного времени демонстрирует непрерывность и эволюционный характер развития.

Гуннское влияние в боспорских некрополях ощущается практически лишь до сер. V в. [203б, с. 153], и считать погребения в них гуннскими нет оснований.

Картина послегуннского периода истории Боспора будет неполной без краткого рассмотрения памятников эпохи из других городов. Обзор базовых эталонных памятников и характеристику типового набора материала, на которых строится новая хронология позднего Боспора сделали А.В. Сазанов и Ю.Ф. Иващенко [408, 409].

В Тиритаке еще в 1936 г. В.Ф. Гайдукевич обнаружил остатки трехнефной базилики с колоннадой и датировал ее 2-й половиной, или точнее, концом V в. - началом VI вв. [141, с.199]. Найдены фрагменты византийско-ко-

ринфской капители, ближайшие аналогии которой дает Иоанно-Предтеченская церковь в Керчи. Гайдукевич связывает сооружение этого храма с активизацией византийской политики на Боспоре на рубеже V-VI вв., подготовившей аннексию последнего в 20-х гг. VI в. Вряд ли население этого захиревшего городка могло построить своими силами такую церковь, притом с привозными мраморными колоннами, капителями и пр. [141, с.203].

Фанагория располагалась на двух террасах с перепадом в несколько метров. **[56]** Верхний город имеет четкие границы, особенно на востоке и юге [131, с.144]. Почти по центру города с юга на север спускалась лощина - видимо, дорога из верхнего города к морю [230, с.13]. Площадь города составляла около 52 га, из них в настоящее время около 15 га затоплено морем [74, с.30; 131, с. 144 - 17 га]. Центр города располагался на нижнем плато.

На Береговом стратиграфическом раскопе два строительных периода относятся к IV-VI вв. Дома здесь построены в позднеантичной традиции. Отмечены два периода разгрома города - две прослойки пожаров [74, с.173-174]. Нижний пожар датируется концом IV в. и соответствует принятой в литературе дате разгрома Фанагории гуннами. Масштабы этого разгрома были, однако, преувеличены.

Сейчас можно утверждать, что пострадала практически лишь юго-западная часть города. Здесь были обнаружены не восстановленные в дальнейшем развалы, а также городская свалка конца IV века, слой которой имел толщину до 4 м [229, с.30]. Сам факт очистки города говорит о его восстановлении. Находки в комплексе после пожара рисуют нам жизнь типичного провинциально-византийского города V-VI вв. [75, с.170]. Керамический материал (амфоры, краснолаковая посуда, индивидуальные находки) датируется в пределах конца IV - начала VI вв.

Второй пожар можно отнести к 40-м гг. VI в. Он связан с боевыми действиями, т.к. в слое найдены камни от метательных машин, обстреливавших город со стороны залива. После этого разгрома от прежнего города ничего не остается. Новая строительная техника на месте пожарища совершенно иная, исчезает краснолаковая керамика, оконное стекло и т.п. [75, с.170]. Город, видимо, был захвачен утигурами, о чем упоминает Прокопий (Bello Goth. V, 23).

Позднеантичный материал в Фанагории встречается почти повсеместно на территории городища [368 а, с. 125, 127-129, 131-135, 137].

В Кепах центр городища на современном берегу открыл мощный слой VI в.: каменные цоколи большого дома в позднеантичной традиции, подвал с пифосом, оконное стекло, краснолаковая посуда. Все это сгорает в пожаре. После пожара жизнь возобновляется, но новый город уже не похож на старый, византийский: иные строительные традиции, иная керамика. Видимо, сменяется население [73, с.32]. К этому времени и нужно отнести погребение 1962 г., отнесенное Н.И. Сокольским к V веку [436, с.209]. Немалую роль в запустении Фанагории и Кеп сыграло море, активно размывавшее берег в этом районе в V-VI вв., из-за чего корабли не могли подходить близко по мелководью [73, с.32].

Наряду с Фанагорией и Кепами разгром VI в. прослеживается и на о. Киммерида. Крупные сельскохозяйственные поселения Батарейка II [182, с.123] и Батарейка I [434, с.188-189], ряд других были разрушены.

Уцелело, однако, Ильичевское городище, расположенное у основания косы Чушка. Ядром городища была крепость с сырцово-кирпичными оборонительными стенами на каменных фундаментах. На сырцово-кирпичных пилонах у башен непременно должны были находиться метательные орудия типа баллист или катапульт [349, с.183]. **[57]**

Поселение к югу от крепости существовало по крайней мере со II-III вв. по VI век [Архивные материалы, 10, л.27]. В V-VI вв. здесь функционировал крупный хозяйственный комплекс, находка которого для позднего азиатского Боспора уникальна (принято считать, что подобные комплексы более характерны для городов европейской части).

Здесь был комплекс рыбозасолочных цистерн [Архивные материалы, 10, л.48. Позднее комплекс был определен как композитная винодельня V в.] и комплекс печей - Керамик [Архивные м-лы, 10, л.47] III в. Небольшая коллекция предметов вооружения из Ильичевки дает нам представление о воине-всаднике V-VI вв., имевшем при себе лук со стрелами, меч или кинжал у пояса, копье на длинном древке, шлем с султаном. Имел ли воин кольчугу или панцирь, сказать трудно. На Ильичевке, видимо, в числе других подразделений дислоцировались катафрактарии [355, с.88]. Очень многочисленна в Ильичевке христианская символика, особенно на краснолаковой керамике [355, с.86-87]: голубь - символ чистой души, павлин - рай, феникс - царствие небесное, рыба - неофит и т.д. [464]. Тот факт, что крепость просуществовала на протяжении IV-VI вв. без принципиальных изменений в материальной культуре, позволяет предположить, что ее содержание поддерживалось центральной властью.

Разрушения, произошедшие здесь в середине V в., можно связать с приходом утигуров, а окончательный разгром во 2-й половине VI в. - с тюркютами [350 а, с. 376-377].

Танаис был восстановлен не ранее последней четверти IV в., иначе какое-то количество поздних боспорских монет должно было бы проникнуть в город, но их нет [500, с.327]. Вся площадь прежнего города III в. была вновь заселена, ремонтировались руины и строились новые дома [500, с.328]. «Это был город с достаточно плотной жилой застройкой, в какой-то мере повторявшей застройку предыдущего периода, с системой оборонительных сооружений» [500, с.328]. Однако, кое-где развалины III в. не были разобраны, а лишь отгорожены стенами от восстановленных жилых кварталов [502, с.84]. В строительстве употреблялись капитальные вымостки из больших каменных плит (остатков каменных мостовых) [502, с.86], придающих постройкам гуннского времени известную монументальность.

Характерно появление круглых в плане построек. Присутствие в Танаисе собственно гуннов археологически устанавливается очень слабо. Наличие отдельных гуннских вещей (обломки сложного лука, фибула с двумя пружинками, бронзовая позолоченная обкладка от пряжки с геометрическим

штампованным орнаментом) не может служить доказательством присутствия гуннов в составе населения Танаиса.

Частью населения города могли в это время стать носители черняховской культуры - остатки разбитых готов. Большинство же населения составляли, видимо, аланы-танаиты - носители позднеантичной боспорской культуры. **[58]** Можно думать, что в послегуннское время Танаис в какой-то мере выполнял функции транзитного центра, через который шел товарообмен Боспора с племенами степей. Но возрождение города совершилось не в торговых целях. Собственная торговая активность Танаиса в конце IV-V вв. была ничтожной по сравнению с предшествующим периодом [500, с.330].

Среди городов европейской части Боспора представляет немалый интерес главный город юго-востока полуострова - Китей. Материал позднеантичного времени встречается здесь начиная с первого года раскопок [341, с.63]. Еще Ю.Ю. Марти отмечал, что керамический материал Китея охватывает время вплоть до V в. [316, с.8].

Ряд катакомб, расположенных к северу от городской стены и некрополя под цепью холмов, тянущихся с запада на восток параллельно берегу, дает материал IV в. Среди находок в склепах - фрагмент красноглиняной тарелки с вытисненным изображением четырехконечного равностороннего креста, остатки стенной живописи, бронзовая монета Рескупорида VI [316, с.9-10]. В 1957 г. на раскопах I и II в юго-западной приморской части города с жилыми и хозяйственными постройками были зафиксированы четко выраженные слои конца IV 2-й четверти VI вв. [341, с.63]. На восточном участке крепостной стены (раскоп IV) в 1986 г. был открыт второй позднеантичный комплекс, где исследовалось помещение с тарапаном, под которым в подвале обнаружен склад амфор (всего их 7). Большинство из них датируется концом V - 3-й четвертью VI вв. Дата подтверждается находкой в слое золотого солида Юстиниана I [342, с.114-115]. В значительных количествах есть керамика с христианской символикой (краснолаковые блюда с крестами), фрагменты рюмок для причащения , а в 1990 г. открыты фрагменты 12-ти лампад зеленоватого стекла. На раскопе II также обнаружена христианская лампада V-VI вв. [341, с.64], а также слой пожара, датируемый 2-й четвертью VI в. [341, с.64]. В сезоне 1993 г. было вскрыто помещение «Z», полностью сгоревшее в результате локального пожара (мощный слой золы, куски обгоревших бревен-перекрытий, мощный слой черепицы - рухнувшая крыша). Находки: бронзовый перстень с инкрустацией, большая остродонная позднебоспорская амфора, пифос, девятирожковый светильник, миска со штампованным крестом, позднебоспорская монета. Эта (предположительно) «мастерская камнетеса» (в помещении найден ряд хорошо обработанных плит и заготовок с пропилами) датируется V - началом VI вв. В 1995 г. В.А. Хршановским было раскопано пока неопубликованное катакомбное погребение из двух погребальных камер на некрополе Китея, которое датируется V в. В этой связи представляют интерес выводы Е.А. Молева по Китею: последний период истории города был относительно мирным (могли быть локальные пожары по разным причинам) и гибель его, скорее всего, была вызвана не внешними

факторами, а обезвоживанием района вследствие нарушения структуры водоносных слоев [340, с.61]. **[59]**

В некрополе Илурата открыты остатки круглого, вырубленного в скале святилища, на полу которого высечены изображения креста, а по его сторонам - птицы и рыбы [265]. Склеп IV в. имеет 6 крестов, высеченных на его стенах. Погребение 69 может быть с полным основанием отнесено ко времени после прихода гуннов и датируется I половиной V в. [494, с.25]. Зафиксирован факт вторичного использования склепа 18 в V веке. Среди остатков инвентаря этого захоронения - золотая монета императора Гонория (395-423). Это - еще одно подтверждение существования Илурата в V в. [494, с.25].

Киммерик пережил разгром в конце III в. Поселение IV-V вв. было расположено уже в отдалении от морского берега. Не говорит ли это за то, что главная угроза городу была с моря? [Архивные материалы, 3, л.20]. Возможно, в позднеантичное время он уже носил варваризованное название Киверник.

В V в. в состав Боспорского государства уже не входил район Феодосии. Псевдо-Арриан сообщает, что это – «опустевший город, имевший гавань, древний эллинский город, о котором есть упоминания во многих сочинениях. Ныне же Феодосия на аланском или таврском наречии называется Ардабда, т.е. Семибожный» (77).

Район мыса Казантип сильно пострадал в последней трети III века. Многие крепости были разрушены. Но ряд поселений сохранился, прежде всего у дер. Семеновки [247, с.252]. В V в. связь этого района с остальным Боспором была номинальной.

Наиболее интенсивные раскопки проводятся в 90-х гг. в районе Крымского Приазовья. Здесь существовал ряд крупных и мелких поселений, главным из которых был город Зенонов Херсонес. Его раскопки проводились в 1978-1984 гг. Восточно-Крымской экспедицией. Ряд строительных комплексов просуществовал здесь вплоть до VI в. До начала VI в. функционировала сточно-канализационная система городка, построенная не позднее II-III вв. [329, с.151-156]. В юго-восточной части городища выявлен позднеантичный комплекс построек. Это были небольшие дома из 1-2 комнат с примыкавшими к ним двориками или помещения, выходившие на общий двор, образуя замкнутый квартал. Подробный разбор керамики дает абсолютную датировку комплекса IV-VI вв. [329, с.164-167]. Вывод: верхняя граница жизни на поселении - 2-я четверть VI в. [329, с.167].

На западном участке городища планировка всех построек, судя по направлению стен, оставалась в целом неизменной с I в. н.э. по IV в. [Архивные материалы, 6, л.52]. Обнаружена также мостовая, относящаяся ко времени не ранее конца IV в. [Архивные материалы, 5, л.26].

Другие памятники Крымского Приазовья дают синхронный материал. Жизнь на Генеральском городище продолжалась до 2-й половины VI в. без следов катастроф [Архивные материалы, 4, л.42-43]. В Зеленом Мысу (городище площадью ок. 1 га) найдены два золотых солида Феодосия II 443-444 гг. (по определению В.В. Кропоткина) в культурном слое IV-VI вв. [Архив-

ные материалы, 7, л.88]. **[60]** Некрополь Старожилово служил для погребения жителей поселений Салачик и Генеральское-Восточное. Склепы использовались в IV-VI вв. [Архивные материалы, 8, л.61-69].

Самый интересный объект, исследуемый в последние годы - некрополь Сююр-Таш. Здесь абсолютно преобладает материал конца IV начала VI вв. [Архивные материалы, 9, л.46]. Склеп 2 обладает монументальным дромосом, тщательно обработанной камерой. Все это, а также художественный вкус заказчиков позволяют относить погребенных здесь боспорян к высшим слоям населения городища Золотое-Восточное. В склепе - две надписи. В первой из них 13 знаков, большая часть которых может быть отождествлена с буквами греческого алфавита. Прочтению не поддается [Архивные материалы, 9, л.50, рис.170, 1-2]. Ряд других склепов также имеют дромосы. Расположение гробниц было каким-то образом регламентировано [Архивные материалы, 9, л.77]. Разные типы гробниц сосуществуют на некрополе примерно в одно и то же время: конец IV - начало VI вв. Некрополь датируется очень узко и может стать эталонным памятником для древностей Восточного Крыма [Архивные материалы, 9, л.78].

Юго-восточный Боспор в эпоху поздней античности дает нам небольшое количество находок. В Горгиппии есть находки монет Рескупорида V и VI [258, с.104]. В 1991 г. были обследованы помещения 119 и 120, где был найден керамический материал середины IV середины V вв.: светлоглиняная толстостенная керамика IV в. [Архивные материалы, 1, л.27], красноглиняная с крупными включениями и коричневым ангобом IV-V вв. [Архивные материалы, 1, л.30] и т.д. Возможно, город мог возродиться в IV в., но делать по этим находкам какие-либо выводы о характере населения города и его политическом статусе было бы преждевременно [487 а, с. 90].

Отдельные предметы IV в. найдены также на Раевском городище [361-364]. Это статер IV в., три серебряных монеты - подражания римским денариям варварской чеканки, обломки амфор, краснолаковых и других сосудов. Вопрос о принадлежности этого городища Боспору в IV-V вв. также остается открытым [252, с. 96].

Среди другого материала позднеантичного времени из этого региона - клад с Шум-речки с боспорскими статерами III-IV вв. [413] и могильник на р.Дюрсо, где в погребении 517 были найдены монеты поздних боспорских царей (Фофорса 296 г. и Рескупорида VI 322 г.) [180, с.56; 181, с.97-98]. Весь освещенный материал по юго-востоку Боспора говорит скорее в пользу того, что, оставаясь в сфере распространения боспорской материальной культуры, этот район в состав государства не входил.

Итак, весьма значительный археологический материал достаточно убедительно показывает, что на протяжении IV-V вв. материальная культура Боспора и ее социальный базис развивались без перерывов. **[61]** Большинство старых городских центров государства продолжает свое существование. Отмечаемое специалистами сокращение территории городов в IV-V вв. не было простым следствием эпизодических военных действий или экономического кризиса, а также не было сугубо местным явлением. Этот процесс наблюдал-

ся повсеместно на территории Восточной Римской империи в V-VIII вв. А.П. Каждан объяснял его глубокими экономическими и социальными сдвигами в период перехода от античного периода к средневековью [215, с.164-165]. А.Р. Корсунский и Р. Гюнтер, отмечая, что для поздней Римской империи типично сокращение площади, окруженной стеной, подчеркивали, что укрепления охватывали теперь только гарнизон и здания городского и церковного управления и культа, тогда как большинство городского населения жило уже вне укрепленных стен [243, с.96]. На Боспоре подобная картина хорошо прослеживается по материалам Пантикапея.

Второй устойчивой тенденцией развития позднего Боспора было медленное, но неуклонное сокращение числа сельских поселений. Комплексные причины этого явления - те же, что и в основных центрах античной цивилизации. На островах Таманского архипелага в III в. существует около 140 поселений, на рубеже IV-V вв. точно установлено пока 35 [130, с.29-31].

Важнейший признак позднеантичной материальной культуры всего Средиземноморья, яркое доказательство ее континуитета в IV-V вв. – краснолаковая керамика: наиболее хорошо разработанный хронологический эталон [563; 578; 589]. Опираясь на работу Дж. Хэйса, А.В. Сазанов установил хронологию этих изделий на позднем Боспоре [409]. Базовые типы краснолаковой керамики датируются на Боспоре следующим образом. «Африканские краснолаковые сосуды»: середина IV - 3-я четв. VI в. [410, с.103]. «Поздний римский С»: с начала V в. по 3-ю четв. VI в. [410, с.104]. Клейма в виде крестов на краснолаковой посуде появляются лишь с последней четверти V в. [сводку типов краснолаковой керамики Боспора и Херсонеса с христианской символикой дал П.Д. Диатроптов, опираясь на Дж. Хэйса, см.: 177, приложение 3, с.240-254]. Так как краснолаковая керамика встречается почти повсеместно на Боспоре и сопредельных территориях [67; 69; 75; 83; 132; 259, с. 123-124; 341; 350; 421], ее современная хронология имеет исключительное значение.

Судьбы позднеантичного Боспора нашли свое завершение в VI веке. В начале этого столетия регион вновь попадает в сферу внимания авторов письменных источников, что связано с активизацией здесь политики Византии. «Византийское правительство, опекая свои интересы на дальней окраине Тавриды, ...не могло долее спокойно относиться к владычеству гуннов в степях полуострова» [121, ч.2, с.179].

При Юстине (518-527) «боспориты отдали себя под власть императора» (Procop. Bello Pers., I.12, 8). Юстин отправил в Боспор патрикия Прова, племянника прежнего императора Анастасия, чтобы склонить **[62]** утигуров прийти на помощь иверам против персов. Раздираемые внутренними распрями варвары не выполнили просьбу, зато на Боспоре высадился византийский отряд и поставил страну под непосредственный контроль империи (около 523 г.). Была развернута активная миссионерская деятельность. В качестве примера можно назвать миссию епископа Кардоста, посланного в 515 году к савирам.

Видимо, под влиянием одной из таких миссий вождь утигуров Грод (Гордас) решил креститься и для этого поехал в Константинополь. Там над ним и было совершено таинство крещения, причем восприемником гунна был сам император. После этого Грод получил пышный имперский титул и был отправлен на Боспор «блюсти интересы империи». Рьяно взявшийся за христианизацию сородичей наместник пал жертвой гуннского мятежа. В результате византийский отряд был уничтожен, город Боспор был захвачен варварами, многие города Боспора подверглись погромам (Тиритака [403, с.17], Зенонов Херсонес и др., гл. обр., на европейской стороне). Этот мятеж привел к временному восстановлению гуннского господства в районе Боспора (526/7 г.).

Существует мнение о том, что в начале VI в. Боспорского государства не существовало, поэтому Юстин и обратился с предложением о союзе к утигурам. Но император обратился именно к реальной военной силе этого региона для ее использования в своих военно-политических целях [587, с.70]. Этот факт не может рассматриваться как аргумент за или против существования государства на Боспоре в то время.

К 533 г. относится плохо сохранившаяся надпись с упоминанием имени Юстиниана [288, с.98-105, N 98].

В 534 г. Юстиниан высадил на Боспоре войска и включил его в состав империи (Theophan. под 534 г.; Malala, 433). Прокопий в речи армянских послов к персидскому шаху перечислил последние успехи Юстиниана: «Разве не послал он своих военачальников к жителям Боспора и не подчинил своей власти город, совершенно ему не принадлежавший?» (Bello Pers. II.3, 40). «И стал жить в мире Боспор под управлением римлян», - заключает Иоанн Малала (433). По его же сообщению, в I пол. VI в. гунны, жившие близ Боспора, приняли христианство (481). Логично предположить, что успешная христианизация гуннов произошла после византийской оккупации.

Таким образом, был создан единый блок византийских владений в Крыму от Херсона до Боспора. Имперская граница была закреплена таврическим лимесом. Юстиниан развернул широкую строительную программу в регионе (Procop. De aedif., III.7), которая охватила 30-40-е гг. Образцовым памятником византийского лимеса является Ильичевское городище [350 а, с. 378-379].

Но и этот период также не был мирным. Незадолго до 545 г. Фанагория и Кепы были захвачены гуннами и разрушены (Procop. Bello Goth. VIII.5, 28-29). Видимо, после этих событий Византия сохранила за собой на азиатской стороне лишь остров Киммериду. Трудно сказать, что вызвало рецидив агрессивности утигуров, - возможно, запоздалое понимание того, что Византия пришла сюда «всерьез и надолго». **[63]**

Концом позднеантичного периода на Боспоре можно условно считать византийскую аннексию. Но фактически резкий слом прежнего уклада жизни произошел в 576 г. Пришедшие в Приазовье тюркюты создали мощное объединение во главе с ханом Истеми. Еще в 575 г. была издана новелла Тиберия об освобождении Боспора и Херсона от морской повинности [121, ч.2,

с. 183]. А уже через год город Боспор и его окрестности были взяты тюркютским отрядом во главе с Турксанфом. Это вторжение было катастрофическим и принесло значительные разрушения, видимо, самые крупные после готских походов III в. [353, с.21]. Византия впоследствии еще не раз возвращала себе Боспор [166, с.50], но изменения в материальной культуре и образе жизни обитателей Боспора стали необратимыми [309а, с.76]. Сильно варваризованное греческое население, ориентирующееся на Византию, существует здесь, видимо, до XIII в.[274].

Как было показано в этой главе, археологический материал из боспорских городов и поселений убедительно демонстрирует единство и однородность материальной культуры на Боспоре на протяжении IV-VI вв. и ее независимое от степных народов развитие. Передатировка базовых памятников позднего Боспора стала основой для новой концепции его позднеантичной истории. В настоящее время уже нельзя однозначно привязывать слои пожаров и разрушений к одному событию. Эти слои в каждом конкретном случае нуждаются в дополнительной проверке. Но, очевидно, что пожары и разрушения на позднем Боспоре происходили неоднократно. Важно, что ни один из этих погромов не был катастрофическим. Резкое сокращение источников с конца IV в. отчасти повлияло на формирование представления о гибели Боспора от гуннского нашествия. Новый материал говорит об обратном.

Специфика поздней античности на Боспоре характеризуется следующими факторами: - удаленность региона от основных центров цивилизации, - сокращение связей с метрополией, - сложные этнические процессы при сохранении основного ядра населения, - непрерывность культурного развития.

Помимо кратких данных эпиграфики в пользу взгляда о сохранении государства на Боспоре в IV-V вв. говорят следующие обстоятельства. Образ жизни жителей Боспора, их занятия, сохранение денежного обращения даже после прекращения эмиссий, значительная социальная стратификация, которую демонстрирует археологический материал - все это подразумевает такой уровень общественных отношений, который соответствует политической организации общества типа государства. Она станет предметом исследования в следующей главе.

История позднего Боспора имеет немало темных мест. Дальнейшее продвижение в ее изучении должны обеспечить новые исследования, прежде всего археологические. **[64]**

ГЛАВА 2: ПОЗДНЯЯ БОСПОРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ.

Говоря о позднеантичной государственности вообще, и о боспорской в частности, необходимо уточнить дефиниции. Всеми признано, что стержнем государственности является политическая система. В мировой науке концеп-

ция политической системы была введена уже достаточно давно британскими социальными антропологами.

В рамках единой социальной системы политическая система представлялась относительно автономной подсистемой, хотя и ведущей, наряду с такими, как экономическая, религиозная и т.п. Такое понимание политической системы получило распространение и в социологии. Политическую систему рассматривали как ту часть социальной системы, которая позволяет обществу функционировать нормально и в определенном балансе со средой (environment). Акцент на поддержание внутренней и внешней безопасности предполагал, что важнейшие компоненты политической системы - различные формы принуждения [426, с.144].

За последние десятилетия в современной социальной антропологии и этнологии концепция политической системы практически исчерпала себя и устарела. Ее главный порок (впрочем, как и многих других историко-социологических моделей) в том, что она предполагала жесткие границы для широких, подвижных социальных явлений. Поэтому ей на смену сейчас приходит концепция политической культуры, т.е. взаимодействий внутри социального поля, не имеющего четких границ. Речь идет о совершенно новой концептуализации и практическом применении власти [см., например: 551; 559; 583]. Этнические процессы, религиозные движения приобретают иное звучание, если их анализировать в русле концепции, предполагающей «открытое поле» для исследований [426, с.145]. Кроме того, сам характер источников заставляет нас не ограничиваться изучением только «политической системы» или некоей абстрактной государственности. Исследование политической культуры Боспора эпохи поздней античности, таким образом, должно включить в себя изучение организации сложных форм общественной жизни, органов государственного управления, социальной структуры населения, этнической и конфессиональной ситуации, исторической эволюции позднебоспорской государственности. Именно в таком плане следует понимать термин «государственность», вынесенный в заглавие.

§ 1. Сложные формы общественной жизни.

После готских походов условия жизни боспорян и их среда обитания не претерпели существенных изменений. Угасание Боспора не было единовременным актом, а растянулось более чем на два столетия [328, с.6]. Особенно полно традиционный уклад жизни был представлен в городах. В IV-V вв. Пантикапей сохраняет свое значение столицы, ремесленного и торгового центра [252, с.76]. Наиболее ярко городскую жизнь характеризует здесь индустрия полихромной инкрустации. Импортные **[65]** сосуды, ткани, оружие, украшения из склепов IV-V вв. - свидетельства торговых связей Боспора с метрополией. Были ли ремесло и торговля в то время полностью в руках частных корпораций типа горгиппийского фиаса навклеров III в., или часть из них работала под контролем государства, остается неизвестным. Скорее всего, двор оставлял за собой контроль над важнейшими отраслями. Кроме

того, в заморской торговле с империей ведущая роль принадлежала отнюдь не боспорянам, а константинопольским торговцам, как об этом в конце IV в. свидетельствует Фемистий в уже упоминавшемся отрывке.

Помимо занятий торговлей и ремеслом, которые рано обособились и замкнулись в корпорации, население столицы жило в основном натуральным хозяйством. Основными занятиями были земледелие на прилегающих к городу участках и рыбная ловля. Часть жителей города, вероятно, постоянно занималась заготовками топлива. В то время Боспор почти не испытывал недостатка в лесе и, следовательно, вполне мог быть обеспечен дровами в холодные и сырые зимы [94, с.72].

Помимо корпорации златокузнецов, расцвет деятельности которой пришелся на конец IV - I пол. V вв. [203, с.101-102], процветало гончарное производство, действовавшее целиком в русле позднеантичной традиции [541, с.6]. В IV в. появляется новый тип сосудов для хранения вина, ставший впоследствии универсальным громадные остродонные позднебоспорские амфоры, по своим размерам занимающие промежуточное место между прежними амфорами и пифосами. Эти вместительные сосуды очень характерны для материальной культуры Боспора IV-VI вв. [41, с.8-9, 49-50]. Их производство силами одной семейной мастерской было затруднительно, поэтому, возможно, сохранялись и более крупные мастерские. Выпуск черепицы сокращается, она широко используется повторно [142, с.211 сл.]. Прекращается и ее клеймение [уже упоминавшееся помещение «Z», открытое в 1993 г. в Китее, раскоп IV, дало огромное количество черепицы: вся она разнородна и лишена клейм].

Подобный образ жизни вели обитатели и других городов Боспора. В более крупных из них ремесло играло значительную роль, в небольших преобладало сельское хозяйство. Так, в Фанагории открыт целый район крупных керамических печей III-V вв. [225, с.172]. Видимо, это важное производство находилось под определенным контролем государственной администрации.

Камнетесное дело приходило в упадок. Большинство боспорян сами строили себе дома, горожане сооружали и укрепляли стены. Сокращается количество надгробий. Тем не менее, продолжали строить склепы, причем без особого огрубления. Интересна находка «мастерской камнетеса» V в. в Китее: отлично обработанные плиты с ровными аккуратными пропилами говорят о том, что упадок ремесла был весьма относительным.

Стеклоделие в IV-V вв. на Боспоре продолжает развиваться по восходящей. **[66]** Открыты крупные мастерские в Гермонассе и Ильичевском городище [356, с.50]. Там производили как посуду, так и оконное стекло. В боспорских мастерских развивались традиции сирийских мастеров, которые могли здесь эпизодически работать. Материал Ильичевского городища показывает, что не только базилики [445 , с. 159], но даже казармы федератов имели окна, застекленные как прямоугольным, так и круглым стеклом [356, с.55. Оконное стекло считается признаком общественного здания. Ильичевская мастерская общей площадью 140 кв. м занимает около 5% всей площади крепости]. Ма-

стерских на Боспоре было, по-видимому, достаточно много, а рынком сбыта служила, вероятно, ближайшая округа. Отмечается также присутствие на Боспоре импортного сирийского стекла [445, с.160], что свидетельствует о сохранении ограниченных торговых связей с материком.

Говоря о ремесле в целом, можно предполагать, что уже в IV веке крупных царских эргастериев не было. Число же мелких семейных мастерских повысилось. На это указывает отсутствие клеймений и стандартизации типов продукции. Большое количество таких мастерских говорит об их мелких размерах и местном значении [252, с.175]. В послегуннский период мастера-ремесленники, вероятно, перестали быть зависимыми от крупных владельцев мастерских, и приобрели большую самостоятельность, даже царские мастера. На поясных наборах IV-V вв. уже не встречаются знаки владельцев мастерских, которые имеются на боспорских пряжках II-III вв. [183, с.50]. В конце IV - I пол. V вв. многие мастера должны были работать на заказ для высшей боспорской знати, распространявшей «гуннскую моду».

Уже в IV в. земледельцы вновь стали составлять большинство населения городов. Особенности городской культуры в этих условиях постепенно отступали на второй план. С упадком городской культуры грани между городом и деревней постепенно стираются, особенно в течение V в., хотя и не исчезают совсем [252, с.179].

Из промыслов в IV-V вв. продолжал преобладать рыбный. Этим промыслом занимались как отдельные семьи, так и объединения семей [311, с.234]. Роль рыбной ловли даже несколько возрастает в связи с принятием христианства, так как во время постов росла потребность в рыбе. Центром промысла оставалась Тиритака. Здесь и в V в. солили рыбу в промышленных масштабах, хотя и меньше, чем ранее. Помимо отдельных рыбаков и семей, продававших улов скупщикам, существовали также артели и крупные рыбопромышленники с наемными рыбаками [252, с.183]. Рыбу хранили в пифосах и крупных амфорах, помещая ее туда после засолочных ванн. Тесно связана с рыбным промыслом и добыча соли. Вероятно, ее добывали из соляных озер.

Сельские поселения позднего Боспора делились на три основных типа: 1) неукрепленные деревни, расположенные в поле; группа изолированных домов, 2) поселения на холмах с улицами и делением на кварталы (деревни), 3) укрепленные «виллы» («поместья») [252, с.87; 326]. **[67]**

Сельская хора европейского Боспора сильно пострадала в 3-й четверти III в. Преобладавшие до этого изолированные укрепленные усадьбы были разорены, а их хозяева бежали под защиту ближайших стен. Несмотря на повторявшиеся и в дальнейшем разорения, поселения европейского Боспора, снабженные укреплениями, существуют до VI в. Лучше других исследованы поселения Крымского Приазовья: Генеральское-Восточное, Зеленый Мыс, Сиреневая бухта (площадь соответственно I га, 0, 58 га, 0, 55 га) [327, с.40]. Сохранившийся, пусть и небольшой, экономический потенциал этой части Боспора, опиравшийся на многовековые традиции относительно стабильного населения, навыки земледелия и благоприятные природные условия Приазовья, оказался достаточным для более или менее нормального функциониро-

вания позднебоспорского государства [330, с.41]. Эти городки, теснившиеся вокруг крепостных стен, были компактно застроены и равномерно заселены [101, с.181] в отличие от других центров европейского Боспора, в которых доминировал один город, окруженный мелкими поселениями.

На азиатской стороне аналогичную ведущую роль играл остров Киммерида [101, с.182]. Здесь в IV в. еще не было того упадка, который наблюдался тогда на европейском берегу. Происходит даже известное оживление сельскохозяйственной жизни и возникают новые поселки [96, с.119: поселение «10-й километр»]. В то время подобные населенные пункты иногда занимали довольно большую площадь, не уступая по размерам малым боспорским городам [101, с.179]. Так, площадь неукрепленного поселения на месте Батарейки I превышала 25 га, примерно такую же площадь занимал Патрэй. Кризис и сокращение числа поселений на азиатской стороне приходятся на конец IV и V вв.

Многие пограничные поселения Боспора возникли, быть может, как поселки сармато-аланских родов или общин, которыми боспорские цари предоставили право пользования землей за военную пограничную службу («федераты») [252, с.105]. Достоверно известно о существовании подобного института для первых веков н.э. Военным поселенцам выдавались небольшие участки земли, достаточные лишь для нужд одной семьи. Средний надел составлял 3 га и соответствовал статусу легкого пехотинца [327, с.43]. Возможно, что еще в III в. государство находило возможности для оплаты этой службы деньгами (клад из дер. Семеновки) [249; 257, с.230].

Постепенная рустификация городов, наряду с распространением труда пелатов, близких колонам, в сельском хозяйстве Боспора, можно думать, определила известную унификацию, наблюдаемую в экономической, а отчасти в социальной и культурной жизни Боспора позднеантичного времени [94, с.194].

Итак, очень гипотетично мы можем предположить, что большинство свободного населения позднего Боспора не испытывало прямого административного воздействия со стороны государственной власти. Так или иначе зависели от государства военные колонисты, работники на царских землях, двор и его обслуга. **[68]** Остальные боспоряне в своей повседневной жизни должны были испытывать воздействие государства лишь опосредованно.

Главной задачей боспорского государства была организация военной защиты и нападения [94, с.203]. Внешняя политика всегда была прерогативой центральной власти. Внутри страны главной функцией государства оставался сбор налогов. Если еще в III в. существовала широкая система государственных налогов, которые платили даже представители знати (КБН 1050), то в дальнейшем сокращался как сам государственный аппарат, так и количество тех, кто платил налоги. Видимо, в IV в. стало обычным явлением получение знатными родами своеобразного «налогового иммунитета», что ранее было родом отличия со стороны царской власти. Прямое налогообложение было в целом чуждо античности. Среди косвенных налогов главную роль играли, видимо, торговые пошлины за ввоз и вывоз товаров, которые могли сдаваться

на откуп (КБН 1134). Эволюция налоговой системы в V в., видимо, стала приобретать варварские черты и сближалась с «полюдьем», при котором правитель с личной дружиной объезжал страну и собирал «дань» натурой [этот феномен следует признать общим явлением для многих эпох и народов; см. новейшее исследование: 222].

В античном обществе человек был включен в две системы связей: в систему государства, где отношения граждан регулировались законами, и в систему социальных микросообщностей, где отношения регулировались не законами, а находившимися с ними в сложных, противоречивых отношениях традицией и личными зависимостями [последний обстоятельный разбор проблемы см.:564. Общие положения и выводы автора характеризуют античное общество в целом]. Социальными микросообществами, т.е. своеобразными малыми контактными группами были: - местная община (городская, сельская), из которой человек вышел и на поддержку которой он опирался всю жизнь, - семья, члены которой ориентировались в своем общественном поведении на знатных и богатых покровителей и в свою очередь оказывали покровительство менее знатным и богатым семьям, от них зависевшим, - дружеский кружок, спаянный не столько личной приязнью, сколько общностью деловых и политических интересов, - полностью неформальное сообщество, объединявшее людей, преследовавших одни и те же непосредственные политические цели, - коллегия - профессиональная, жреческая или посвященная культу неофициального божества, но во всех случаях предполагавшая регулярные собрания, совместные церемонии и коллективные трапезы [единственная специальная работа на русском языке: 269], т.е. неформальное общение и солидарность членов [общая классификация Г.С. Кнабе: 220, с. 203].

В реальной жизни постоянно взаимодействовали и проникали друг в друга, сохраняя свои различия, две основные формы организации социальной жизни. Одна - целенаправленная политика государства по обеспечению собственного функционирования и нужд всей страны. **[69]** Вторая - повседневная жизнь рядового населения, мало связанная с деятельностью публичной власти. Ярким примером боспорских социальных микросообществ могут служить фиасы и синоды. Их главная социальная роль заключалась в том, что простой человек в рамках своего союза получал возможность во время совместных мероприятий общаться не только с себе подобными. Это была иллюзия причастности простых людей к общебоспорской гражданской деятельности, а порой и не просто иллюзия. Взаимодействие двух систем приводило, с одной стороны, к тому, что государственная сфера никогда не была полностью отчуждена от повседневного существования людей, от личных отношений, от семьи и кружка, реализовалась во внятных каждому непосредственно человеческих формах. С другой стороны, всякое политическое или даже гражданско-правовое дело в этих условиях могло быть успешным только в том случае, если оно лично кого-то устраивало, приносило выгоду семье или клану, причем от этого зависела любая успешная карьера.

Таким образом, на Боспоре в эпоху поздней античности сохранялись сложные многообразные формы организации социальной жизни, что позволяет отнести этот социум к обществам с государственной, а не просто потестарной организацией. Окружающая среда, которая играет основополагающую роль в развитии любой цивилизации, поскольку определяет условия хозяйственной деятельности [287, с.194], в IV-V вв. еще поддерживала уровень специализации труда и социальной стратификации на уровне, соответствующем цивилизации, а значит и государству. Сфера действия государственных институтов, однако, была неширокой, как и везде в обществах античного типа, что и предопределяло наличие спектра социальных микросообщностей [ближайшие аналогии см.: 419].

§ 2. Органы государственного управления и социальная структура населения.

Стержнем боспорской государственности и ее ведущей силой была царская власть. За свою долгую историю она не раз меняла свой характер, подпитываясь новыми источниками. Основными источниками государственной власти позднего Боспора были три элемента, которые можно кратко охарактеризовать как эллинизм, иранизм и римский протекторат. Первый из них - традиции эллинской «колониальной» державы, коей был Боспор при Спартокидах [194, с.117], к которым естественным образом добавились элементы эллинистической эпохи. Самыми яркими чертами ее были: обоснование царской власти правом завоевания и обожествление царей. Второе было прежде всего «политической религией», политической мерой, которая создавала для царя почву в греческих городах и обеспечивала постоянство и законную силу его действиям и после смерти [455, с.67]. Царь также становился источником права, в нем воплощалось государство. Царедворцы и чиновники были лишь царскими слугами [455, с.70]. **[70]**

Параллельно с этой традицией в эпоху Митридата Боспор испытывает мощное влияние иранского мира [395, с.23], которое оживило издавна существовавшие здесь традиции северных иранских народов. По иранским политическим традициям монархи отнюдь не являются богами, как в Египте и т.п. Тем не менее, величие монарха священно, так как власть ему передана богом, волей которого он призван на трон. У древних иранцев царь выбирался из определенного рода, считавшегося обладателем права на законную власть (харизма царства - фарн, хварно) [473, с.136-137; один из главных источников - Яшт 19 Авесты, Замйад-яшт]. Одна из главных функций фарна - придание власти царя божественной природы. Терминологически фарн связан с брачными обрядами и кругом брачных представлений. В его мифологической основе лежит брак царя с богиней огня [382, с.103]. Известная связь культа огня с идеей государственности и единства социального организма у греков также достаточно ясно ощущается в почитании эллинской Гестии и находит воплощение в огне пританея [382, с.92-93].

В ахеменидское время были выработаны сложная символика, традиции и ритуал, связанные с личностью царя [473, с.184]. С падением Ахеменидов они были унаследованы рядом мелких государств иранской периферии, особенно Понтом, Коммагеной, Каппадокией. Это был один из каналов передачи иранских политических традиций на Боспор.

Другой был связан с традициями организации власти у иранцев Севера. Именно северные и восточные иранские племена хранили исконные иранские традиции в отличие от мидян и персов, испытавших сильное влияние семитических цивилизаций Древнего Востока. Представления о «царском» племени или роде, главенствующем над остальными, можно заметить и в предании о «царских скифах», и в особом положении кушан в их конфедерации и т.д. Многие сарматские роды, осевшие на Боспоре, внимательно следили за своими родословными. По скифским представлениям, происходящий от богов царь должен принадлежать по рождению к сословно-кастовой группе воинов, тогда как сакральная функция принадлежит жречеству. Абсолютное могущество царю может придать лишь получение им обеих этих функций. Оно достигается путем осуществления сакрального брака царя с богиней огня Табити [382, с.102]. Жречество у иранских народов всегда играло заметную роль, поэтому одно из важнейших доказательств того, что античные элементы на Боспоре преобладали над иранскими - отсутствие в социальной структуре Боспора жреческого сословия.

В Парфии произошел глубокий синтез иранских и эллинистических традиций. Парфяне заимствовали свои основные представления о царе и царском достоинстве у Селевкидов и Греко-Бактрии [473, с.260]. Большую роль у них играли знатные роды, утверждавшие вступление царя на трон, а также военные черты царской власти, что объясняется кочевым прошлым парфян. В Парфии был создан и укреплен культ царей, дававший царской власти религиозную санкцию. **[71]** Иранское влияние выражалось здесь в формуле vašna Auramasda, а эллинистическое - в создании династических культов и в обожествлении династии как происходящей от богов и героев. Парфянская политическая теория дала принципиально новое для иранцев представление о личности царя как божества [244, с.30]. Парфянское политическое влияние на Боспор и его государственность хотя и не было непосредственным, но должно было в некоторой степени ощущаться. Кроме того, дахи - предки парфян - имели прямое отношение к сарматскому племенному миру, откуда они и пришли в Иран [428, с.15. Подробнее о характере царской власти в Парфии см.: 245]. Иранская волна, пришедшая на Боспор при Митридате, достигает своего высшего подъема в I-II вв. н.э. и сохраняется в дальнейшем [ориентализация государственного строя Римской империи достигает апогея при доминате, усвоившем многие парфянские и сасанидские традиции].

На характер боспорской царской власти неизбежно должны были оказать влияние клиентские вассальные отношения с Римской империей. Став звеном системы периферийных клиентских государств [546, с.9-17], Боспор приобрел черты зависимого государства.

Наконец, с V в. на боспорскую монархическую традицию накладывается «гуннский протекторат», не изменивший внутренней природы боспорской государственности. Христианские представления о светской власти слабо повлияли на сущность и характер власти боспорских царей.

Боспорская династия Тибериев-Юлиев выступала как наследница Митридатидов. Ее легитимность была подтверждена Римом и никем более не оспаривалась. Митридатизм [наиболее полное обоснование термина см.: 417] с опорой на «царскую землю», уравновешенный с греческими городами, стал основой политики Тибериев-Юлиев. Существовало представление о том, что инвеститура над боспорскими царями этого времени осуществлялась от лица верховного конного бога [395, с.24-26. О фракийских и местных элементах этого культа см.: 262, с. 190-227]. Это было прямым отражением иранских традиций на боспорской почве. Вплоть до времени Котиса III поддерживался порядок наследования по прямой линии от отца к сыну. В дальнейшем, видимо, порядок наследования не был таким строгим.

Характерным явлением позднеантичного Боспора был институт соправительства. Для интересующего нас времени мы отмечали факты соправительства в 266 г. (Рескупорид V и Тейран), 275 г. (три царя), 308-316 гг. (Радамсад и Рескупорид VI). Соправительство отмечалось здесь и в более ранние времена, поэтому его нельзя рассматривать как нечто новое.

Династическая история Боспора конца III - IV вв. достаточно запутанна. В ходе готских походов нарушилась преемственность власти законной династии, на троне появляются узурпаторы. И после восстановления порядка среди имен царей мы встречаем имена, не относящиеся к легитимным (Хедосбий, Фофорс, Радамсад). **[72]** Хотя на монетах Фофорса помещался особый царский знак и отсутствовали обычные для Тибериев-Юлиев атрибуты культа Геракла и Посейдона, специалисты высказывали разные мнения о его правлении. Наиболее обоснованы точки зрения о его непринадлежности к Тибериям-Юлиям [100, с.217-218; 207, с.211; 328, с.167]. На монетах Радамсада также отсутствует традиционная эмблематика Геракла-Посейдона, что, видимо, не случайно.

Как уже отмечалось, можно с большой осторожностью предположить, что в конце III - начале IV вв. на боспорском троне находились две линии: одна - Тиберии-Юлии с романофильской ориентацией, другая - линия Хедосбия-Фофорса-Радамсада (первым узурпатором этого рода мог быть Фарсанз в 253 г.) с ориентацией на варварский мир. Эта вторая линия хорошо прослеживается, но мы не можем установить ее именно как династию [574, с.609]. Имена правителей этой линии не находят прямых аналогий среди известных нам сарматских имен Северного Причерноморья, но некоторое сходство имеется с именами царей позднескифского царства в Крыму [328, с.169].

Среди боспорских царей первых веков н.э. всегда существовало два направления в политических симпатиях, взглядах на варварское окружение и античный мир [328, с.169]. Но если проиранское направление внутри правящей династии фактически сходит со сцены со времени Котиса I, то в ходе «готской смуты» оно возрождается уже вне правящего дома в виде парал-

лельной линии, на какое-то время узурпировавшей трон. Легитимные же Тиберии-Юлии неизменно подчеркивали свое происхождение и романофильство. Таким образом, боспорские цари в период поздней античности имели уже неоднородное династическое происхождение [подробнее см.: 328, с. 161-170].

Как известно из боспорской символики, общегосударственным символом правящих царей был триденс - символ Посейдона [262, с.208]. Новые тамгообразные знаки появляются первоначально только внутри страны. На предметах, имевших международный характер, цари по-прежнему ставили триденс. Только выходцы из варварской знати ставили свои именные гербы везде, в т.ч. и правители на монетах [183, с.63]. Цари сарматского происхождения и их окружение оставили большое количество подобных знаков, распространенных на всей обширной территории северопонтийской периферии [183, с.65].

Смысл тамги и заключался в том, что она выделяла каждый отдельный род, семью, лицо среди соседних родов, семейств, лиц, и была хорошо известна соседним родам и семьям [183, с.54]. Царские знаки были составными и содержали две части. Нижняя, видимо, символизировала правящую боспорскую династию, почему и является общей на всех знаках (молния или трезубец) [49, с.69]. Верхняя же была либо именным символом [183, с.62], либо символизировала фарн, либо являлась стилизованным изображением дракона [49, с.69]. **[73]** Правители, подчеркивавшие свое варварское происхождение, ставили свои именные гербы везде, отбрасывая сложный царский знак [183, с.63].

Почти однозначно можно отметить, что активной внешней политики боспорские цари в позднеантичное время уже не вели, если не считать кавказского похода Фофорса. Внутри северопонтийского региона, насколько нам позволяют судить источники, Боспор также не стремился к активной политике. Серия боспорско-херсонесских войн в конце III в. также произошла, скорее всего, не по инициативе Боспора. Стратегическая оборона выразилась еще и в том, что уже со времен Асандра, когда степной Крым освободился от власти Митридатидов и попал под власть поздних скифов, началось укрепление границ, поселение на западных рубежах военных колонистов, и лишь время от времени совершались рейды против позднескифского царства.

Во внутренних делах боспорские цари обладали высшей законодательной и судебной властью [71, с.9]. Одной из главных их функций было верховное командование армией. Царь должен был лично принимать участие в походах и сражениях (Тейран, Фофорс).

Боспорские цари, а в их лице и государство вообще, никогда не занимались в больших масштабах организацией хозяйственных работ, исключая разве что строительство валов, крепостей, стен.

Их вмешательство в экономику ограничивалось лишь контролем над денежной эмиссией. Денежная реформа Тейрана, заменившего серебряные статеры медными, была вызвана сложной ситуацией в хозяйстве страны после готских походов [486, с.103-112]. Стандартные и однотипные эмиссии

Фофорса на протяжении многих лет говорят об определенной прочности боспорской экономики в то время. Прекращение боспорской чеканки в 342 г. само по себе не было исключительным явлением, перерывы в чеканке случались и ранее. Важнее то, что выпуск монет так и не был возобновлен, хотя потребность в деньгах на Боспоре еще долгое время существовала. Прекращение эмиссий - не обязательный фактор в эпоху поздней античности, хотя ее с кажущейся легкостью можно объяснить развитием натурализации хозяйства. Несомненно, были какие-то конкретные причины прекращения чеканки, которые, вероятно, навсегда останутся для нас неизвестными. Общепризнано, что позднебоспорские монеты находились в обращении вплоть до VI в. Вместе с тем, известно, что в позднеантичное время на Боспоре никакие другие деньги, включая варварские подражания из хорошего металла, не ходили. Возможно, это указывает на сохранение общебоспорского хозяйственного организма, а быть может и на целенаправленную политику центрального правительства в этом вопросе.

Особое внимание боспорские цари уделяли организации обороны. Многие строительные надписи конца III - начала V вв. упоминают царей, проявивших заботу о возведении стен и башен. Со временем строительная деятельность ограничивается крупными городами. Для обеспечения безопасности хоры у государства уже не было возможности. **[74]** Одно из последних свидетельств заботы царей о хоре - строительство небольших регулярных крепостей в районе мыса Казантип [311, с. 233: доклад И.М. Безрученко]. Тем не менее, позднеантичная боспорская хора должна была укрепляться повсеместно. Археологического материала пока недостаточно для выводов, но достаточно ясно то, что хора укреплялась практически без помощи государства, т.е. местными силами.

Нумизматический материал Боспора неизменно подчеркивает не только вассальный, но и самодовлеющий характер боспорской монархии, ее божественное происхождение. С III в. все более и более господствует наряду с известным типом адорирующего царя тип сидящего верховного женского божества, характеризованного иногда приобщающимся из ее рук Эротом, как Афродита [400, 1989/2, с. 189].

Если еще во II в. н.э. идея царской власти носит более философский характер, то в III в. - характер подчеркнуто религиозный.

Надпись Тейрана 276 г. также имеет сакральный характер. В этой связи интересно отметить, что до сих пор обнаружено очень мало погребений боспорских царей. В первые века н.э. членов правящей династии или наиболее близких к ним людей могли хоронить на скалистом мысу Мирмекия, живописно завершающем Керченскую бухту [125, с.114]. Общепризнано, что один из курганов на Глинище к северо-западу от г. Митридат заключал останки царя Рескупорида III (I пол. III в.). Лицо царя покрывала золотая портретная маска, шею - золотая гривна. В саркофаге находилась конская сбруя с тамгообразными знаками [314, с.12-14; 131, с.18]. Гробниц позднейшего времени с погребениями царей мы не знаем. И.П. Засецкая считает возможным отнести склепы «24 июня 1904 г.» к семейным усыпальницам высшей боспорской

знати, а может быть, и боспорских правителей [203, с.101]. Косвенное указание на это - в том, что именно там были найдены вотивные чаши с бюстом Констанция II.

Тот факт, что мы не знаем отдельного района погребений боспорских царей, не имеем указаний на существование крупных мемориальных комплексов, можно рассматривать как проявление неразвитости царского культа, поверхностного характера апофеоза боспорских царей. В эпоху поздней античности царей погребали, скорее всего, в их родовых склепах (как уже отмечалось, в то время могло быть несколько царских линий, и уж во всяком случае - несколько боковых ответвлений внутри династии, каждая из которых должна была иметь свой родовой склеп).

Более чем трехвековое пребывание на троне Боспора династии Тибериев-Юлиев (хотя, возможно, и с перерывами), позволяет поставить вопрос о династизме на Боспоре. Специфика Боспора проявляется и в этой сфере. Видимо, передача власти в этой династии осуществлялась по принципу прямого наследования (по возможности) [71, с.9]. Здесь, конечно, проявились иранские политические традиции, ибо сама Римская империя доходит до этого принципа лишь при Константине, поистине **[75]** «выстрадав» династизм [151, с.50], который, впрочем, в законченной и последовательной форме в империи так и не прижился (особенно на Западе), чему препятствовали античные политические традиции. Важным элементом династизма в Римской империи IV в. был принцип единства власти императорской семьи: никто из правящей фамилии не назначался на высшие посты в государстве. На Боспоре, видимо, тоже придерживались этого принципа: эпиграфика III-V вв. нигде не упоминает ближайших родственников царя, занимавших высшие государственные должности.

Боспорская эра зафиксирована источниками до 496 г. [подробнее о боспорской эре см.: 370]. Поскольку эра связана с династическими вопросами, осознанием собственной исторической эпохи и преемственности власти, то можно говорить о существовании в какой-либо форме царской власти, восходившей к прежней династии, вплоть до конца V в.

Материальную основу политической власти царей составляло право верховного распоряжения всеми землями государства помимо непосредственно «царской земли». Даже полисная земельная собственность на Боспоре была опосредована царской собственностью на землю, и повинности в пользу царя за пользование клером могли нести как каждый землевладелец в отдельности, так и весь гражданский коллектив в целом [416, с.190, прим.38]. Этот порядок существовал, вероятно, не только в первые века н.э., но и позднее.

Со временем экономическое положение царской власти становилось, по всей видимости, слабее из-за сокращения «царской земли» вследствие раздач ее высшей знати, а частично, быть может, и вследствие ее захвата знатными родами. Способствовало ослаблению царской власти и экономическое обособление отдельных хозяйственно-территориальных комплексов.

Боспорский государственный аппарат, осуществлявший исполнительную власть, начал формироваться еще в эпоху Спартокидов [443, с.151], но вплоть до времени Митридата он еще не был достаточно развитым. Окончательное оформление государственного аппарата происходит в первые века н.э., когда эллинистические традиции слились с иранскими и римскими. Эпиграфика фиксирует для этого времени не только большое количество разнообразных должностей, но и появление отдельных знатных родов, представители которых из поколения в поколение (хотя и не пожизненно) занимают высокие посты в госаппарате [71, с.10]. Эта знать продолжает формировать аппарат управления и в IV в. (КБН 1054), и позднее. Вес и значение этих родов со временем только возрастали, что подтверждается материалами керченских некрополей V в.

Боспорский аппарат управления как особая группа людей, которые имеют определенные социальные, профессиональные и другие необходимые качества, наделенные полномочиями и средствами для осуществления управленческих функций [52, с.24], на протяжении позднеантичного времени состоял из чиновников, назначаемых царем. Источники об **[76]** этом прямо не сообщают, но иного пути, по-видимому, не было. В госаппарате Боспорского царства должны были существовать две группировки, различные по своему происхождению.

Представители знатных родов сарматского происхождения претендовали на особую роль в государстве, но особого политического органа в госаппарате аристократия создать не смогла. Известно, что при дворе Аршакидов был совет знати (Strabo IX, 9), точнее два: из родственников царя и из «мудрецов и магов», что имело глубокие местные традиции. Верховная власть у Аршакидов наследовалась всем родом в целом. Этот факт позднее послужил основой могущества парфянской знати [77, с.17-18]. Полноценный совет знати существовал в первые века н.э. и в Армении (Faust. Byz. III.9, 11). На Боспоре же, несмотря на определенные тенденции того же рода, знать не добилась подобного оформления своей власти. Причина - в том, что все государственные служащие обладали суммой прав и обязанностей, определяемых царем. Для недопущения аристократической оппозиции главные роли на царской службе были отданы царским отпущенникам [188, с.44] (сходные явления имели место и в Римской империи). Таким образом, в госаппарате существовала и вторая группировка - из бюрократии, обязанной своим возвышением лично царю. Позднеантичные традиции выборности и ненаследственности магистратур имели место и на Боспоре, значительно ограничивая претензии аристократии и направляя ее устремления в рамки чиновничьей службы.

Показателем социальной значимости высших боспорских чиновников (как из аристократии, так и из незнатной бюрократии) могут служить римские tria nomina, которые они носили. На практике это означало предоставление им прав римского гражданства, что было немаловажно. Наделение боспорской знати римским гражданством должно было немало способствовать ее политической ориентации в той борьбе за власть, которая происходила на Боспоре в конце III - начале IV вв.

Двор был построен по образцу восточных и греко-восточных монархий. Еще в IV в. его вес и значение в государстве, основные придворные должности и сама структура militia palatina, сложившиеся в несколько более ранние времена, сохранялись. Понятие «царский дворец», «царский двор», по всей видимости обозначались на Боспоре словом πυλη (πυλαι) [КБН, комм. к надп.36].

Дворцовую службу возглавлял управляющий царским двором (o epi ths aules) [КБН 49, 78, 98, 987]. Эта должность была очень почетной. Нередко управляющие царским двором были жрецами и возглавляли синоды [КБН 1055]. Среди других должностей: хранители дворцовой казны (o peri aulen gazofulax) [КБН 45, 49], царский постельник (krabatarios) [КБН 709, 711], главный постельничий (arhikoitoneites) [КБН 1243], управляющий конюшней (o epi tou ippwnosi) [КБН 942]. Царский дворец обслуживали, видимо, рабы-евнухи во главе с начальником евнухов (o epi ton eunouhon) [КБН 301]. **[77]** Многочисленная придворная знать, окружавшая царя, составляла группу aristopuleitai [КБН 36]. В надписи о победе царя Тейрана упомянуто более сотни имен и десятки наименований должностей самых уважаемых людей государства. Многие из них носят звание «бывший...». Видимо, они были отстранены от власти во время «готской смуты», так как их количество представляется большим, нежели должно было быть регулярное количество «отставников».

Вообще, количество лиц, так или иначе причастных к дворцовой службе в столице, было весьма значительным. По подсчетам В.Д. Блаватского двор и магистраты с их семьями и слугами составляли к концу III в. до 1/10 части населения Пантикапея [100, с. 212].

Одно из важнейших должностных лиц Боспорского царства - o epi tes basileias . Функции его определяются специалистами по-разному. В.В. Латышев считал, что это – «наместник царской области», т.е. европейской части Боспора. С.А. Жебелев видел в нем правителя царской резиденции, т.е. Пантикапея как царского города [194, с.210]. Еще в двух надписях к этой должности добавляется слово protos (главный). Следовательно, у «наместника царства» были помощники. А.И. Болтунова считает, что это были должностные лица, которые могли проживать в различных городах царства, а их функции заключались в управлении «царской землей», доходы с которой составляли личную собственность царя [КБН, комм. к надп.58]. В.Ф. Гайдукевич [КБН, комм. к надп.1120] полагает, что это были наиболее приближенные к царю лица, пользовавшиеся его особым доверием, исполнители особо важных поручений, которые не имели определенных функций, а направлялись по стране с различными ответственными поручениями. Более правильным будет, видимо, не привязывать должность «наместника царства» к конкретной территории, а рассматривать его как высший государственный пост типа первого министра или везира. За это говорят многие факты. «Наместник» мог возглавлять фиасы в других городах царства (КБН 1134), ставить статуи царю в различных городах (КБН 1120), наконец, бывший «наместник царства» М. Аврелий Андроник удостаивается чести иметь стелу от архонтов

Агриппии и Кесарии (КБН 1051), причем деятельность этого наместника, вероятно, касалась всего государства [341, с.183]. За то, что это была очень важная и почетная должность, говорит и тот факт, что один из наместников и хилиарх Аврелий Родон был «известен Августам» и даже получил звание римского всадника (КБН 58).

Должность «наместника царства» имеет очень высокую титулатуру, не имеющую себе аналогий во всем мире эллинизма. Все без исключения носители этой должности получают римское гражданство, и даже всадничество непосредственно от римского императора [400, 1990/1, с. 177]. Носитель этой должности, по мнению М.И. Ростовцева, «выдвигается как агент римской власти наряду с царем» [400, 1990/1, с.178], т.е. «наместник царства», возможно, был навязан Боспору империей. **[78]** Назначались они, скорее всего, из боспорян, по соглашению с боспорскими царями и оставались в должности сравнительно короткое время, быть может, заранее определенное. Если принять эту версию, становится понятно, почему их функции не были определены, могли совмещаться с другими высшими должностями и играли видную роль в истории Боспора, прежде всего военной. Тем не менее, характерно, что одновременно несколько человек могли отправлять эту должность в разных местах. Это указывает на конкретную сферу выполняемых обязанностей. Поэтому, видимо, среди всего спектра мнений наиболее близкой к истине надо признать гипотезу А.И. Болтуновой, к которой присоединился Д.Б. Шелов [500, с.263], о том, что «наместник царства» - управляющий «царской землей».

Несомненное сокращение и деградация госаппарата к началу V в. привели к тому, что в надписи царя Диуптуна (КБН 67) кроме имени царя упомянуты лишь две важнейшие должности: эпарх и комес. Эпарх - должность, известная в Византии: главный судья в Константинополе, ведавший также вопросами снабжения города, его безопасности, благоустройства, организации внутригородской и внешней торговли, проведения празднеств, церемоний и т.д. [304, с.124-125, 135, 138, 140, 147]. Применительно к Боспору функции эпарха определить не удается, но все, чем он занимался в империи, может быть распространено и на Боспор. Более того, в условиях сокращения населения, охваченного сферой действия государственных институтов, многие функции управления могли объединяться в одних руках. В таком случае логично предположить, что чин эпарха в какой-то степени стал преемником должности «наместника царства», занимавшегося как административным, так и военным руководством. Такими же различными и значительными могли быть и функции комеса.

В.Д. Блаватский считает, что комесом мог быть как боспорский чиновник, так и византийский магистрат, по поручению императора решавший вопросы укрепления обороноспособности Боспора [104, с.255]. В Восточной Римской империи с конца IV в. не было должности собственно комеса. Была целая дифференцированная система: комес личного имущества императора (I пол. IV в.), комес военных дел (командующий частями регулярной армии в отдельной провинции), комес - главный казначей, комес-военачальник, ве-

давший главными императорскими конюшнями, комес - заведующий сбором доходов с государственных и частных имуществ и их эксплуатацией. Таким образом, главные функции комеса в ранней Византии - военные и фискальные. Таковыми же они могли быть и на Боспоре. Однако, византийский комес был слишком важной должностью в империи, чтобы быть назначенным на Боспор. Подобного прецедента не знают синхронные государства на периферии империи. Лишь раз император послал на Боспор комита Иоанна, но перед ним была поставлена важная стратегическая задача – аннексия Боспора (533 г.) [271, с.8]. **[79]** Тем более вряд ли византийский комес мог иметь варварское имя Опадин. Поэтому более правдоподобно будет предположить, что комес царя Диуптуна был местным боспорским магистратом. Действительно, пока невозможно подтвердить источниками византийское присутствие на Боспоре в какой-либо форме в течение V века.

Царь Диуптун, как и его предшественники, имеет двор. Среди придворных чинов есть некий «первенствующий», а также pinakidos, которым является по совместительству комес. Заведывание канцелярией также указывает на местный характер должности комеса. Особенностью в титулатуре царя Диуптуна является только постановка эпитета eusebes на первом месте, тогда как в надписях царей предшествующего времени он является всегда на третьем. По мнению Кулаковского это было следствием того, что Диуптун был христианином [270, с.25].

Из других общебоспорских институтов важнейшее значение имели финансовые должности. В надписи царя Тейрана «начальник отчетной части» стоит среди главных магистратов. Известна также должность служащего приходной канцелярии (просодик эпистолографов) [348, с.192, КБН 1247]. Такие служащие, очевидно, являлись членами коллегии, ведавшей доходами государства. Видимо, поступления податей с «царской земли» еще в догуннский период составляли основной источник государственных доходов. Должно было существовать финансовое ведомство со штатом чиновников, главной функцией которого было обеспечение регулярного поступления доходов.

При существовавшей на Боспоре налоговой системе большинство населения было обложено податями. Цари могли освобождать некоторых лиц, в основном из аристократии, от уплаты налогов по своему усмотрению (КБН 1050). Некоторые подати, в частности, связанные с ввозом и вывозом, могли сдаваться на откуп (КБН 1134).

Специально для этого назначались особые чиновники (eukuklion oikonomai). Финансовое ведомство, видимо, продолжало свое существование и после прекращения чеканки монеты.

«Начальник отчетной части» (o epi ten logen) не занимал свой пост пожизненно, как и все остальные боспорские государственные должности. Миннз [574, с.612] и Гайдукевич [139, с.344] считают, что это был «министр финансов», своего рода аналогия римского a rationibus. Общегосударственная казна носила название basilikon tamieton (КБН 1095) [194, с.155].

По судебному ведомству источников почти нет. Вероятно, продолжал существовать царский суд, и в городах были судебные магистраты. Лишь для III в. зафиксирована должность исполнителя судебных решений (КБН 731).

Среди других государственных должностей необходимо отметить наличие должности главного аланского переводчика (КБН 1053: I пол.III в.). **[80]** Скорее всего, должен был существовать целый штат таких переводчиков. Это, помимо всего прочего, указывает на то, что варваризация Боспора была не такой глубокой, как это представлялось до недавнего времени. Близкородственные ираноязычные племена издавна жили на Боспоре, но их язык, видимо, не понимали значительные массы боспорян.

В государственной канцелярии состоял целый ряд секретарей: главный секретарь (arhigrammateus), «начальник табличек» (pinakidos), возможно, это был личный царский секретарь), секретари (грамматевсы), т.е. государственные писцы. Наконец, известна и должность начальника гос. канцелярии или архива (afegesamenos tou grammateiou) (КБН 1000). Каким образом осуществлялась профессиональная подготовка чиновников, мы не знаем. Может быть, существовали какие-либо учебные заведения, руководимые государственными магистратами [289, с.118]. В V в. главным видом учебных заведений должны были стать церковные, но там готовились кадры для нужд самой церкви.

Итак, центральный правительственный аппарат Боспора позднеантичного времени в основных своих чертах не отличался от того, что сложился в предшествующее время. Лишь в V в. происходят необратимые изменения, подробности которых мы не знаем. Скудный объем источников не позволяет проанализировать подробнее функции и механизм работы госаппарата, но все же дает поучительную и оригинальную картину, параллели к которой могли бы нам дать, пожалуй, только административные системы Парфии и Армении [400, 1990/1, с. 175].

Перед нами - система чиновничества, построенная всецело по позднеэллинистическому образцу, т.е. коренящаяся в своей основе в организации персидского двора [400, 1990/1, с.176]. Эта система известна нам при дворах Птолемеев, Селевкидов, а в более позднее время в Понтийском царстве Митридата [«административная система Понта была централизованной бюрократией эллинистического типа»: 573, с. 154], в Парфии, в Армении, в Коммагене и т.д. М.И. Ростовцев считал, что двор царя, его гвардия и, может быть, пажи составляли один сакрально-военный коллегий, посвященный верховным богам государства [400, 1990/1, с.176]. Поэтому не случайно среди названных чиновников выделяются главным образом военные должности. Характерно, что все должности срочны; это - яркая позднеантичная черта. Интересно также, что все общегосударственные должности обозначаются формулой o epi [361, с.193].

Расширенный состав кадров канцелярских работников, иерархия должностей внутри этой группы являются показателем зрелости госаппарата. III век был вершиной его развития (включая конец этого столетия). В IV в. уже

активно идут процессы, приведшие в V в. к постепенному отмиранию как многих функций госаппарата, так и самого государства. **[81]**

Таким образом, известная ориентализация политической системы Боспора привела к тому, что в некоторых отношениях она приобрела черты, свойственные позднеантичной государственности вообще, несколько ранее, чем в империи. Так, значительная бюрократизация Боспора достигла своего пика в III в. Особая роль двора и дворцовой службы проявилась в тенденции к их некоторой сакрализации.

Этому, правда, мешали реализоваться в полной мере античные традиции выборности и сменяемости магистратур. Позднеантичные (в конечном счете близкие восточным) принципы отделения государственной и военной служб от гражданского общества также были несколько предвосхищены в Боспорском царстве. Если военные силы боспорско-сарматской аристократии вместе с их «дружинниками» всегда были особой военной структурой, мало связанной с гражданским ополчением, то дворцовая служба выделилась из гражданского общества позднее, и этот процесс не был окончательно завершен (срочный характер должностей). В итоге мы видим на Боспоре уже в III в. три вида государственной службы: военную, собственно государственную и дворцовую, которые были характерны для поздней античности вообще [282, с.41].

По всей видимости, на протяжении по крайней мере IV в. государственные должности должны были занимать нехристиане, ибо исполнение общественных должностей (официальных) было почти несовместимо с верностью крещальным обетам. Поэтому в империи даже члены христианских семей становились катехуменами, но откладывали крещение до старости, чтобы не отказываться от общественных должностей [369, с.12]. Боспорские чиновники, видимо, предпочитали оставаться нехристианами по крайней мере до начала V в.

С начала II в. н.э. по данным эпиграфики прослеживается целенаправленная организаторская деятельность боспорских правителей по административному упорядочению своей страны [505, с.58]. Сформировавшееся тогда административно-территориальное деление Боспора в принципе сохранялось в прежнем виде и после готских походов, кроме утраченных округов Горгиппии и Танаиса. В соответствии с географическими особенностями на азиатской стороне Боспора мы видим несколько округов соответственно числу крупных островов. На европейской стороне особый статус приграничного округа имеет только Феодосия, которой управляет отдельный наместник.

Одним из высших магистратов Боспорского царства был o epi tes nesos – «начальник Острова». Специалисты однозначно понимают под Островом центральный остров Таманского архипелага с Фанагорией и Кепами. Резиденцией «начальника Острова» была, без сомнения, Фанагория. В двух надписях III в. (КБН 36, 1248) встречается должность «начальника аспургиан». В одной из них не упомянут «начальник Острова», зато «начальник аспургиан» в списке аристопилитов следует сразу за «наместником царства». В.Ф. Гайдукевич предположил, что в конце III в. Остров и область аспургиан были

объединены в административном отношении. **[82]** Так как областью аспургиан была Синдика [534, с.55; 414, с.76], то, видимо к концу III в. ее роль возросла в военно-политическом отношении, что и вызвало соединение двух административных единиц. Скорее всего, аспургиане конца III в. располагались в западной части острова Синдика. Характерно, что из 45 известных на острове позднеантичных поселений этого времени лишь три, находившиеся в восточной части, имели укрепления [367, с.70, рис.1] (на западе - только Гермонасса). Надписи подчеркивают прежде всего военный характер должности «начальника аспургиан», что позволяет предположить стремление центральной власти укрепить западную часть Синдики силами военных поселенцев.

Власть царских наместников распространялась прежде всего на ge basilike каждого округа. Муниципальная же земля (ge politike) находилась в их ведении лишь опосредованно.

Округ Северного острова постепенно утрачивал свое исключительное стратегическое значение, какое он имел в первые века н.э. [439, с.115], но здесь продолжала поддерживаться система первоклассных крепостей во главе с Ильичевской. На юго-восточных окраинах Боспора должность наместника Горгиппии исчезает вместе с городом.

В Танаисе после восстановления города в конце IV в., вероятно, были возобновлены в каких-либо формах органы прежнего самоуправления эллинов и танаитов. В каких отношениях с Боспорским царством находился город в то время, сказать трудно. Скорее всего, непосредственно в состав государства он уже не входил, т.е. здесь теперь не было царского резидента - пресбевта, но какая-то номинальная форма политических связей должна была оставаться. Большее значение в тот период играли связи экономические [Д.Б. Шелов предостерегает от абсолютизации этих связей и их роли: 500, с. 312]. Само население города, всегда составлявшее с прилегавшими к нему землями единый организм [505, с.57], в то время должно было заботиться прежде всего о своем хозяйственном положении, не очень задумываясь над политическим статусом города.

К концу III в. возрастает значение Феодосии. Отсутствие источников не позволяет в полной мере представить истинное место этого города в истории позднего Боспора. Но можно отметить, что Феодосия процветала в начале IV в. (КБН 64) и управлялась особым наместником, т.е. составляла отдельный административный округ. Стратегическое значение города ярко проявилось в период боспорско-херсонесских войн в конце III в. В это время город был отторгнут от Боспора и некоторое время управлялся римско-херсонесским чиновником. Видимо, после этого Феодосия так и не вернулась в состав Боспора, а была захвачена аланами.

Насколько соответствовала эллинистическим традициям реальная сумма власти боспорского царя над подчиненными ему территориями, не вполне ясно. Но организация местного управления, как и организация **[83]** войска, которые не были унифицированными, говорят за то, что царю приходилось считаться с аристократией сарматского происхождения, с городами и главным образом с городской аристократией землевладельцев и купцов-экспорте-

ров. По отношению к их правам царю приходилось быть особенно осторожным, если он хотел обеспечить себе их содействие в деле управления государством, и особенно в деле его защиты [400, 1989/4, с.182].

Такое положение царя по отношению к городской аристократии создалось еще в первые века н.э. не без содействия римлян, которые, по мнению М.И. Ростовцева, видели в этом не только залог прочности клиентского государства, но и гарантию против великодержавных устремлений боспорских царей. В общем, это была та же политика, которую императоры вели и в провинциях, поддерживая городскую аристократию и давая ей через провинциальные собрания возможность контроля над правителями провинций [400, 1989/4, с.182-183]. Конкретные взаимоотношения городов и администрации на позднем Боспоре не изучены.

Итак, административно-территориальное деление имело прежде всего две функции: военно-стратегическую и налогово-фискальную. Вторая имела большее значение для внутренней жизни государства, первая - для внешней. С конца IV в. можно говорить о том, что административное деление в прежнем своем виде перестает функционировать.

Организация сельских территорий была простой. Муниципальная хора находилась под контролем городского коллектива, а «царская земля» каждого округа находилась в ведении царского наместника округа. Города должны были управлять деревнями с помощью специально назначенных лиц. В Малой Азии таковыми были parafulakes, выполнявшие финансовые, а иногда и полицейские функции [162, с.148]. Мы не имеем прямых сведений об общинах на Боспоре в III-V вв., но, судя по аналогиям из Малой Азии, общины, подчиненные городам, должны были несколько отличаться от общин на «царской земле». Видимо, формы их организации были схожи с комами и катойкиями. Общины типа катойкий должны были чаще встречаться на «царских землях» [162, с.135]. Социальные отношения в последних должны были быть более устойчивыми, так как чужаки обычно предпочитали селиться на городских землях [162, с.98].

«Царские земли» постепенно попадали в руки знатных боспорских родов, вводивших на них «поместную администрацию». М.И. Ростовцев полагал, что этот процесс начал происходить еще со II в. н.э., и усматривал в нем проявление «феодализации» Боспора, синхронно со сходными процессами в Закавказье. Позднейшие исследования отнеслись к этой концепции весьма сдержанно. Видимо, будет правильно считать, что крупное землевладение отдельных знатных родов имело место уже в первые века н.э., но находилось тогда под контролем царской власти. В условиях ослабления государства и его институтов со 2-й половины IV в. **[84]** начинается процесс закрепления данных земель за их владельцами. Такое предположение позволит примирить спорные точки зрения. Интересно также отметить, что Е.С. Голубцова признает несомненным факт наличия частных земельных владений в различных областях римской Малой Азии [162, с.75]. Интересно также сравнить в целом административную структуру Боспора и Понта [418].

Боспорский царь проявлял особую заботу о военных структурах, ибо еще в III - I пол. IV вв. войско было одной из главных социальных опор государства. Армия любого эллинистического государства не была органически связана с остальными государственными структурами, а являлась самостоятельным организмом. В силу этого царь рассматривался прежде всего как глава войска, руководивший им лично [245, с.214]. Эта традиция соблюдалась на Боспоре и в первые века н.э. [174, с.74], и в эпоху поздней античности (Тейран, Фофорс).

Нам известно несколько военных должностей позднего Боспора: хилиарх, лохаг, стратег, наварх. Хилиарх - тысяченачальник, высшая военная должность. Нередко она могла совмещаться с важнейшими гражданскими магистратами, а это косвенным образом свидетельствует о том, что гражданская и военная служба на Боспоре в IV в. не были столь жестко отделены друг от друга, как в Римской империи.

Лохаг - звание рангом ниже хилиарха. Вряд ли это был простой командир отряда в 100 воинов. В надписи Тейрана (КБН 36) титул лохага упоминается в окружении самых важных государственных и придворных должностей. А.И. Болтунова считает, что лохаг был не общебоспорским, а городским магистратом, так как он упоминается в надписях всех значительных городов Боспорского царства. Например, Агафус (КБН 1000) на вершине своей карьеры был лохагом Фанагории. Ограниченность источников, однако, не позволяет уточнить функции и характер деятельности лохага [348, с.193].

Типично военной является должность стратега. Но по поводу определения его функций на позднем Боспоре у специалистов нет единого мнения. В.Ф. Гайдукевич и В.Д. Блаватский [100, с.148] считают, что стратег - звание полководца царского войска. С.А. Жебелев [194, с.211] предполагает, что это могла быть и гражданская магистратура. К.М. Колобова [234, с.68] утверждает, что стратег - городская, а не царская должность, так как в списках аристопилитов ее нет. Кроме того, в двух надписях (КБН 1237, 1256) упоминается стратег граждан, скорее всего - предводитель гражданского ополчения [348, с.193] (может быть, и наемного войска, нанятого городом).

Из военных командных должностей известен также наварх (КБН 30, 33). Боспорский флот в первые века н.э. был, скорее всего, небольшим, поэтому наварх, скорее всего, был один, а флот не имел подразделений на более мелкие единицы. Торговые корабли, принадлежавшие городам, существовали еще в III в. (фиас навклеров в Горгиппии). Готские рейды, видимо, подорвали базу боспорского государственного флота, и в дальнейшем он должен был существовать в минимальных размерах. **[85]**

Каждый населенный пункт государства имел определенный статус и свой характер взаимоотношений с центральной властью. Соответственно этому каждый из них занимал свое место в военной структуре. Помимо больших городов, обнесенных стенами, на Боспоре существовала категория средних и небольших городов - центров своей сельской округи. Они начали укрепляться уже с I в. н.э. В эпоху поздней античности они представляли собой крепо-

сти, куда могло укрываться окрестное население в случае необходимости (Китей, Киммерик, Патрэй и т.д.).

Помимо городов в состав царства входили государственные крепости, которые основывались на царской земле по приказу царя и представляли собой военно-земледельческие поселения. Кроме сравнительно крупных крепостей типа Илурата, Ильичевки и т.п. были и просто укрепленные катойкии, основным районом сосредоточения которых были Крымское Приазовье и Киммерида. Крепости возникали сначала для прикрытия крупных городов, а потом стали играть самостоятельную стратегическую роль, связывая отдельные районы. Вокруг крепостей формировались целые укрепрайоны. При этом выдерживался принцип «зрительной связи» (расстояние между соседними пунктами - от 2, 5 до 10 км) [254 , с. 7-8] и существовала система световой сигнализации. При-мером укрепленного района может служить остров Киммерида, где стихийно сложившаяся система поселений с их коммуникациями была подкреплена сетью оборонительных сооружений - крепостей и валов, связанных прямой видимостью [131, с.138]. Катойкии были также хозяйственными центрами округи: к ним тяготели деревни, сюда часто наезжали местные купцы [255 , с. 28-29].

Сельские поселения Боспора уже в первые века н.э. представляли собой продуманную систему административного подчинения и военной организации. Звеньями этой системы были: - сторожевые посты, сигнальные башни, маяки, - укрепленные дома башенного типа, маленькие крепости, резиденции начальников небольших округов и отрядов, - более крупные поселения площадью от 0, 05 до 0, 15 га: крепости с гарнизонами и членами их семей на важных дорогах, центры отдельных массивов «царских земель» [326, с.77]. Поселения европейской части были объединены не только сигнально-зрительной связью, но и важнейшими дорогами и образовывали своего рода линии, пояса обороны вокруг столицы, проходившие как по степи, так и по побережью [326, с.77]. В эту оборонительную систему должны были войти усадьбы крупных землевладельцев. Катойкии, появившиеся на «царской земле», не имели всей полноты прав собственности на землю, а лишь право пользования, хотя со временем второе могло переходить в первое [327, с.44]. Такой вид и характер приобрела к IV-V вв. боспорская «государственная» армия (если не считать местных сил самообороны). Эта армия (т.е. гарнизоны крепостей и катойкий) была в эпоху поздней античности одной из главных опор государства [71, с.15]. **[86]** Цари должны были также иметь корпус наемных солдат для личной охраны. По мнению М.И. Ростовцева, командир царской гвардии при боспорском дворе мог носить чин хилиарха [400, 1990/1, с.178]. От царя непосредственно зависело назначение военной бюрократии на должности и продвижение по службе.

Среди низших командных должностей известны: принкипс (КБН 35, 666, 744, 811) - начальник отряда [104, с.224], тагматарх (КБН 1213) - возможно, также командир небольшого отряда [50, с.75-76].

Главным противником, с которым приходилось иметь дело боспорским правителям, была конница кочевников [327, с.44]. Поэтому главной тактикой

боспорян была оборона крепостей и земель, находившихся под их защитой. Главным родом войск в крепостях и в катойкиях были легкие пехотинцы. При защите крепостей главным оружием становятся лук, праща, метательные копья и дротики, использовавшиеся как раз легкой пехотой.

В полевой службе главную роль в специфических условиях Восточного Крыма при столкновениях с кочевниками играли такие виды деятельности как несение дозоров, боевое охранение, разведка и засады. То есть, опять-таки, при отсутствии достаточного количества кавалерии ведущую роль играла легкая пехота [327, с.44]. Ее значение для военной организации Боспора подчеркивал еще В.Д. Блаватский [95, с.146-147].

Борьба с кочевниками в силу их военной тактики и постоянных вторжений требует постоянного напряжения и немалых усилий. Поэтому боспорские правители, уже не имея возможности содержать постоянные гарнизоны, наделяли своих военных поселенцев небольшими наделами. Такие участки не отнимали слишком много времени на хозяйство и позволяли сосредотачивать внимание на воинской службе, в то же время изрядно ее подпитывая. Экономические выгоды для государства при такой системе очевидны [327, с.44]. В этническом плане воины-поселенцы были скорее всего неоднородны.

В значительной степени они были негреческого происхождения, но в достаточной мере эллинизированы [327, с.44]. Языком боспорской армии был греческий. При относительно небольшом достатке эта категория населения была лично свободной, относительно социально однородной и время от времени пополнялась новыми, зачастую иноэтничными группами. В среде этих людей господствовали античные традиции, что также влияло на длительное сохранение позднеантичной цивилизации на Боспоре.

Кроме легкой пехоты на Боспоре несколько столетий существовала тяжелая конница. Представление о боспорском воине-всаднике V - начала VI вв. дает небольшая коллекция предметов вооружения из Ильичевской крепости [349, с.183-188]. Возможно, часть катафрактариев несла службу в крепостях, но большая их часть должна была составлять «дружины» боспорской землевладельческой аристократии (в некотором роде - аналог презентальных армий магнатов на Западе). На это указывал еще М.И. Ростовцев. **[87]**

Единственной достаточно протяженной сухопутной границей Боспора была западная граница от мыса Казантип до Феодосии. Еще до прихода готов сохранялась регулярная, хорошо продуманная и оснащенная пограничная линия. После ее разрыва оборона сельской территории европейского Боспора начинает приобретать очаговый, локальный характер. Окончательно он сформировывается в V в. К этому времени относится постройка новых стен и башен в ряде мест Крымского Приазовья (Салачик, бухта Золотое-Восточное) [330, с.23-24].

Понятие границ Боспорского государства оказывается окончательно размытым со 2-й пол. V в. Так как утигуры располагались на зимовки в Прикубанье, а Крым был местом их сезонных выпасов, то ежегодно они совершали перекочевки через территорию Боспора. Локальные укрепленные районы должны были теперь обеспечивать безопасность близлежащего населения на

время перекочевок. Утигуры же защищали Боспор в целом от притязаний других кочевников.

Даже в V веке боспорская армия сохраняла элементы правильной организации. Так, в керченском склепе 145/1904 г. (конец IV - начало V вв.) были найдены шарики-бусины с продевавшимися через них золотыми гвоздиками с перегородчатой инкрустацией на шляпках. По мнению Л.А. Мацулевича, здесь имело место захоронение крупного военачальника, а шарики были остатками знамени отдельного, не византийского, а скорее всего боспорского, отряда, имевшего свой bandon (vexillum) [335, с.199] в виде птицы подобно римскому орлу на древке (шарики были припаяны вдоль спины статуэтки птицы) [335, с.196-197]. Отрядом, который мог иметь такой знак, мог быть отряд царской гвардии.

Наконец, в войске позднеантичного Боспора могли состоять наемные отряды конницы [328, с.146], привлекаемые из соседних племен (не позднее IV в.).

Основную часть населения Боспора традиционно составляли жители городов. В первые века н.э. гражданство Боспора еще является в огромной массе вооруженным гражданством, большой вооруженной дружиной [400, 1989/4, с.128]. На это указывает анализ боспорских стел и изображений военного характера в расписных погребальных камерах, а также преобладание среди надгробных стел с рельефами таких, где погребенные изображены вооруженными. Конный вооруженный воин часто представлен в сопровождении своего оруженосца (opado(). Быть может, имя комита Опадина из надписи царя Диуптуна происходит от этого наименования военного слуги. Состав, характер вооружения, характер боевых сцен подчеркивают, что данная категория восходила к сарматской аристократии. М.И. Ростовцев делил население городов Боспора первых веков н.э. на две категории. Первая – «вооруженное гражданство», отделенное от остального населения и группирующееся в особых коллегиях военно-сакрального характера (фиасах). **[88]** Это - ядро государственного войска, являющееся на призыв как тяжеловооруженная конница («рыцарское всадничество»). Эту категорию составляли жившие в городах знатные роды сарматского происхождения, в значительной степени эллинизировавшиеся. Одновременно они становились крупными землевладельцами, получая земли от государства за свою службу. Этот тезис Ростовцева общепринят, хотя археологи и сейчас не уверены в существовании «поместий» знати.

Близкими к ним по общественному положению были просто «гражданские» купцы, имевшие в своих руках морские силы. Далее шла основная масса горожан греческого происхождения, среди которых не было особенно крупных землевладельцев.

Для интересующего нас более позднего периода после готских походов мы можем принять ту же схему с некоторыми оговорками.

Термин «гражданство» можно понимать неоднозначно. М.И. Ростовцев вкладывал в него свой взгляд на социальную структуру Боспора, имея в виду лишь тяжелую конницу боспорско-сарматской знати. На наш взгляд, эту ка-

тегорию нужно дополнить категорией «гражданства городов» как «второго сословия». Как и в поздней Римской империи, на Боспоре должны были существовать точные списки граждан городов, обладавших определенными правами и обязанностями на территории данного муниципия. Наконец, «третье сословие» населения составляли собственно «подданные» боспорского царя жители «царских земель», пелаты и свободные. На сельских территориях городов также имелось сельское трудящееся население, но оно в большей степени зависело от своих городов, нежели непосредственно от царя.

Таким образом, мы имеем следующую общую схему социальной структуры Боспора позднеантичного времени: 1) знатные роды сарматского происхождения, жившие в городах, но имевшие укрепленные усадьбы на «царской земле», несшие службу в качестве тяжеловооруженной конницы. «Вооруженное гражданство» предполагает его обеспеченность в материальном отношении, возможную только при том условии, что работа по обеспечению продовольствием лежала не на самом гражданстве, а на подвластном ему классе населения [400, 1989/4, с.129]. В среде этого «сословия» было два разряда - высший и низший. Первый составляли старейшины родов и их ближайшие родственники, второй - более многочисленные «дружинники»-катафрактарии [первой группе условно соответствуют армянские нахарары и грузинские эриставы, второй востаники и тадзреулы: 175, с. 19].

2) Большинство населения городов, стоявшее вне пределов «воору-женного гражданства» [400, 1989/4, с.132], во главе с купечеством, объединенным в корпорации. Вся эта масса мастеров, ремесленников, мелких торговцев, грузчиков, гребцов составляла, по всей видимости, гражданское ополчение во главе со своими стратегами. **[89]**

3) Основное трудящееся сельское население - пелаты и свободные держатели. Первые восходили к туземному населению, вторые - к греческому.

Итак, данная структура, установимая только в самых общих чертах, по своей сути должна была быть аристократической, сходной со структурой греческого города-государства раннего периода или кельтских и фракийских государственных образований [400, 1989/4, с.129]. Эта социальная структура в общих чертах сохраняется вплоть до VI века. Пантикапейский некрополь IV-V вв. дает отличную картину богатых погребений знатных родов в семейных склепах, использовавшихся на протяжении десятилетий [203, с.101]. Постройка такого склепа была делом трудоемким и по затратам труда была сравнима с постройкой крупного жилого дома.

Можно проследить определенную связь между социальным статусом погребенного и типом погребения, что также подтверждает нашу схему.

Жизнь и быт городской верхушки Боспора недостаточно известны. Весьма вероятно, что высшая боспорская знать участвовала в походах племен гуннского союза в I пол. V в. и уж, во всяком случае, переняла моду на полихромные ювелирные украшения, сложившуюся в центре гуннской державы [56, с.72]. Интересно, что вкусы, сложившиеся в начале V в., оказались такими устойчивыми, что существовали более двух веков: роскошный поясной набор, хранящийся в Эрмитаже, считается найденным в Керчи и показы-

вает, что высшая керченская знать и в VII в. пользовалась такими же прекрасными дорогими украшениями, как и степные князья, погребенные в Перещепине, Глодосах или Келегейском хуторе [56, с.84].

Далеко не такой скромной, как это представлялось ранее, была жизнь и рядового зажиточного населения Боспора. Их вещи - фибулы и пряжки из дешевого низкопробного серебра, поясные наборы из тонких серебряных бляшек, изредка - золото [56, с.84].

Обилие золотых и позолоченных украшений полихромного стиля на Боспоре позднеантичного времени говорит не о процветании Боспора, а лишь об укреплении правящего слоя [56, с.85]. В V в. связи с Подунавьем были особенностью аристократического быта боспорян, стремлением подражать правящей верхушке гуннского союза [56, с.86]. Й. Вернер даже считал город Боспор «центром гуннского господства в I пол. V в.» [591, с.86]. Конечно, роль Боспора в системе гуннских владений здесь преувеличена, но тесные связи боспорской верхушки с гуннами - факт неоспоримый. Другой неоспоримый факт - обогащение боспорской знати, а не разорение страны в гуннское время.

Проблема сохранения полисных элементов (или - более осторожно - элементов самоуправления) в структуре позднего Боспорского царства сложна по причине недостатка источников. Но при любом анализе материала нужно исходить из одного принципиального положения: до самого **[90]** конца своего существования античность базировалась на самоуправляющейся муниципальной организации, подчиненной монарху [246, с.287]. Интересно отметить, что на Боспоре изначально правами полиса обладали далеко не все города, а лишь Пантикапей, Нимфей, Фанагория, Гермонасса и Кепы [126, с.79-84], позднее - Китей [в сезоне 1994 г. на IV раскопе найдено клеймо городского чиновника Сатириона, сына Поликсенида на водомерном сосуде в помещении IV в. до н.э. с водозаборной цистерной]. Остальные города и их местное самоуправление возникли в результате внутренней колонизации, проводившейся боспорскими царями [194, с.122].

В.Д. Блаватский [104, с.247], В.Ф. Гайдукевич [139, с.340], С.А. Жебелев [442, с.144] поддерживали тезис о полисной организации внутренней жизни боспорских городов в рамках монархии. Для I-III вв. н.э. мы имеем немало свидетельств, подтверждающих данный тезис. Прежде всего это ряд надписей с упоминанием «совета и народа» (КБН 979, 982, 983, 942, 1118), демос упоминается и в ряде надгробных эпитафий (КБН 138, 140 и др.). Иранские традиции митридатизма не способствовали широкому развитию полисных элементов в структуре Боспорского царства первых веков н.э. Но, тем не менее, во времена преемников Митридата действовал «закон Евпатора о наследовании», расширявший права греческих полисов в юридической сфере, давая гражданским коллективам право наследовать имущество умерших сограждан при отсутствии прямых наследников [416, с.196], как это следует из рескрипта царя Аспурга 16 г. н.э. [92, с.197], что давало гражданам города возможность получать больше прав контролировать свою хору и доходы с нее.

По всей видимости, в римское время можно предположить некоторое оживление полисных черт в жизни боспорских городов в связи с общим для античной средиземноморской цивилизации процессом некоторой унификации социальной организации территорий, входивших в орбиту Pax Romana («эллинистицизм» в восточных провинциях или постэллинизм). Для Боспора мы имеем один, но яркий пример возникновения муниципальной организации. Танаис за первые три столетия своего существования не имел никаких элементов самоуправления [499, с.180-181], а затем они появляются.

В римское время города Боспора обладали весьма широкими правами. Так, Фанагория сохраняла право прямых дипломатических сношений с Римом [234, с.65]. Точные сведения о наличии булэ для конца II - начала III вв. мы имеем для Фанагории (КБН 982), Гермонассы (КБН 1100), Горгиппии [108, с. 48, надпись 3]. Возможно, что помимо Танаиса в это время и другие города имели самоуправление не только для греков, но и для туземного населения [234, с.67].

Эволюция античного города и античных форм собственности в пределах античной цивилизации вела к постепенному разложению городского гражданства [518, с.10]. Изменялись формы интеграции индивидов в различные коллективы, менялся характер их связи с государством. **[91]**

Так, сарматская аристократия на Боспоре по отношению к городам представляла собой аналогию римских incolae групп лиц, которые владели землей на городской территории (помимо «царской»), не будучи гражданами города. К incolae могли принадлежать также атрибуированные городу племена, владевшие землей на городской территории, но не имевшие городского гражданства [518, с.9-10].

С ростом числа проживающих в городе неграждан возрастает и роль их организаций - культовых, профессиональных (особенно военных и торговых), земляческих, непосредственно с городом не связанных и живущих своими интересами [518, с.11]. Типичный пример - боспорские фиасы. Со временем такой же замкнутый характер приобретают ремесленные коллегии, используемые государством для своих нужд. В эпоху домината имперский город, особенно западный, постепенно превращается в конгломерат слабо связанных между собой корпораций и индивидов, подчиняющихся властям или насильно удерживаемых в рамках муниципальной организации, в которой распоряжается небольшая верхушка местной знати [518, с.12]. Надо, однако, заметить, что даже в таком виде муниципии еще существуют очень долго и поддерживаются центральной властью [282, с.30-31]. Именно через посредство города гражданин выполняет свои повинности и пользуется царскими благодеяниями.

Известно, что автаркичные сельские общины и сальтусы, слабо связанные друг с другом экономически, могут быть объединены только политической властью (если она имеет достаточно сил), что служит обычно базой «восточного деспотизма», т.е. такого политического строя, при котором «государство сильнее, чем общество» [592, с.49]. Тот факт, что на Боспоре не было подобного деспотизма, говорит не только о слабости государственной

власти, но и о хозяйственно-политическом обособлении регионов, что было двумя сторонами одного процесса.

Главное отличие античного города от деревни - его административный статус и особое правовое положение в государстве [252, с.28]. Как экономическая категория город является центром промышленного производства и обмена [257, с.17]. Античный по своему происхождению город традиционно сохранял остатки своей муниципальной организации вплоть до конца античности. Целый ряд источников свидетельствует о наличии этого феномена и на позднем Боспоре. При этом следует помнить, что речь идет о quasi-муниципальных органах, которые прекрасно уживались с царским наместником [415, с.73] и лишь дополняли гос. администрацию в ряде вопросов, о чем и говорит перечень известных нам городских должностей.

Надпись 307 г. упоминает архонтов агриппейцев и кесарейцев. Должность архонта хорошо известна как высшая магистратура греческих городов и относится к гораздо более раннему времени.

На Боспоре она, однако, отмечена и для III в. н.э. (КБН 1245). В начале IV в. упоминание архонтов, равно как и римских названий боспорских столиц, было уже анахронизмом, использованным в политических целях. **[92]** Видимо, архонтами здесь были названы политархи [104, с.248]. Этот титул упоминается также в КБН 36, 1000.

В.В. Латышев считал политарха царским наместником, утверждавшимся гражданством [292, с.127]. М.И. Ростовцев подчеркивал военный аспект этой должности - командование городским ополчением («гражданской милицией»). Достаточно убедительным кажется предположение о том, что в периоды некоторого ослабления царской власти политархи могли приобретать определенную самостоятельность, опираясь на гражданский коллектив. Вероятно, в IV в. еще действовал институт народных собраний (разумеется, формально), т.к. именно от имени «народа» производилась установка статуй, издание почетных декретов, а также санкционировались общегородские религиозные празднества и богослужения.

В ряде городов открыты остатки общественных зданий. К общественным зданиям по Институциям Юстиниана относятся: театры, ристалища, термы и т.п. здания в городах, вещи сакральные (храмы, кладбища), вещи освященные (городские стены, ворота) (Inst. Just. II, 1). В Пантикапее был открыт главный общественный район позднеантичного времени – «вторая агора» в припортовой части города. В Гермонассе А.К. Коровиной были вскрыты остатки общественного здания конца III - IV вв., возможно, пританея [239, с.167].

Важнейшим фактом является обнаружение общественного здания в Танаисе конца IV - I пол. V в., отличавшегося прочными стенами и правильной кладкой [500, с.310].

Общественными зданиями на Боспоре заведовали эпимелеты. Эта должность нередко встречается в эпиграфике. Эпимелеты назначались городскими властями эпизодически, для каждого конкретного случая. Часто они заведовали организацией общественных работ, прежде всего строитель-

ных. Иногда эпимелеты отвечали за сбор податей и порядок на хоре. В качестве эпимелетов даже в поздние времена выступали часто богатые и знатные лица (КБН 897) [348, с.193], в чем можно усмотреть пережитки института муниципальных литургий.

Из военных должностей в каждом городе, вероятно, существовала должность лохага. Она не была ни общебоспорской, ни пожизненной [107, с.125]. По-видимому, она вводилась каждый раз по мере необходимости. Стратеги в городе имели различные функции: от созыва совета и народного собрания до снабжения города продуктами и обеспечения безопасности [72, с.156]. Число стратегов в городах было неодинаковым, они выбирались гражданами на различные сроки. Военная сила городов была по сути полицейской силой для внутреннего контроля самого города и городской хоры [234, с.68].

Не зафиксированы эпиграфикой, но, весьма вероятно, существовали в боспорских городах общественные грамматевсы - профессиональные городские служащие [566, с.153], а также парафилаки, ответственные наряду с эпимелетами за подчиненные городу сельские общины. **[93]**

Косвенным указанием на существование гражданских общин на позднем Боспоре может служить упоминание демотиконов в эпиграфике этого времени (КБН 495, 1048, 1249) [252, с.31]. В качестве гражданской общины, видимо, можно рассматривать «патриду кититов» из надписи 234 г. на культовом столе [340, с.40].

Сохранение элементов самоуправления в крупных боспорских городах объясняется, по всей видимости, характером связей между царской администрацией и верхушкой городского гражданства. Главную роль при этом играли военные, экономические и политические нужды. В последнем случае цари использовали города против чрезмерных устремлений боспорско-сарматской аристократии. Последняя причина придает данным отношениям позднеантичный характер, т.к. на Востоке город не имел ни политического, ни серьезного социального значения.

Переживавшие относительный упадок боспорские города нашли поддержку также в лице церкви. Поднимая роль города как религиозного, епископального центра, церковь тем самым уже в новой, христианской форме в течение определенного времени освящала и подкрепляла своим авторитетом типично полисную идею господства города над сельской округой. Таким образом, многое в ее деятельности носило особый, позднеантичный характер и, в конечном счете, поддерживало остатки и традиции античной городской общины [284, с.126-127]. В условиях Боспора V в., а особенно «гуннского протектората» 2-й половины этого столетия, церковь выступала фактически как преемник и наследник многих функций Боспорского государства, прежде всего в сфере организации общественной жизни.

Говоря об элементах самоуправления в городах, надо помнить, что верховная власть над всей страной принадлежала царю, а магистратуры были скорее почетными должностями. Но в реальной жизни и самоуправление, и неофициальные микросообщества занимали свою социальную нишу и вы-

полняли свою социальную роль. Поэтому, осветив весьма слабо представленную источниками картину позднебоспорской государственности, мы не должны забывать, что это была лишь одна сторона жизни боспорянина той эпохи. Вторая сторона - повседневная жизнь на уровне микросообществ - почти целиком для нас темна, но помнить о ее существовании необходимо, ибо без нее картина социальной организации и социальных отношений будет неполной.

§ 3. Этническая и конфессиональная ситуация.

В конце III - IV вв. в некрополях боспорских городов в целом господствует погребальный обряд, близкий традиционному греческому [328, с.43. Общие принципы см.: 568]. Естественно, речь идет о его боспорском варианте, который сложился в предшествовавшие столетия главным образом на основе эллинских традиций и обычаев, заимствованных у соседних племен. Появление некоторых типов подбойных могил, погребения с конскими захоронениями, северная и западная ориентация отдельных костяков, некоторые предметы инвентаря свидетельствуют о проникновении в города европейского Боспора ираноязычного населения и связанного с ним культурного комплекса. **[94]** Могил, о которых можно было бы более или менее определенно сказать, что они принадлежат варварам, очень немного, причем все они, насколько это можно установить, относятся ко II-III вв. н.э. Отдельные же элементы туземного обряда присутствуют почти во всех известных некрополях. Таким образом, второй приток сарматов в города европейского Боспора становится заметным со II-III вв. и может связываться с аланами. Первый поток сарматской инфильтрации шел из Прикубанья на азиатский Боспор в I в. до н.э. - I в. н.э. [175, с.11].

По некрополям городов азиатского Боспора хорошо прослеживается волна усиления варварского влияния, пришедшаяся на 2-ю пол. III - IV вв. [328, с.61]. Эта волна в основном представляла собой передвижение части аланских племен к берегам Боспора Киммерийского и далее в Крым [328, с.62]. Приток варваров в боспорские города был обусловлен двумя основными причинами: 1) тесными экономическими и культурными контактами боспорских городов с окружавшими их варварскими племенами, 2) опасной внешнеполитической обстановкой III-IV вв. [328, с.61].

Аланы, сыгравшие столь значительную роль в истории позднего Боспора, захватили политическое господство у сираков где-то во 2-й пол. I в. н.э. Вместе с ними политический центр мира иранских племен Севера смещается в Нижнее Подонье, где возникают величественные погребально-культовые сооружения высшей аланской знати [345, с.209-210]. Там складывается доминирующий центр формирующегося политического союза. Интересно отметить факт сравнительно мирного поселения части аланов в Танаисе в 50-80-х гг. II в. Именно они, заселив компактно ряд районов города, создали политическую организацию по типу местных греков и стали называться танаитами [169, с.38-39]. Ираноязычный племенной мир концентрировался и консоли-

дировался вокруг Меотиды так же, как греческий - вокруг Эгейского моря [118, с.16]. Боспор находился в самом его центре. Аланы несколько, но все же заметно отличались от западносарматских племен по своим диалектам [562, с.61-97].

Шедшее в аланских общинах имущественное расслоение и выделение неимущего населения приводило к тому, что часть разорившихся оседала на Боспоре. Многие из них становились федератами (гарнизон крепости Илурат) [557, с.410], другие оседали в городах.

Аланское влияние в Таврике усиливается в III в. Здесь возникают города с иранскими наименованиями: Дандака (к северу от Херсонеса), Судак (основан в 212 г.) [267, с.72], позднее Ардабда (Феодосия) (Pseudo-Arrian, 77). Нет оснований усматривать какую-либо неточность в свидетельстве автора анонимного перипла V в. как в передаче аланского названия Феодосии, так и в толковании этого названия как «город семи богов». **[95]** Наименование города говорит о том, что культ семи богов занимал одно из главных мест в религии аланов [40, с.446]. Этот культ был прочной религиозной традицией скифо-сарматских племен, прослеживаемой от геродотовских скифов через аланов до осетин [40, с.450].

Сарматы, в отличие от поздних скифов, не проявляли заметной враждебности к античным государствам Северного Причерноморья [503, с.83]. Но, с другой стороны, античное влияние на сарматский мир в первые века н.э. было весьма ограниченным и выражалось главным образом в восприятии сарматами некоторых элементов материальной культуры. Здесь не возникло того разностороннего воздействия античного мира на идеологию, культуру, искусство варварского общества, которое имело место у скифов в IV в. до н.э. Так называемая сарматизация Боспора представляла собой, по существу, сложение новых этнокультурных общностей на основе тесного взаимодействия греческих и варварских культурных элементов на почве античных государств [503, с.85]. В таких условиях варвары за пределами этих государств могли лишь механически воспринять отдельные достижения античной цивилизации, главным образом в виде импортированной продукции. Соответственно, степень сарматизации Боспора до недавнего времени в литературе преувеличивалась. Примечательно, что собственно боспорские тексты не знают термина «сарматы». Это слишком общее и неопределенное название было в ходу у римских и греческих писателей и применялось, как известно, по отношению ко всему варварскому населению Северного Причерноморья в первых веках н.э.

Процессы взаимовлияния, инфильтрации, ассимиляции, синкретизма были очень распространены в первые века н.э. во всем античном мире и очень характерны для поздней Римской империи. Особо нужно подчеркнуть резко возросшую мобильность населения в северопонтийском регионе того времени в связи с начавшимся Великим переселением народов. Таким образом, аланская инфильтрация на Боспор происходила практически постоянно, начиная со II в., и не носила характера разрушительных нашествий.

Численность переселившихся в Крым готов была сравнительно невелика. Со 2-й пол. III в. небольшие их группы осели на территории европейского и юго-восточного Боспора, но на внутренний уклад жизни основной массы боспорян они не оказали серьезного влияния.

В IV в. продолжается проникновение аланов на территорию Боспорского государства [252, с.54]. О тесных связях с ними Боспора в то время свидетельствует сходство погребального инвентаря из аланских могильников Северного Кавказа с вещами из могил Госпитальной улицы в Керчи или из некрополя Фанагории [338, с.296].

О последствиях гуннского нашествия для Боспора уже говорилось. Иммиграция эпохи гуннов была последней иммиграцией аланов на Крымский полуостров, причем она довольно слабо и нечетко выражена в археологических памятниках [см., например: 81]. **[96]** До конца IV в. аланы и гунны всюду в Европе выступали вместе, и лишь с 398 г. мы начинаем видеть их в разных лагерях [231, с.107]. С 402 г. происходят стычки между аланами и гуннами, закончившиеся к 407-408 гг. расторжением алано-гуннского союза [570, с.72]. С этого времени начинается одиссея аланов на Западе [основные работы: 266, 268, 232, 82].

В V в. оседание новых аланских групп происходило как в юго-западной Таврике, так и в юго-восточном нагорье от Феодосии до Судака (как и ранее), т.е. в тех достаточно изолированных от степи районах, где аккумуляция близкородственного сарматского этноса началась задолго до прихода гуннов. На аланской основе формировались многие политические образования на юге Восточной Европы гуннского времени, хотя аланы тогда уже не представляли собой единой этнической общности [373, с.49]. Аланы присутствовали и в среде крымских гуннов [373, с.48]. И.А. Баранов предполагает, что в Южной Таврике близ византийских крепостей в V-VI вв. начинается формирование единой этнокультурной общности (будущая салтово-маяцкая культура), а военная организация аланов оказалась способной противостоять вторжению и колонизации этой зоны ранними тюрками [81, с.14]. Поселения салтовского типа появляются на территории Боспорского государства с конца IV в. и начинают оказывать определенное влияние на его население [81, с.14]. Формирование собственно аланской материальной культуры приходится на V в. и охватывает территорию от верховьев Кубани до Дагестана [266а, с.30-35].

В истории Боспора V-VI вв. определенную роль сыграли оставшиеся на его территории готы. Прокопий (Bello Goth. VIII, 4) сообщает о том, что готы-тетракситы, «соблюдающие христианский закон», жили у устья Меотиды в Крыму. Археологический материал подтверждает это сообщение. В составе населения позднего Танаиса в I пол. V в., несомненно, присутствовали носители черняховской культуры, о чем говорит керамический материал, западная ориентация покойников, орнаменты и т.п. [67, с.151; 373, с.43; 500, с.329]. В Крымском Приазовье также прослеживается присутствие готов-тетракситов в V веке. Это район вблизи Казантипского залива. Определенное пограничье здесь подтверждается отсутствием позднеантичных поселений к западу от совр. села Золотое. Напротив, почти все известные в настоящее

время находки, отдельные погребения и целые могильники, относимые к числу готских, гото-аланских и гуннских локализуются именно здесь (Нижнее-Заморское, Марфовка) [330, с.41].

На основании археологических материалов из керченского некрополя (пальчатые фибулы, большие пряжки с орлиными головами с конца V в.) А.К. Амброз отмечает, что на Боспоре в V в. был усвоен гото-гепидский женский наряд из пары пальчатых фибул на плечах и большой пряжки на широком поясе. Массовое появление такого костюма можно объяснить только близким соседством готов-тетракситов. **[97]** Вероятно, эти готы-земледельцы могли быть тесно связаны с г. Боспором, стать как бы его сельским пригородом и, возможно, хоронили своих покойников на городском некрополе. Может быть, перед нами пример своеобразного сращивания рустифицированного города с его сельской округой, отсюда - широкое проникновение в город окрестных земледельцев и заимствование горожанами их обычаев и даже внешнего облика [56, с.86-87; 373, с.56].

Наличие у тетракситов собственного епископа не противоречит такой гипотезе, так как готы должны были составлять особую этноконфессиональную единицу, пусть даже и на территории Боспорского государства.

Известная ранее надпись КБН 1099 в новом прочтении В.П. Яйленко приобретает значение важнейшего источника по истории гуннов V в. на Боспоре. Эта надпись датируется V веком и следует структуре аналогичного типа актов римского времени. Надпись происходит из Гермонассы и сообщает, что в одной христианской общине, организованной по типу прежних фиасов, состоят лица с греческими, иранскими и, самое главное, с гуннскими именами [530, с.165]. Эти имена соответствуют строю известных ныне гуннских имен [533, с.126]. К сотне известных гуннских имен надпись добавляет 14 новых: Оримаг, Салдих, Малдаг, Мидах, Севраг и др. Из надписи ясно следует, что гунны не уничтожили местную позднеантичную цивилизацию, но, напротив, судя по облику их потомков в V в., адаптировались к ней: восприняли греческий язык, религию и местную культовую организацию [530, с.166].

Итак, как видим, варваризация Боспора в III-IV вв. была далеко не завершившимся процессом. Античный мир здесь, особенно с эпохи эллинизма, в целом терпимо относился к варварам. При политической власти эллинистического типа в любом государстве со смешанным населением допускалось сосуществование всех культур и религий, но греческий язык неизменно доминировал и поддерживался властями везде, где было сколько-нибудь значительное греческое население. Боспорские правители относились враждебно лишь к вооруженным набегам варваров на свои территории.

Мирное оседание на земле они не возбраняли. В истории Боспора, впрочем как и везде в античном мире, ни одна этническая группа не выступала против политики боспорских царей под «национальными» лозунгами, не проявляла сепаратизма и не стремилась к политическому самоопределению. Таким образом, на Боспоре ярко проявился примат территориального принципа организации общества над этническим.

Варваризация греков, живших в варварском окружении, была столь же естественна и неизбежна, как и эллинизация варваров, по крайней мере - их верхних слоев [194, с.271]. Другой вопрос: до какой степени? Характер ассимиляционных процессов и их темп зависели на Боспоре от ряда факторов: - от интенсивности и численности притока новых иммигрантов и длительности их пребывания в стране, - от сходства или **[98]** различия их языка и культуры по отношению к местному населению, - от особенностей социального и профессионального состава переселенцев, - от характера расселения: мирного или военного, - имело ли место переселение части покоренного населения, - шло ли переселение преимущественно в города или заселялась сельская территория, - от наличия или отсутствия дискриминационных мер, - от внутренней сплоченности, роли «национальных» организаций (политических, религиозных, культовых) как переселенцев, так и исконных обитателей страны [328, с.221].

Учет всех этих факторов не позволяет говорить о полной победе варваризации Боспора даже в V веке. Сама организация боспорской территории, мощное консервативное воздействие античной в своей основе боспорской культуры привели к тому, что волны варварских переселений не захлестнули далекий, в значительной степени изолированный островок цивилизации, а соединили греков и варваров в территориально-культурную общность bosporanoi-bosporeoi на основе греческого элемента. Греческий базис боспорской культуры оказался таким мощным, что можно говорить о его победе в борьбе различных этнокультурных сил. Если не забывать о том, что этническая сплоченность той или иной общности поддерживалась господствовавшей в ней социальной системой [118, с.7], наглядно выступает роль боспорской государственности в этнических процессах. Готский разгром III в. резко сократил сферу боспорского влияния на окрестные территории [56, с.85]. Вхождение Боспора в сферу влияния гуннской державы неимоверно его расширило (посредством гл. обр. аланов). Несмотря на известный отход от классических форм греческого языка [100, с.216] (а он не мог не происходить), письменность продолжает выполнять свою функцию в жизни сложно организованного общества даже в самые «темные» десятилетия V в. Хотя боспорская знать в V в. носит в основном иранские имена (Саваг, Устан, Исгудий), общая доля иранских имен в просопонимике Боспора невелика: до конца IV в. она составляла 14% (в азиатской части - 24, 7%), в Пантикапее 9, 4%, около того - в Фанагории [328, с.103]. В V в. доля иранских имен возрастает до 30%.

Таким образом, великий греко-иранский синтез, происходивший на берегах Северного Понта многие столетия, дал многочисленные плоды и привел к появлению оригинальной смешанной культуры. Но культурная интеграция до самого конца античности не привела ни к процессам этногенетической миксации, ни к ассимиляции какой-либо из этнических групп. Тем не менее, все этнические группы, оседавшие на Боспоре, попадали в сферу действия боспорской государственности и отчасти усваивали образ жизни боспорян. Будучи «обществом на перекрестке» (gateway community), Боспор

выполнял огромную задачу организации контактов между различными племенами и народами [к примеру, огромное значение по своим последствиям имела историческая встреча иранского и германского миров в Северном Причерноморье: 219, с. 55-62, 78-81; 562, с. 49]. При этом он сохранил социальные основы своей **[99]** жизни и государственность на протяжении тысячелетия, чему немало способствовал тот факт, что в большей своей части страны, выходящие к Черному морю, никогда не были заняты греками, не находились ни под их управлением, ни в зависимости от них [109, с.99]. Таким образом, степень варваризации Боспора преувеличивать нельзя.

Одной из существенных черт религиозной жизни Боспора было долгое сохранение античной религии в качестве официальной. Коллективная память - хранилище старых ценностей, она не годится для создания новых. Древние религии не имели твердых догматов. Никакая власть не принуждала никого иметь определенные верования. Точной границы между тем, во что было обязательно веровать, и тем, что можно было отбросить, не существовало [113, с.706]. Тем не менее, существовали культы официальные, государственные и частные. В Риме времен империи можно было выделить три группы культов: sacra pro populo - официальный культ, исполнение которого государство возлагало на особое должностное лицо или коллегию; sacra publia - официальный культ, в религиозных церемониях которого принимали участие все граждане; sacra peregrina - культы, заимствованные от других народов. Первые и вторые есть sacra publia, т.е. культы, признанные государством [269, с.1-3].

Под государственным культом в противоположность частному понимаются все религиозные акты, совершаемые от имени и по установлению государства жрецами или другими, назначенными для этой цели лицами [291, с.13]. Частные культы исповедывались религиозными обществами, собиравшимися для этой цели [291, с.210].

Старые греческие культы еще в III в. имели исключительно официальный характер. Царская власть стремилась поддерживать их, заботилась о некоторых особо почитаемых древних святилищах [176, с.4]. Можно говорить о том, что государство проводило определенную конфессиональную политику, о чем свидетельствует наличие должности o epi ton ieron (КБН 62, 976, 1045, 1129 от II в.). Старые боги должны были подчеркнуть эллинское происхождение боспорян и сплотить их вокруг правящей династии. В надписи Тейрана верховные боги страны являются в виде божественной пары Зевс Сотер и Гера Сотера. Конечно, это уже не прежние греческие боги, на что указывает эпитет Theoi epouranoi. Их значение как главных богов царства подчеркивается посвящением им всего двора, организованного в особую сакральную коллегию [395, с.29]. Падение значения традиционных божеств в обыденной жизни проявилось, в частности, в почти полном отсутствии их терракотовых статуэток [328, с.с.152]. Гораздо более были распространены изображения боспорских синкретических божеств, издавна здесь распространенных [405, с.23].

В III-IV вв. главным культом Боспора был культ верховного женского божества, выступающего чаще всего под именем Афродиты Урании. В нем слились черты Деметры, Кибелы, Астарты. Эта богиня давала власть в государстве и олицетворяла производящие силы природы. **[100]** В ее культе практически не прослеживается варварского влияния [405, с.24]. Еще в III в. на вершине пантикапейского акрополя стоял храм верховного женского божества, иногда именуемый храмом Кибелы [100, с.196].

Официальный царский культ занимал важное место в конфессиональной политике Боспорского государства. Хорошо известна официальная мифологическая генеалогия династии Тибериев-Юлиев. Надо полагать, что еще в IV в. царский культ поддерживался. Типично официальным был культ римских императоров. Если в первые века н.э. мы находим множество памятников этого культа, особенно на Тамани, где находился крупнейший храм Августов - фанагорийский Кесарейон [496, с.132], то с конца III в. упоминания об этом культе в источниках резко сокращаются [103].

Малоазийские и иранские культы попали на Боспор еще до н.э. уже в синкретическом виде. Они были издавна распространены в античном мире и успели стать привычными и традиционными для греков.

В III в. почитались частные культы Аттиса, Митры-Аттиса, Мена. Частный характер этих культов подтверждается тем, что изображения этих божеств известны только в терракотовых статуэтках [228, с.18]. Культ Митры на Боспоре получил особое значение: он занял место среди второстепенных божеств плодородия и связан с земледельческими культами [подробнее см.: 544]. Мен - фригийское лунное божество, содействовавшее плодородию земли и здоровью людей, а также доброе семейное божество, защитник слабых от несправедливостей жизни и охранитель могил умерших, почитался широкими кругами населения, особенно вольноотпущенниками и рабами [228, с.16]. Все эти частные культы служили по своей сути дополнением официальных и, несмотря на некоторую оппозиционность, существовали беспрепятственно.

Боспор испытал влияние и египетских божеств: к IV в. относятся светильники с магическими изображениями извивающейся змеи - египетского «узла жизни» [228, с.120], найденные в Херсонесе, но вполне могущие быть найденными и в Керчи. В Горгиппии в подвальном помещении дома III в. был найден бронзовый женский бюст с короной Исиды [228, с.116].

Во II-III вв. в Северное Причерноморье проникают гностические культы: Иао, Абрасакс (змееногое божество с петушиной головой, с торсом в панцире, с кнутом и щитом Гелиоса в руках), Хнубис (змея со львиной головой в венце лучей). Вероятно, эти божества почитались узкой группой населения боспорских городов, особенно крупных, испытывавших влияние гностицизма. Сложнейшие астрологические и метафизические доктрины гностических сект поздней античности часто сочетаются в геммах-амулетах с элементами народных верований, наговоров, примитивной магии. Так, на одном из амулетов из Пантикапея изображение Иао сопровождается надписью «для желудка» [228, с.166]. **[101]**

Еще Кюмон отмечал, что на закате античной цивилизации сложным мистическим построениям восточных жрецов и астрологов суждено было слиться с древнейшими народными суевериями [553, с.254]. При боспорском дворе, вероятно, испытывали потребность в общении с подобными мудрецами. Однако, какой бы благосклонностью ни пользовались восточные культы на территории империи, государство никогда не оставляло своего права надзора над ними [113, с.367].

К концу III - началу IV вв. традиционные культы, как греческие, так и восточные, постепенно исчезают или приходят в упадок. На первый план выходит культ Бога Высочайшего, который становится самым массовым боспорским культом. Оживились также верования местного варварского населения [176, с.5].

Монотеистический культ Бога Высочайшего появился на Боспоре в I в. н.э. Происхождению и содержанию посвящена огромная литература [529, с. 13; 313, с. 16-17; 397, с. 432; 221, с. 109;100, с. 213-214; 359; 457 и др.]. Роль фиасов и синодов - союзов почитателей этого культа - в политической системе Боспорского государства была недавно специально рассмотрена В.А. Астаховым [72, гл.2]. Но все же тема остается далека от полной исчерпанности. Установлено, что фиасы и синоды создавались как частные организации, и таковыми они оставались в течение всего своего существования, включая IV век. Как особая форма общественной организации населения царства фиасы играли важную роль в жизни общества, хотя и не определяли его политическую организацию. Расцвет фиасов пришелся на III в., когда корпоративная жизнь на Боспоре достигла апогея. Недавно было предложено считать синодами сугубо культовые объединения, а фиасами - профессиональные корпорации под покровительством божеств [415, с.67-68].

В синодах и фиасах состоял очень большой процент горожан Боспора и практически вся знать. Надо помнить, однако, что фиасы и синоды, создававшиеся в разных городах, хотя и были весьма похожи друг на друга по своим задачам, содержанию деятельности и организации, все же обладали некоторыми особенностями в административном устройстве и даже функциях. Поэтому необходимо учитывать локальные особенности отдельных союзов [500, с.272].

Почему же культ Бога Высочайшего так и не стал полностью официальным? Вероятно, потому, что в своем настоящем виде он более отвечал интересам как двора и господствующего класса, так и низовых корпораций. Частный характер создания, собственный устав давали возможность знати иметь собственные организации, игравшие немалую роль в жизни государства. Горожане же при желании могли видеть здесь quasi-полисный институт, или считать его таковым. Вместе с тем, покровительство фиасам со стороны двора вплоть до их официального признания выражает стремление двора заручиться поддержкой фиаситов, которые были мощной военной силой. В любом случае через синоды и фиасы правящая династия решала определенные конкретные задачи во внутренней политике. **[102]**

Иудеи появляются на Боспоре на рубеже н.э. Первое точное свидетельство - манумиссия КБН 985 от 16 г. н.э. [301, с.19; 172, с.63]. Большинство специалистов отмечают несомненное влияние иудаизма на формирование культа Бога Высочайшего [301, с.19-20].

Не последней причиной распространения иудаизма на Боспоре являлась манумиссорская деятельность последователей данной религии [172, с.64]. Боспорские евреи, в отличие от евреев Чуфут-Кале, перешли на греческий язык [493, с.375]. В Фанагории, где иудеев было особенно много, в III-IV вв. к их числу, помимо собственно евреев, относились и прозелиты из местных варварских племен [172, с.66]. В Пантикапее иудейская община появляется в III в. [457, с.136].

В III-IV вв. появляется большое количество надгробий с иудейской символикой, на надгробиях появляются надписи на древнееврейском языке, существенно меняется еврейская ономастическая традиция [302]. Д.И. Даньшин связывает эти явления с приливом на Боспор новой волны иудеев, которые были менее связаны с эллинской культурой, нежели боспорские иудеи, хотя и были в некоторой степени эллинизированы [172, с.69]. Относительная замкнутость и необыкновенная живучесть иудаизма позволяют поставить проблему роли Боспора в распространении иудаизма среди хазар [301, с.20] при сохранении демографического и культурного континуитета в регионе в эпоху переселения народов.

Религия рядового сельского населения Боспора до последнего времени была нам известна очень плохо. На сельских поселениях и в небольших городах часто встречаются примитивные терракотовые изображения божеств, покрытые белой обмазкой или красной краской. Контуры конечностей и лицо лишь намечены защепами на сырой глине. Эти «идолы» найдены в Илурате, Семеновке, на мысе Зюк. Им близки многочисленные терракоты вида гротесков, но последние, однако, изображают верховное женское божество и имеют греческое происхождение [405]. Местные туземные культы, вероятно, не находили никакого отражения в конфессиональной политике Боспорского государства, которое допускало их сосуществование с официальными культами.

Несколько восполняют пробел недавние исследования культовых захоронений животных с сопутствующим инвентарем, совершенных внутри жилых помещений (домашние жертвенники). Типы жертвенников: - в нишах стен (Генеральское-Восточное, Зеленый Мыс); - в виде каменных ларей (мыс Зюк); - захоронения животных в ямах (Зеленый Мыс, Салачик) [190, с.32]; - захоронение в печи (пока единственное) [189, с.114].

Обряд захоронения животных был вообще не характерен для древнегреческой культовой практики. Отсутствовал этот обычай и у скифов [189, с.117]. Тем не менее, исследователи находят возможным связать культовые захоронения на Боспоре с влиянием поздних скифов. **[103]** Может быть, речь шла о культе божества плодородия и домашнего очага у поздних скифов, имевшем синкретический характер [190, с.39]. Влияние этого женского божества ощущается и в культе боспорского верховного женского божества. К

сельским туземным культам можно отнести также антропоморфную гальку с подчеркнутым животом, найденную в доме VI в. в Тиритаке [209, с.52], что свидетельствует о значительной живучести паганизма на Боспоре в ранневизантийское время. Археологический материал (могильники IV-VI вв. в Крымском Приазовье) подтверждает весьма слабый характер христианизации сельского населения европейского Боспора [330, с.27]. В данных комплексах до конца VI в. сохраняются прежние традиции погребального обряда, а новые черты - грунтовые склепы с дромосами и камерами - появляются лишь вследствие весьма вероятного переселения сюда части жителей Пантикапея-Боспора. Кстати, именно в этих склепах обнаружена христианская символика, которой нет в остальных рядовых погребениях [330, с.27-28, 40].

Храмы языческих божеств еще в конце III - IV вв. владели большими имуществами, главным образом, земельными. Естественно, что цари, как это отмечается и для других соседних государств Понта, Армении, Каппадокии - стремились (как высшие представители государства перед божеством) держать в своих руках нити финансового управления храмами, иметь в своих руках контроль над средствами храмов и над их расходованием жрецами [400, 1989/4, с.181]. Вероятно, к этим финансово-контрольным функциям сводилась основная деятельность уже упоминавшегося «ведающего священными делами». В культовой жизни храмов этот чиновник, видимо, не принимал участия. М.И. Ростовцев усматривал в консервации традиционной организации храмов «руку римлян» [400, 1989/4, с.183], так как существование храмов было в определенной степени ограничением влияния царя на население.

На протяжении IV в. в Пантикапее продолжали функционировать старые общественно-культовые места. В припортовой части города (район Предтеченской площади) находилась вторая агора.

На г. Митридат, у южной границы Старого кладбища располагался старый общественный центр столицы, где находились статуи царей, воздвигнутые столичной знатью в первые века н.э. Другие общественно-культовые места: перекресток улиц Маркса - В. Дубинина (храм верховного женского божества) и район Старого кладбища (молельня Богу Высочайшему, другие храмы) [404, с.175].

С появлением на Боспоре христианской общины государство, допуская ее существование, видимо, не разрешало строить церкви: на Боспоре не известно ни одной христианской культовой постройки IV в. [176, с.7]. Ранняя история христианства на Боспоре и обзор древнейших памятников этой религии даны в диссертации П.Д. Диатроптова [177, гл.2]. Поэтому наше внимание будет сосредоточено на роли христианства в общественной жизни позднеантичного Боспора.

Христианизация Боспора происходила мирным путем [177, с.23-24]. **[104]** Главным показателем глубины христианизации является степень распространения бытовых предметов с христианской символикой. Несмотря на то, что уже в I четв. IV в. на Боспоре существовала епископальная организация, в списке иерархов, подписавших определения Никейского собора, Кадм

Боспорский упомянут на последнем месте, что, думается, не случайно. Это - показатель слабости и окраинного положения далекой епархии.

Как кажется, христианизация Боспора происходила несколько медленнее, нежели это представляется П.Д. Диатроптову. Его вывод о тесной связи христианизации с упадком полисных элементов [177, с.23] не вполне подтверждается источниками. Помимо уже освещенного материала можно указать на очень малое количество точно установленных христианских надписей, на очень медленное внедрение христианского погребального обряда в некрополях г. Боспора [495, с.69] в течение IV-V вв., наконец, на то, что еще в V веке, при наличии уже долго существующей епископальной организации имеют место автономные христианские общины, организованные по образцу прежних фиасов. Собственно, ничего удивительного в этом нет, так как переход от демократической общины к епископальной церкви, как и строительство базилик для регулярного культа, достигает особенного размаха в имперских провинциях именно в V в., и далеко не завершается к тому времени. Но, несмотря на то, что на Никейском соборе о епархиально-митропольной системе говорится как о чем-то давно существующем (6-й канон) [471, с.26, 28], в реальной жизни до завершения христианизации было еще далеко.

Боспор испытал три волны христианизации: - III - начало IV вв.: миссионерская деятельность малоазийских пленников готов; начало христианизации боспорских городов; создание епархии в Пантикапее; - VI в.: целенаправленная политика византийской церкви в условиях аннексии Боспора империей; - VIII в.: миссионерская деятельность Византии в Хазарском каганате, куда входил тогда Боспор [137, с.137-139].

Важнейшее значение христианства заключалось в том, что оно постепенно становится такой же формой общественной связи в гражданском коллективе, как и прежние языческие коллегии. На основе общности новой религии сохраняются в городах социальные связи, характерные для гражданских общин [235, с.205]. Одним из важнейших признаков города становится наличие в нем епископской кафедры. Среди многочисленных религиозных общин позднеантичной эпохи одна только церковь давала не просто духовное утешение, но и оказывала практическую помощь в делах земной жизни. Именно это и обусловило роль церкви в организации сложных форм общественной жизни. Пока продолжалось сосуществование государства и церкви без решительного перевеса одной из сторон, следует должным образом оценивать деятельность и права епископа как защитника интересов городской общины перед государственной администрацией и известного контроля над определенными видами ее деятельности, права противостояния ей по многим вопросам, что, безусловно, способствовало сохранению значения муниципальной организации и поддержанию элементов самоуправления [284, с.127]. **[105]**

Все церковные обряды от рождения до похорон приобретали характер регламента. Общеизвестна роль церкви в сохранении грамотности, книжной культуры, культурно-исторического континуитета.

На Боспоре церковь выступала главным хранителем греческого языка, письменности, образованности [о требованиях к образованности кандидата в епископы см.: 295, с. 281]. Вероятно, при храмах хранились столь редкие в то время книги, существовали элементарные школы. Возможно, под эгидой церкви велись строительные и другие общественные работы, организовывалась оборона от врагов, распределялось продовольствие во время голода и т.п.

Если отношения церкви с обществом более или менее ясны, то этого нельзя сказать об отношениях церкви и государства. Мы не знаем динамики этих отношений на протяжении IV-V вв., не знаем, сопровождалось ли каким-либо политическим актом утверждение христианства в Боспорском государстве. Можно лишь предполагать, что вплоть до прихода гуннов церковь не получала государственного акта признания. Косвенное указание на это содержит нумизматический материал: на монетах последнего Рескупорида изображена Ника с венком.

Уже в IV в. в Таврике существовали Херсонская, Боспорская и Готская епархии, позднее появились также Фульская и Сурожская [309, с.51-74]. До Халкидонского собора 451 г. эти епархии, как и Скифская на Нижнем Дунае, были автокефальными. Этот собор 28-м правилом подчинил константинопольскому патриарху все епархии, находившиеся «в пределах варваров». Но фактически некоторая независимость церковных округов здесь сохранялась, а Скифская епархия сохранила полную автокефальность. Боспорская епархия первоначально объединяла в церковном отношении весь Боспор. От 519 г. мы имеем первые (и последние) точные сведения о существовании епископской кафедры в Фанагории (подпись под определениями Константинопольского собора епископа Иоанна) [122, с.384, прим.2; 68, с. 92]. На азиатской стороне Боспора в VI в. мы застаем 4 епархии с центрами в Фанагории, Метрахе (Таматархе), Зихополисе и Никопсисе. Зихский епископ Дамиан оставил подпись под определениями 526 г. [309, с.80].

Имея очень мало конкретного материала, можно попробовать представить общую картину жизни боспорской епархии. Епархия была совокупностью верующих под руководством данного епископа, территория духовной общины. В организационном плане боспорская епархия входила в Понтийский округ Кесаре-Каппадокийской патриаршей кафедры [295, с.210]. В середине V в. 12 митрополитов Понтийского диоцеза было подчинено константинопольскому патриарху [106, с.336].

Возглавлял епархию епископ - третья, высшая степень церковной иерархии, совмещающая в себе всю полноту апостольской власти. Епископ имел юрисдикцию, обязательную для духовных лиц его округа и добровольную для мирян. **[106]** Епископат не вел борьбы с государством, но без шума и конфликтов, путем внутренней скрытой работы каждый епископ так глубоко укоренял и утверждал свой авторитет, что становился маленьким государем. Ему не оставался чужд ни один из материальных интересов города и деревни. Постепенно власть епископа обрастает целой системой бюрократических должностей и учреждений (эконом, великий эконом, скевофилакс, великий

скевофилакс, хартофилакс и др.). В середине V в. крупной общественной фигурой в истории Боспора был епископ Евдоксий, более десяти лет бывший духовным пастырем боспорян. Он участвовал в трех поместных соборах: Константинопольском 448 г., Эфесском 449 г. и Константинопольском 459 г.

Второй ступенью церковной иерархии в епархии был диакон («служитель») - лицо, проходящее церковное служение на низшей ступени священства. Диаконы должны были наблюдать за церковным благочинием. На практике они были посредниками между епископами и паствой. Назначение диакона было личным делом епископа.

При ограниченном числе верующих весь приход (паройкия) мог в своем полном составе собраться в одном месте общественного богослужения. Епископ мог быть предстоятелем собраний только в своем кафедральном храме. Диаконы же выполняли эти функции в других местах отправления культа, т.е. руководили филиальными церквами [106, с.201]. Кроме того, диаконы могли опекать молитвенные дома или часовни на землях, находившихся в наследственном пользовании или владении знатных родов. Устройство филиальной боспорской церкви мы можем представить себе по христианскому комплексу в крепости Ильичевского городища. Помимо базилики (обломки карнизов, капители пилястра, барабан колонны) обнаружена молельня в одном из помещений казарм, мощехранительница, утварь (пять плоских мраморных блюд) [355, с.87].

Младшими служащими клира были чтецы, эксорцисты, иподиаконы, аколуфы, «могильщики» и др.

Лишь вхождение Боспора в состав Византии создало предпосылки для завершения христианизации Восточного Крыма. Начинается широкое строительство храмов. Кроме известного храма в Тиритаке мы можем предполагать, что в припортовой части Пантикапея уже в V в. был сооружен первый храм, быть может на месте позднейшего храма Иоанна Предтечи (VIII в.) [310, с.91-100]. До него, в первые десятилетия существования епархии для совместных молений могли использоваться другие помещения, быть может дромос Царского кургана (хотя он больше подходит для храма эпохи «катакомбного» христианства, да и знак креста является столь сложным и многозначным, что точное определение крестов Царского кургана пока невозможно)[331, с.4-5; 497, с.160-162, рис.31-32, 34-35]. Тип храма, господствовавший в Таврике – базилика. **[107]** Этот храм обладает большой вместительностью, да и построить его было несравненно легче прочих [541а, с.7].

Следует также отметить, что позднее, в VIII в., Боспор становится одной из областей распространения монашества. Искавшие убежища «на северных склонах Евксинского Понта, в области Боспора и Херсона» [122, с.297-300] иконопочитатели использовали попутные, скорее всего торговые суда, пересекавшие Черное море и плававшие вдоль его северного берега [390, с.42]. Это недвусмысленно свидетельствует о наличии там каботажного плавания с помощью судов с малой осадкой [122, с.268]. Нет сомнений, что такая же картина морских связей существовала и в V веке.

О жизни и быте рядового городского населения в эпоху победившего христианства (видимо, конец V - начало VI вв.) ярче всего свидетельствуют материалы раскопок 1983-1985 гг. в Тиритаке (дом на участке XXV, жилой квартал на участке XXIV). Здесь обилие бытового материала прямо связано с христианским культом [216, с.51-52]. Большой интерес представляет также крупный позднеантичный комплекс в Китее (раскоп IV), исследуемый с 1986 г.

Итак, с принятием христианства Боспор достаточно прочно попадает в пределы Pax Byzantina. Основы общественной жизни, заложенные здесь церковью в позднеантичное время, оказались прочными и сохранялись в самых неблагоприятных условиях еще многие столетия. Очень интересный источник I пол. XIII в. – «Аланское послание» епископа Феодора - свидетельствует о том, что после семи веков перемещений кочевников в г. Боспоре сохранялась значительная община христиан во главе с греческим епископом, которому принадлежит немалая власть наряду с наместником одного из кочевых вождей [274, с.1-17].

§ 4. Историческая эволюция позднебоспорской государственности.

В вопросе об исторической эволюции позднебоспорской государственности на первый план выходит ряд вопросов: о сущности «гуннского протектората» на Боспоре, о кризисе боспорской государственности в связи с общим кризисом античной цивилизации, о формах этого кризиса.

Как уже отмечалось, Боспор в III-V вв. испытал неоднократные вторжения извне. Крым был втянут в орбиту передвижения аланских племен этого времени [133, с.196]. Гуннское завоевание, как обоснованно заметил А.К. Амброз, не привело к перерыву в местном развитии [56, с.15-16]. Более того, сармато-аланский этнический компонент доминировал на юго-востоке Европы и после гуннского нашествия [427, с.67]. Аланская материальная культура в общем не отличалась существенным образом от сарматской [68, с.44]. Зависимость от гуннов не наложила сколько-нибудь заметной печати на внутренние дела Боспора [100, с.226].

В V в., после столетнего перерыва, на Боспоре появляется много богатых погребений [54, с.103]. **[108]** Вероятно, это было следствием гуннской зависимости, при которой боспорские города несколько оправились от последствий предыдущих смутных лет. Помимо того, что боспорская аристократия принимала участие в гуннских походах [54, с.104], сами гунны нуждались в ремесленных и торговых центрах у себя в тылу [141, с.200сл.]. Кроме того, подчиненные гуннам причерноморские племена были их значительным военным резервом. Предполагается, что Боспор также платил дань гуннам, впрочем, в I пол. V в. это делали и обе империи [570, с.26-50].

Географ К. Хирт ввел уже упоминавшееся нами понятие gateway community, т.е. общества, находящегося на естественных торговых путях, соединяющего территории, богатые минеральными и сельскохозяйственными ресурсами, а также определение внутренней структуры таких обществ, хин-

терланд которых различным способом связан с периферией [цит. по: 554, с. 4-6]. Боспор в полной мере попадает под определение такого общества, и это - один из факторов сохранения его в V-VI вв.

В период конца IV - I пол. V вв. наблюдается сравнительная стабилизация политической и экономической обстановки в Северном Причерноморье. Помимо возрождения ряда городов и поселений Боспора, жизнь восстанавливается и на некоторых поселениях черняховской культуры, последняя фаза которой охватывает конец IV - 2-ю четв. V в. На них прослеживается активизация экономической жизни [308, с.225]. Все это было возможно только при условии создания стабильного кочевого союза [202, с.86].

Номинально власть гуннского союза в I пол. V в. распространялась на территории от Паннонии до Северного Кавказа. Однако, внутри него существовали автономные политические образования. Союз представлял собой военно-политическую федерацию [191, с.234-235]. Во главе его стоял военный предводитель, вождь наиболее сильного племени. У Созомена он назван правителем (VI, 37: ... kai to kratounoi aggeilai). Имена вождей становятся известны с начала V в. (Ульдис (Zos. V.22, 1) [89, с.151] и др.). Олимпиодор сообщает, что гунны Северного Причерноморья в начале V в. возглавлялись вождями (reges, с которыми, очевидно, следует сопоставить «предводителей больших масс народа» Приска (Prisc. 8) [191, с.235]. По Олимпиодору, среди гуннских вождей складывается определенная иерархия: наряду с «царем» Донатом упомянут «первый из вождей» Харатон (Olymp. 18) [о нем см.: 570, с. 73-81].

С V в. вожди сохраняли свое главенствующее положение и в мирное время (412 г. - год посольства Олимпиодора - был мирным временем), хотя Э. Томпсон считал иначе [585, с.58, 61]. Установление института наследственной власти у гуннов относится, вероятно, к 20-30-м гг. V в., когда их основные силы начали концентрироваться в Среднем Подунавье [54, с.104].

С конца IV вв. до 439 г. гунны выступали в качестве наемников империи, причем с 425 г. их вспомогательные войска стали основной ударной силой римской армии [422, с.151]. **[109]** Только с 440 г. они пытаются утвердить свое господство на Балканах. Изо всех походов с этого времени гунны всегда возвращались в Паннонию, где у них формируется политический центр.

Очень важными для нас являются указания источников на то, что гунны допускали самоуправление для некоторых категорий покоренного населения. Иордан сообщает, что остроготы, «подчиненные власти гуннов, остались в той же стране» и «готским племенем всегда управлял его собственный царек (regulus), хотя и соответственно решению гуннов» (Iord. 125-127, 130, 246-253). Именно с готами связывал Л.А. Мацулевич погребение варварского князя в Курской области и аналогичное погребение 1812 г. из Молдавии [333]. В последние годы появился и археологический материал, подтверждающий эти факты на более широком фоне [308, с.225]. Известно также о долгой войне акациров с гуннами, завершившейся сохранением автономии акациров (Prisc. 8) [422, с.164]. Автономию сохранили также и гепиды. Нет ни-

каких сомнений и в том, что власть гуннов над Боспором в I пол. V в. была номинальной. Будет более вероятным допустить, что в это время реальной властью вокруг Боспора обладали аланские племена, входившие в гуннский союз. Это обеспечивало Боспору безопасность и вызвало даже некоторый экономический подъем (возрождение Танаиса и пр.). Обезлюдение же значительных пространств Северного Причерноморья связывается ныне не с истреблением населения, а с уходом его части на запад в составе гуннского союза [54, с.104; 81]. И.П. Засецкая связывает феномен подъема Боспора с сильной и стабильной властью гуннов в Степи [203б, с. 142].

К 443 г. Аттила сосредотачивает в своих руках управление всеми гуннскими и покоренными племенами [193, с.217; 203б, с. 146; 585, гл. IV]. В результате этих событий мы видим, что военный деспотизм резко усиливается, происходит известная унификация управления, но Боспора бурные события середины V в. в Европе не коснулись.

Процесс политогенеза у гуннов не был завершен и при Аттиле. Сохранялось перманентное военное состояние общества, нет никаких данных о территориальном делении державы Аттилы; источники не подтверждают предположений о сборе налогов на ее территории. Таким образом, гуннское общество этого времени было в переходном состоянии, которое, может быть, уже нельзя называть военной демократией, но так и не ставшее подлинным государством и распавшееся со смертью Аттилы [193, с.218].

После распада гуннской державы источники упоминают многочисленные кочевые племена восточноевропейских степей: акациры, барсилы, сарагуры, савиры, авары, утигуры, оногуры, кутригуры и многие другие. Все они находились в то время на первой стадии кочевания, в состоянии войны друг с другом и с соседними земледельческими странами и народами [214, с.219]. Боспорское царство и в этот период управлялось собственными правителями [68, с.88]. **[110]** Состояние источников позволяет предположить, что зависимость Боспора от гуннов не была непрерывной [100, с.226].

Утигуры, занявшие области близ Боспора, постепенно переходили от первой ко второй стадии кочевания. Если на первой воевал весь народ, то теперь - только воины, а походы отныне носят характер не нашествий, а набегов. Задача последних - грабеж, угон населения для продажи в рабство, получение откупов [375, с.55]. Наступает период «обретения родины», который характеризуется ограничением территории кочевания для каждой орды, для каждого рода и соответственно появлением постоянных мест для сезонных стойбищ: летовок и зимовок [375, с.54; 376а, с. 42-46].

Чрезвычайно важным и интересным является факт открытия на Гераклейском полуострове близ Херсонеса следов поселений гуннов-утигуров 2-й пол. V в. (юрты-зимники) [208, с.27-28]. Видимо, район кочеваний утигуров на западе доходил до Херсонеса, что хорошо подтверждает сообщение Прокопия о том, что «пространство от Боспора до Херсона занято гуннами». Размеры кочевого участка зависели от величины кочевой группы, владевшей им. На второй стадии кочевания появляются могильники [375, с.63], что позволяет использовать археологические источники для изучения номадизма [146,

с.26].Эта же стадия имеет две фазы: куренную (общинную) и аильную (патриархальная семья) [375, с.54].

Утигуры были единственной реальной военной силой в регионе. Это было обусловлено боевыми качествами конницы кочевников. Военное превосходство влечет за собой и политическую гегемонию. Но превосходство кочевников исторически ограничено [178, с.48]. Ограничение территории кочевания, возникновение зимовок и летовок вызывали появление тенденции к оседлости. Оставшаяся на зимовках часть населения начинала распашку участков степи под бахчи, сады, пашни. При этом они заимствовали у соседей наиболее совершенные орудия земледельческого труда. Сначала их просто отбирали во время набегов, затем меняли и, наконец, сами осваивали их производство [375, с.58]. Но, оставаясь номадами-скотоводами по преимуществу, гунны не включались в основную производственную деятельность на завоевываемых ими территориях - в земледельческие занятия как основу хозяйства [243, с.116]. Поэтому между зоной кочевников и оседлых земледельцев устанавливались своеобразные формы взаимного экономического приспособления, разделения труда, торгового обмена, общественно-политичес-кого и культурного взаимодействия [57, с.20]. Общества скотоводов никогда не были автаркическими [569, с.6; 312].Главным видом связей между номадами и цивилизацией был торговый обмен. Для древних обществ К. Поланьи выделил три основных типа торговли: - обмен подарками; - административная, или договорная торговля; - рыночная торговля [576, с.262]. **[111]**

Отношения Боспора с утигурами вписываются в основном в рамки второго вида (Malala 432).Торговля могла происходить как в городах, так и в специально отведенных для этого местах или в военных поселениях типа уже описанных в районе Крымского Приазовья (аналогии римских канаб). В таком поселке центром торговых операций служила площадь со складскими помещениями, куда привозили скот, хлеб, кожи, рабов и др. товары. Торговля также велась у важнейших переправ, мостов и т.д. Образцом подобного торгового места может служить площадь в центре западного района города Танаиса I половины V в. На раскопе VI обнаружены два складских помещения (ТТ и СС) с большим набором лепных и лощеных сосудов. Здесь же находилось общественное здание [500, с.310]. Особое значение товарного производства и товарного обращения в византийских городах при переходе от античности к средневековью подчеркивал М.Я. Сюзюмов [452, с.55-81]. Заслуживает внимания также представление М.Я. Сюзюмова о городах-эмпориях. Боспор V в. во многом отвечает этому представлению.

Теория отношений номадов с оседлым населением наиболее полно была разработана П. Брианом [545]. Его вывод: данные отношения - не симбиоз, а колебания в пределах от относительно гармоничного синтеза двух коллективов до более-менее регламентируемой враждебности. Зачастую в боспорской политике утигуров брали верх открыто паразитарные тенденции. Этот аспект хорошо показан Прокопием в речи рикса Сандилха перед византийскими послами в 552 г. (некоторый хронологический сдвиг ad hoc несуществен): «Живем мы в хижинах в стране пустынной и во всех отношениях

бесплодной» (Bello Goth. VIII.19, 8-18). В зависимости от комплекса факторов у оседавших на землю кочевников могли получить развитие две тенденции: либо седентаризация и постепенное возникновение государственности, либо формирование паразитарной экономики (что в конечном счете и возобладало у утигуров).

Главными факторами возникновения государственности у кочевников были: - эффективность кочевого скотоводства на той или иной территории; - создание в среде кочевых племен потестарно-политической структуры, обладающей достаточно мощным военным потенциалом; - подчинение некоторой части оседло-земледельческого населения; - установление широких контактов с цивилизованным миром [345, с.209]. Несмотря на то, что все эти факторы так или иначе присутствовали у утигуров, формирование собственной государственности у них осталось незавершенным. Лишь во внешней политике утигуры, как и другие сильные гуннские племена, самостоятельно вступали в отношения с Византией, Ираном , другими государствами (см., например: Theoph. под 527 г. о правительнице савиров Боарикс).

Седентаризации гуннов в боспорском регионе препятствовало еще одно обстоятельство. Некрополи Пантикапея, материалы из других боспорских городов свидетельствуют о преобладании христианства на Боспоре во 2-й пол. V в. Между тем, утигуры в лице кочевой знати еще **[112]** во времена Юстиниана противились принятию христианства [100, с.225]. Собственно, восстание против Грода носило антихристианский характер. Из обстоятельств этого мятежа видно, что гунны напали на город и захватили его (т.е. в столице Боспора их не было). Таким образом, мы ясно видим, что боспоряне и утигуры не составляли единого политического организма. Прокопий очень четко говорит о том, что гунны, обитавшие близ Боспора, управлялись своим собственным царем. Боспориты же «в древности были независимы», т.е. ныне входят в состав империи.

Характер общества утигуров, описанный выше, а также теоретическая модель взаимоотношений кочевников с оседлым населением убеждают в том, что Боспор не был и не мог быть в прямом подчинении у кочевников. Действительно, одно, и притом не самое сильное племя не могло и не собиралось непосредственно контролировать территорию и население Боспора. Господствующее положение в северо-кавказских степях утигуры заняли лишь в середине VI в., и вскоре уступили его тюркам [470, с.296]. В V-VI вв. процесс этнического смешения быстро привел к сложению гунно-болгарского этнического массива (утигуры, сарагуры, оногуры) [391], в котором местные сармато-аланские традиции в некоторых отношениях заняли господствующее положение, благодаря тому, что этот массив в своем большинстве состоял из главным образом местных европеоидных племен, а не из пришлых монголоидов [68, с.102; 89] (другое мнение у И.П. Засецкой [203б, с. 156]).

Таким образом, проблема «гуннского протектората» над Боспором сводится к типичным отношениям кочевников с оседлым населением при военно-политической гегемонии первых. Как правило, кочевники в таких ситуациях не ликвидируют попавшие в сферу их влияния очаги цивилизации, а па-

разитируют на них, оставляя без изменений при этом внутреннее политическое устройство последних. Благодаря такому симбиозу Боспор смог пережить «смутное время», не изменяя образа жизни своих обитателей и политического устройства.

Историческая эволюция позднебоспорской государственности тесно связана с комплексными и частными причинами гибели античной цивилизации. Разрушение (или трансформация) цивилизации является прежде всего процессом политическим, т.е. прямо и непосредственно зависит от состояния государства. Общество разрушается тогда, когда оно обнаруживает быструю и значительную утрату определенного уровня социополитической сложности [581, с.4].

Разрушение цивилизованного общества проявляется в следующих факторах:

- снижение степени социальной стратификации и дифференциации;
- - утрата экономической и профессиональной специализации индивидов, групп и территорий;
- - потеря централизованного контроля, т.е. регулирования со стороны различных экономических и политических групп элиты;
- - утрата поведенческого контроля и строгой регламентации жизни;
- - исчезновение элементов, определяющих понятие «цивилизация»: монументальной архитектуры, крупных достижений в искусстве, литературе и т.п.; **[113]**
- - прекращение потока информационного обмена между индивидами, группами, а также между центром и его периферией;
- - замирание обмена, торговли и перераспределения ресурсов;
- - полная утрата координации и организации индивидов и групп;
- - небольшие территории обособляются в отдельные политические единицы, выходя из-под контроля центрального правительства;
- -государство тихо «замирает», на местах продолжает функционировать общественное самоуправление на уровне микросообществ [581, с.42].

Кроме этих факторов для объяснения причин разрушения цивилизованного общества привлекаются следующие обстоятельства:

- истощение ресурсов и жизненных сил общества;
- - основание новых сырьевых баз;
- - ряд непреодолимых катастроф;
- - недостаточный «Ответ» на «Вызов» обстоятельств;
- - влияние других сложных обществ;
- - незваные гости (варвары);
- - классовые конфликты, общественные противоречия, плохое управление и поведение элиты;
- - социальная дезорганизация;
- - мистические (религиозные) факторы;
- - связь случайных событий [581, с.42].

В периоды кризиса и разрушения цивилизаций важнейшую роль играет состояние государства. Западная и Восточная империи наглядный тому пример, два варианта выхода из кризиса античной цивилизации [конкретные факторы см.: 567, с. 1025-1068]. Боспор дает нам еще один вариант, или скорее подвариант разрешения данной проблемы.

В истории всегда существовала сложная диалектика взаимоотношений между естественно сложившимися локальными микросообществами и публичной властью, стоящей над совокупностью первых. Опыт последних столетий привел к «аберрации близости»: граждане современных сложных обществ не осознают, что именно они являются аномалией истории [581, с.24]; естественными же являются простые общества. По подсчетам Р. Карнейро 99, 8% человеческой истории преобладали автономные локальные сообщества [549, с.203-223].

Любое сложное общество в конце своей эволюции распадается на более простые «политические тела» [372, с.171]. Боспор не был исключением из этого правила. Элементарным хозяйственным формам, к которым постепенно переходило позднеантичное общество, должны были соответствовать более простые политические формы.

Основное содержание позднебоспорской истории - постоянно углублявшаяся натурализация хозяйства, разрыв прежних связей, обособление отдельных территориально-хозяйственных комплексов, но, вместе с тем, и расцвет отдельных видов ремесла, и сложение новых внешних связей, что сопровождалось перестройкой внутренней политической системы.

С IV в. в источниках исчезают упоминания об административно-территориальном делении Боспора. Главными причинами этого были: невозможность обеспечения регулярного поступления налогов со всей податной территории и, отчасти вследствие этого, невозможность полноценной обороны границ, организуемой централизованно. **[114]** Автономизация регионов должна была лишить центральное правительство многих его функций, но это не было сепаратизмом, ибо регионы не стремились и не могли стремиться к политической самостоятельности; они просто замыкались на своих собственных хозяйственных и оборонных нуждах и сводили к минимуму свои отношения со столицей. Формирование таких локальных хозяйственных комплексов активно происходило, видимо, уже в середине и 2-й половине IV в. Начался двусторонний процесс отмирания функций центрального госаппарата. С одной стороны, постепенное прекращение налоговых поступлений (при невозможности остановить этот процесс) размывало почву под ногами центрального правительства. С другой стороны, руководство повседневными практическими делами все больше и больше переходило в руки церкви и, быть может, гражданского самоуправления, в результате чего государство в прежнем своем виде оказывалось ненужным.

Хорошую иллюстрацию сходных процессов может дать Херсон. В IV в. здесь существовал политический строй союзного по отношению к империи города. Во главе городского самоуправления стоял первый архонт-эпоним. Должностные лица выбирались из социальной верхушки населения [208,

с.27]. Эпонимные функции первых архонтов сохранялись здесь вплоть до конца IV в. [208а, с.143], равно как и органы городского самоуправления [208а, с.148]. Возможно, первый архонт и епископ были одним и тем же лицом [208а, с.144]. Постепенно начавшееся с V века и возраставшее влияние в этом районе Византии привело к введению в Херсоне (при весьма номинальной политической зависимости) ряда имперских гос. институтов. Так, в конце V в. здесь существовал институт коммеркиариев, или практоров, т.е. особых чиновников, ведавших сбором пошлин [288, с.16-178; надп. 7 от 488 г.]. Ю.А. Кулаковский считал, что коммеркиарий и комит - одна и та же должность, но комит - ее первоначальное название. В связи с этим он полагает, что комит из надписи царя Диуптуна - византийский чиновник при боспорском дворе, исходя из датировки этой надписи 521 г. [278, с.59]. Упоминается и специальное ведомство to prakteion , управлявшее сбором пошлин. Такие ведомства обычно учреждались византийским правительством в приморских областях и городах, имевших важное значение в торговле [453, с.60]. Отсюда становится видно, что местное самоуправление ведало достаточно узким кругом дел, пределы которого определялись практическими нуждами. Ряд функций публичной власти здесь был введен империей. Органы нецерковного гражданского самоуправления в Херсоне существовали еще в конце VII в.: местное самоуправление возглавлял протополит (первенствующий) [539, с.31]. Впрочем, города в Византии обладали подобными органами и ранее, так что в принципе мы можем допустить наличие каких-то форм гражданского самоуправления наряду с церковным и для Боспора V в.

Вообще говоря о снижении реального значения государства и о повышении значения негосударственных структур, необходимо точно классифицировать последние. **[115]** Речь может идти лишь о двух типах: церковной епархиальной организации, объединявшей христианские общины, и остатках гражданского самоуправления. К сожалению, состояние источников пока не позволяет точно определить реальную сумму власти каждой из этих структур и их взаимоотношения. Ясно лишь, что проблема далека от однозначного понимания.

Рассматривая имеющийся материал, видно, что до VI века нельзя говорить о строгой централизации в боспорской епархии, где продолжали существовать автономные «христианские фиасы» (КБН 1099 в интерпретации В.П. Яйленко), нельзя говорить и о полной христианизации хоры европейского Боспора, в начале VI в. появляется вторая епархия - Фанагорийская. С другой стороны, есть косвенные указания на существование нецерковного самоуправления: уже упоминавшееся общественное здание в Танаисе площадью до 50 кв. м, неопубликованная надпись 1962 г. из Фанагории, в которой упоминается протокомит Киммериды Устан («первый в коме», т.е. сельский староста) [530, с.167-168]. В.П. Яйленко считает, что протокомит возглавлял сельский округ Киммериду, т.к. в IV-V вв. там уже не было городов. Если это был глава округа, то, скорее всего, не наместник из центра, а именно глава гражданского самоуправления. Вряд ли это был и византийский наместник, т.к. имперский контроль над Киммеридой был недолгим - около 20 лет. На

местный характер правления Устана указывает также его иранское имя. И.П. Засецкая, подчеркивая, что Боспор длительное время был «самостоятельным сначала государством, а потом городом» [203, с.105], отметила именно данный аспект проблемы, т.е. выход на первый план негосударственных структур. Более конкретного материала, к сожалению, пока нет.

Значительный интерес представляет процесс локализации отдельных районов. Мы можем сейчас лишь наметить его основные черты. Данный процесс наметился еще в первые века н.э. Готские походы, подорвавшие прежнюю систему обороны, способствовали переходу отдельных районов к организации самооoбороны. Немало способствовали обособлению естественные рубежи: островной характер азиатской стороны, а на европейской - ряд долин, примыкавших к морю, с кольцеобразным кряжем вокруг, с ручьем или колодцем в центре относительно замкнутого сельскохозяйственного района [101, с.177]. Многие такие районы опирались на сохранявшиеся линии оборонительных валов (в основе их лежала каменная насыпь, они неоднократно подсыпались и укреплялись) [325, с.15]. В городах или крепостях, ставших центрами небольших округ, должны были выйти на первый план органы негосударственного управления: церковные или гражданские для решения общих дел. В этом убеждают некоторые аналогии из истории римских провинций.

В западных провинциях, оказавшихся в V в. под властью варваров, отмечается процесс рассредоточения старого римского населения во внутренние области провинций [236, с.117]. **[116]** Гражданская община в большинстве бывших провинций сохраняется и действует преимущественно как община христианская, но в традициях города империи [236, с.118]. Взимание продуктового, а может быть и денежного в пользу варваров было возможно при содействии муниципальных властей. Город еще в конце V в. функционировал как финансовый организм, так как отвечал за поставку трибута [236, с.120]. В Норике в контактах с варварами позднеримский город выступает как единый социальный и хозяйственный механизм, и как центр культурно-идеологического воздействия в варварской среде.

Культурно-идеологическое воздействие города исходило от церкви и осуществлялось гл. обр. в миссионерской деятельности среди варваров [236, с.119]. В Тулузском королевстве вестготов в Галлии основой жизни галло-римлян оставалась городская община при политическом господстве готских королей [243, с.50-51]. Интеграции местного и варварского населения здесь не произошло. В вестготской Испании в начале VI в. короли санкционируют деятельность позднеримских органов гос. управления, а во 2-й пол. VI в. в политическом устройстве государства усиливается значение элементов позднеантичной государственности [243, с.66]. В Римской Африке в V в. города оказались в полной изоляции от империи, т.е. от тех социально-экономических и политических условий, которые в свое время привели к появлению здесь античного города [84, с.18].

Города здесь лишились экономической базы - земли, были лишены сенатов и превратились в простые скопления жителей - агломерации [84, с.16].

Город утратил позднеантичный характер, а городские сенаты частично превратились в органы, лишь выполнявшие распоряжения варварского короля. Это была не эволюция, а скорее умирание позднеантичного города [84, с.19]. Что касается исторических судеб города на востоке империи, то главный вывод многих специалистов - до конца античности город здесь в основном сохранял позднеантичный характер [282, с.45; 281].

И.Т. Кругликова, не отрицая того, что после прихода гуннов боспорская государственность сохранилась, отмечает, что «возникшее на развалинах Боспорского царства государство носило уже иной (не античный - Н.Б.) характер, приближаясь, вероятно, к варварским государствам раннего средневековья» [252, с.24]. Высказанный лишь в качестве общего суждения, этот тезис, несомненно, не учитывал того обстоятельства, что история и материальная культура Боспора IV-VI вв. есть логическое продолжение предыдущего этапа, а не совершенно новый. Политическая структура Боспора после гуннов была в большей степени позднеантичной, нежели сходной с варварскими королевствами. Видимо, И.Т. Кругликова под варварским характером государства подразумевала как необратимую варваризацию самого Боспора, так и «гуннский протекторат» над ним. **[117]**

Но, как мы старались показать, варваризация Боспора не была столь значительной, а гунны не имели прямой власти над Боспором. Кроме того, как известно, раннесредневековые варварские королевства при наличии самого факта завоевания территории с позднеантичной государственной организацией, в основном используют элементы этой государственности (налоговую систему, территориальное деление, таможенную и монетную системы и т.д.), а также христианскую церковь как дополнительный рычаг власти [214, с.488]. Так был ли Боспор своего рода «предтечей» или аналогией будущих варварских государств Европы? 1) На Боспоре издавна селились варвары, влиявшие на его общественное устройство и уклад жизни.

2) Со II-III вв. можно говорить о греко-варварском характере государства на всех уровнях, но греческий элемент всегда преобладал.

3) С конца III в. готы, а с конца IV в. гунны, политически доминировавшие в боспорском регионе, не вмешивались во внутреннее государственное устройство Боспора.

4) В отличие от варварского королевства, в котором варвары и «римляне» живут каждые по своим законам, но над теми и другими стоит король-варвар и его войско, на Боспоре ни один из гуннских риксов не был правителем Боспора, никогда варварское право не имело силы. Таким образом, греко-варварский характер Боспорского государства вызревал исподволь, в результате естественного внутреннего развития, а не был принесен извне. Ранее других государств столкнувшись с варварами, Боспор все же в большей степени ассимилировал их, нежели растворился в варварском море (как западные римляне). Поэтому Боспор IV-V вв. - это позднеантичное государство на последней стадии его эволюции, когда вместе с государством умирала и сама цивилизация.

Вместе с тем, Боспор еще в V в. имел немалый потенциал в рамках поздней античности. Как ни парадоксально, но главными хранителями прежнего уклада жизни на Боспоре стали знатные роды сарматского происхождения. Именно они в I пол. V в. обладают монополией на участие в гуннских походах, они же во 2-й пол. V в. контролируют внешнюю торговлю. Наследственные родовые склепы в Керчи говорят о мощи боспорской аристократии в V в. [252, с.221]. Для поздней античности вообще характерен счет родства по-семейному [402, с.224]. Это говорит о преемственности традиций и континуитете господствующего класса Боспора на протяжении всех «темных десятилетий». При этом частно-правовые отношения постепенно выходили на первое место, что, в общем-то, не случайно: личные связи всегда возрастают там, где распадается государственный авторитет [151, с.8]. Этот процесс не был исключительно боспорским феноменом. Общеизвестна роль варваров в истории поздней Римской империи. Да и формы организации общественной жизни во многих провинциях империи претерпевали сходную эволюцию, с той лишь разницей, что там можно провести точную грань конца поздней античности - дату прекращения действия римской администрации (эвакуация Норика, Британии, Оверни). **[118]** Значительная роль боспорской аристократии, видимо, оказала влияние на некоторое оживление экономики Боспора в V в., которое «было проявлением именно внутренних процессов в жизни края и определялось не Византией» [535, с.149]. Влияние Боспора на окружающий его племенной мир было столь ощутимым, что Л.А. Мацулевич назвал его «феодальным центром широкой области» (термин «феодальный» в данном случае нуждается в уточнении) [333, с.116].

Итак, Боспорское государство в эпоху поздней античности постепенно эволюционировало от постэллинистической ориентализованной монархии к конгломерату локальных сообществ с самоуправлением на местном уровне. Вхождение Боспора в состав Византийской империи привело к возникновению там новой политической надстройки - военной и гражданской, но и ее генетическая сущность была позднеантичной. История Боспора V в. - это «раскрывающееся средневековье» [332, с.60].

Исторические итоги боспорской государственности заключаются в следующем. Боспор с самого начала своей истории входил в зону античной государственности. Вместе с территориями, охваченными «вторичной колонизацией», эта зона дошла до устья Танаиса на севере и до Геленджикской бухты на востоке. Основное ядро боспорских территорий сохранялось и в период поздней античности.

Северное Причерноморье было периферийной зоной античной цивилизации, в которой переплетались тенденции развития, свойственные цивилизации в целом, с тенденциями, порожденными особыми условиями ее существования бок о бок с миром варварских племен [60, с.6]. Традиционно понимаемая периферийность Северного Понта ставит его в положение второстепенной области, удаленной от главных центров развития и лишь воспринимающей импульсы, идущие от них. При таком понимании периферийность, как понятие исторической географии, приобретает расширительное значение,

превращается в категорию социологическую: данный регион как бы автоматически признается второстепенным с точки зрения процесса исторического развития античной цивилизации. Это далеко не так. Северный Понт вообще, и Боспор как его основная часть, были источником своеобразного развития в ряде сфер, в том числе в области государственности, экономики, культуры. В некоторых случаях Боспор опередил метрополию, иногда определенные явления возникали здесь позднее, чем на материке, порой - в сильно трансформированном виде.

Среди основных явлений, в которых Боспор предвосхитил метрополию - предэллинизм, интенсивное греко-варварское взаимодействие сначала колониального, затем эллинистического типа, раннее формирование отношений типа колонатных, раннее отделение государственной службы от гражданского общества, ранняя бюрократизация, династизм и сакрализация двора. **[119]**

Боспор был единственным постэллинистическим государством, в своей основе греческим, сохранившим независимость под римским протекторатом. Именно здесь сложился великий греко-иранский синтез, «эллинистический иранизм» [401, с.19], который являлся одним из наиболее интересных культурных сплавов древнего мира.

Континуитет IV-VI вв. на Боспоре охватывает не только сферу материальной культуры, но и политическую организацию. Это - главное отличие Боспора от строя варварских королевств Западной Европы.

Поздний Боспор был традиционным обществом, в котором все социальные отношения были глубоко консервативными, а новые явления (например, христианство) принимали издавна известные и привычные формы. Таковым, в принципе, было и позднеантичное общество в целом, а его главной консервативной силой выступало государство. Любое традиционное общество трансформируется в основном как результат изменений в балансе власти между различными секторами, а также из-за внешних влияний. Поэтому «шедевром консерватизма» можно с полным правом назвать не только Боспорское государство, но и боспорское общество.

Весь проанализированный материал подводит нас к следующим выводам:

1. Государство на Боспоре в IV-V вв. существует. Его основные функции: организация обороны страны и охраны границ, организация хозяйственной жизни на «царской земле», сбор налогов, внутренние функции охраны порядка и безопасности.

2. Характер позднеантичной боспорской государственности: грековарварская монархия, восходящая к позднеэллинистическим и иранским источникам, с обширным бюрократическим аппаратом и тремя видами государственной службы, с административно-территориальным делением.

3. Социальная структура позднего Боспора: аристократия сарматского происхождения, городское гражданство, сельское земледельческое население.

4. Наряду с государственными институтами существуют негосударственные структуры и социальные микросообщества, которые со временем начинают играть все более важную роль в условиях ослабления государства.

5. Этническая ситуация характеризуется большой сложностью. Население Боспорского государства объединялось в культурно-террито-риальную общность «боспоряне» при ведущей роли греческого элемента. Выдающейся в истории Боспора была роль иранских племен, в эпоху поздней античности - аланов. Благодаря им боспорская культура распространилась далеко на запад во времена гуннского господства. Сами гунны и готы на этническую ситуацию повлияли незначительно. Варваризация Боспора не стала необратимой.

6. Конфессиональная ситуация в III-V вв. отличалась значительной сложностью. Христианство становится господствующей религией в V в., но христианизация вплоть до VI в. не была завершена. **[120]**

7. Церковь в лице епископальной организации во многом выступала преемником угасавшего государства в организации сложных форм общественной жизни.

8. «Гуннский протекторат» не повлиял на внутреннее устройство Боспора и свелся к типичным отношениям кочевников с оседлым населением. Этот симбиоз помог Боспору пережить «смутное время».

9. В течение V в. государство на Боспоре постепенно утрачивало свои функции и «отмирало», превращаясь в ряд автономных локальных сообществ, бывших хозяйственно-территориальными комплексами с естественными границами.

10. Находясь на периферии античного мира, Боспор имел статус клиентского государства, фактически сошедший на нет к концу IV в.

11. Боспор имел ряд общих черт с государственностью и социальной структурой соседних периферийных государств: Лазики, Армении, Иберии.

12. Процесс смены любого общества древнего типа обществом средневекового типа есть «не внезапная катастрофа, но постепенный процесс довольно медленного перерождения государства и общества, постепенно воспринимавшего в себя варварские элементы» [372, с.185]. **[121]**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходным моментом в исследовании позднего Боспора и его государственности послужило понимание позднеантичной эпохи как особой, завершающей ступени в развитии античной цивилизации. В ней можно выделить ряд структурообразующих признаков-элементов, которые придают эпохе внутреннее единство. Ведущей силой, главным фактором эпохи было государство - мощная консервативная сила, стремившаяся всеми силами сохранить традиционные основы общественной жизни. Именно государство цементировало сложнейшие разносторонние процессы, происходившие тогда в средиземноморском мире. Известная унификация экономической жизни в империи нашла отражение в принципиальном единстве материальной культуры на всей территории распространения позднеантичной цивилизации.

В позднеантичную эпоху сохраняется система периферийных государств с клиентским по отношению к империи статусом, которые служили буфером между восточными рубежами Рима и иранским миром.

В отличие от большинства государств этой системы, в которых преобладал местный восточный этнический элемент и иранские политические традиции, Боспорское государство сохраняло позднеантичные основы общественной жизни и государственности. История Боспора на протяжении конца III - начала VI вв. обнаруживает непрерывное естественное развитие. Ни один из народов, приходивших на Боспор в позднеантичное время, не нарушил уклад его жизни и политическое устройство. Археологический материал из многих боспорских городов и сельских поселений дает хотя и пока фрагментарную, но все же достаточно яркую картину именно позднеантичного характера боспорского общества того времени. Сложные этнические процессы, важная роль ираноязычных племен привели к глубокому культурному синтезу, но не к смешению этносов. Миксэллины-боспоряне сохранили свою роль ведущего этноса при анализе факторов выделения этнических общностей (язык, территория, особенности психического склада, культуры и быта, определенная форма социально-территориальной организации) [233, с.111]. Сложные религиозные процессы привели в конечном счете к принятию христианства. Несмотря на наличие уже в I пол. IV в. епископальной организации, церковь на Боспоре сталкивалась с серьезными пережитками язычества и следами традиционной для Боспора религиозной организации.

Модель боспорской государственности позднеантичного времени представляется в следующем виде:

- государство в IV-V вв. существует постоянно вследствие непрерывного развития и единства материальной культуры, отсутствия катастрофических разрушений извне, сохранения центральной царской власти и правительственного аппарата, сохранения собственного летоисчисления, денежного обращения даже после прекращения чеканки, социальной стратификации и соответствующих государственной организации уровня сложности социальных структур, сохранения монументальных общественных сооружений (крепостных стен, базилик, общественных зданий в городах); **[122]**

- основные функции государства в то время: организация обороны страны и прикрытие дальних подступов к рубежам империи, организация хозяйственной жизни на «царской земле», сбор налогов, внутренние функции охраны порядка;

- характер поздней боспорской государственности: царская власть имела источниками политические представления эллинистического Востока, иранского мира в форме митридатизма, клиентский статус по отношению к Римской империи; значительная бюрократизация, некоторые пережитки муниципальной организации, подразделение государственной службы на военную, гражданскую и дворцовую и т.д.;

- клиентский статус по отношению к Римской империи соответствовал принятому порядку [546] но с конца III в. объем связей с Римом сокращается,

а с конца IV в. клиентские отношения фактически прекращаются, сохраняются лишь связи церковные;

- историческая эволюция боспорской государственности связана с двумя главными факторами: 1) гегемония гуннского союза в степях Северного Причерноморья привела к определенной зависимости Боспора от кочевников, а со 2-й пол. V в. можно вести речь о «гуннском протекторате», который, однако, не привел к серьезным изменениям внутренней жизни; 2) постепенное сокращение реальной власти государства, переход к локальным хозяйственно-территориальным комплексам при номинальном сохранении единства, повышение роли церкви (а на низовом уровне и нецерковных микрособществ) в организации общественной жизни; в итоге - постепенное «замирание» государства (в результате комплекса экономических и политических причин), которое было остановлено византийской аннексией.

Каждое отдельное общество является социально-историческим организмом, основной социальной ценностью [148, с.14], поэтому изучение каждого общества представляет несомненный интерес. Уникальный исторический опыт Боспорского государства интересен тем более. На протяжении тысячи лет Боспор развивался эволюционным путем, входя в систему античной цивилизации. Его тесные связи с окружающим миром варварских племен предопределили его изучение в отечественной науке на широком историческом фоне, в системе его исторических связей. Настоящая работа, несмотря на тенденцию к некоторым обобщениям, лишь намечает общие контуры истории позднего Боспора и его места в системе позднеантичной периферии. Перспективы дальнейшего изучения позднего Боспора неразрывно связаны с широкими археологическими исследованиями. Накопление материала и его историческая интерпретация позволят создать более полную картину истории позднего Боспора - общества, «раскрывающегося в средневековье». **[123]**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

Источники.

1. *Авеста:* избранные гимны. - Душанбе: Адиб, 1990. - пер. И.М. Стеблин-Каменского. - 176 с.; Авеста. - М.: Дружба народов,1992. - 222 с.

2. *Агафий:* Agathias Murinaeus. Historiae // HGM. - Lipsiae, 1871. Vol.II. - P.132-392; Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. М.-Л.,1953. - Пер.М.В.Левченко. - 222 с.

3. *Аммиан Марцеллин:* Ammianus Marcellinus. Romische Geschichte/ Latin. und Dt. - B., 1968-1971. - Bd. I-IV; Аммиан Марцеллин. История. - Киев, 1906-1908. - Пер.Ю.Кулаковского и А.Сонни. - Т. 1-3. - 317, 303, 326 с.

4. *Арриан.* Перипл Понта Эвксинского // ВДИ. - 1948.N 1. - С. 265-275.

5. *Дексипп:* Dexippus Atheniensis. Historia/Ed. B.G.Niebuhr // GSHB. - Bonn, 1829. - P. 11-38; Дексипп. События после Александра. История. О скифской войне // Византийские историки. - Т.5. - СПб., 1860. - Пер. С.Дестуниса; Дексипп // ВДИ. - 1948. N 2. - С. 308-311.

6. *Дион Кассий:* Dio's Roman History / Text and transl. Ed. E.Cary.- Vol.I-IX. - Cambr.- L., 1970.

7. *Евнапий:* Eunapius Sardianus. Fragmenta/Ed. B.G.Niebuhr // CSHB. Bonn, 1829. - P. 41-118; Евнапий. Продолжение Истории Дексиппа // Византийские историки. - Т.5. - СПб., 1860. - Пер. С.Дестуниса; Евнапий // ВДИ. - 1948. N 3. - С. 272-275.

8. *Евсевий Памфил.* Жизнь Константина // Евсевий. Сочинения. - Т.2.-СПб.,1858.

9. *Егише.* О Вардане и войне армянской. - Ереван, 1971. - Пер. И.А.Орбели. - 192 с.

10. *Зосим:* Zosimus comes. Historia nova / Ed. Imm.Bekker // CSHB. Bonn, 1837. - P. 7-328; Zosimus. New history / Ed. R.Ridley. - Canberra,

1984. - 263 p.; Зосим. Новая история // ВДИ. - 1948. N 4. С. 274-288.

11. *Иоанн Златоуст.* Творения. - Т.3. - СПб.,1900.

12. *Иордан.* О происхождении и деяних гетов (Getica) / Текст и пер. Е.Ч.Скржинской. - М.,1960. - 435 с.

13. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Текст и пер. под ред. Г.Г.Литаврина, А.П.Новосельцева. - М., 1989. - 496 с.

14. *Корпус боспорских надписей.* - М.-Л., 1965. - 952 с.; B.Latyshev. Inscriptiones orae Septentrionalis de Ponti Euxini. - V.II.-Petropoli, 1898.

15. *Малала:* Joannis Malalae. Chronographia / Rec. L.Dindorf. // CSBH. - Bonn, 1831.

16. *Менандр:* Menander Protector. Fragmenta/Ed. B.G.Niebuhr // CSBH. Bonn, 1829. - P. 281-244; Менандр Протиктор. История // Византийские историки. - Т.5. - СПб., 1860. - Пер. С.Дестуниса.

17. *Мовсес Хоренаци.* История Армении. - Ереван, 1990. - Пер. Г.Саркисяна. - 292 с.

18. Notitia Dignitatum omnium tam civilium quam militarium utriusque imperii / Ed. O.Seeck. - B., 1876. - 339 p.

19. *Олимпиодор:* Olympiodorus. Fragmenta // HGM. - Leipzig, 1870. V.I - P.450-472; Олимпиодор. История // ВВ. - Т.8. - М., 1956.-Пер. Е.Ч.Скржинской. - С.223-276.

20. *Полное описание Вселенной и народов:* Expositio totius mundi et gentium // GGM. - P., 1861. - V.II. - P. 513-528; Полное описание Вселенной и народов // ВВ. - Т.8. - М., 1956. - Пер. С.В.Поляковой, Н.В.Феленковской. - С. 277-305.

21. *Приск:* Prisci. Excerpta de legationibus / Ed. Imm.Bekker, B.G. Niebuhr // CSHB. - Bonn, 1829. - P. 137-228; Приск Панийский. Византийская история и деяния Аттилы // Ученые записки II Отделения Академии наук. - Т.7, вып.1. - СПб., 1861. - 112 с. - Пер. С.Дестуниса; Приск // ВДИ. - 1948. N 4. - С. 244-267.

22. *Прокопий:* Procopii Caesariensis. Opera omnia / Ed. J.Haury, G.

Wirth. - Leipzig, 1962-1965. - Vol. I-IV; Прокопий Кесарийский. О постройках // ВДИ. - 1939. N 4. - Пер. С.П.Кондратьева. - 98 с.

23. *Прокопий Кесарийский.* История войн римлян с готами. - М., 1950. - Пер. С.П.Кондратьева. - 516 с.

24. *Прокопий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. - М., 1993. - Пер. А.В.Чекаловой. - 571 с.

25. *Псевдо-Арриан:* Anonymus. Periplus Ponti Euxini // GGM. - P., 1855. - Vol.I. - P. 402-426; Псевдо-Арриан. Перипл Понта Эвксинского // ВДИ. - 1948. N 4. - С. 226-238.

26. *Писатели Истории Августов:* Scriptores Historiae Augustae.-L., 1967; Властелины Рима. - М., 1992. - Пер. С.П.Кондратьева.-384 с. (Библиотечка ВДИ).

27. *Птолемей:* Ptolemaeus Claudius. Geographia / Ed. K.Muller, C.T. Fischer. - Vol. I-II. - P., 1883-1901; Птолемей. Географическое руководство // ВДИ. - 1948. N 2. - С. 231-257.

28. *Синезий:* Synesius Cyrenensis. Oratio de regno // PG. - V.LXVII, col. 1053-1108. - P., 1859; Синезий. О царстве // ВВ. - Т.6. - М., 1953. - Пер. М.В.Левченко. - С. 327-357.

29. *Созомен:* Sozomenus. Historia ecclesiastica // PG. - V.LXVII, col. 843-1630. - H., 1859; Созомен. Церковная история // ВДИ. - 1948. N 3. - С. 302-312.

30. *Сократ:* Socrates. Historia ecclesiastica // PG. - V. LXVII, col. 28-842. - P., 1859; Сократ Схоластик. Церковная история // ВДИ. - 1948. N 3. - С.286-292.

31. *Стефан Византийский:* Stephani Byzantii Ethnicorum quae supersunt /Rec. A.Meinekii. - B., 1849; Стефан Византийский. Описание племен // ВДИ. - 1948. N 3. - С. 312-330.

32. *Страбон:* Strabo. Geographica / Ed. A.Meinekii. - Leipzig, 1895-1899. - V. I-III; Страбон. География. - М.,1964. - Пер. Г.А.Стратановского. - 943 с.

33. *Фавстос Бюзанд.* История Армении. - Ереван, 1953. - 254 с.

34. *Фемистий:* Themistii. Orationes quae supersunt / Ed. H.Schenkl.- Lipsiae, 1965. - 339 p.; Фемистий. Речи // ВДИ. - 1948. N 3. - С. 259-265.

35. *Феодорит:* Theodoretus. Historia ecclesiastica // PG. - V. LXXXII, col. 881-1280. - P., 1859; Феодорит епископ Кирский. Церковная история. - М., 1993. - 240 с.; Феодорит // ВДИ. - 1948. N 3. - С. 293-301.

36. *Феофан:* Theophanus. Chronica // CSHB. - Bonn, 1829; Феофан Исповедник. Летопись. - М., 1890. - Пер. В.Оболенского, Ф.Терновского. - 370 с.

37. *Филосторгий:* Philostorgius. Historia ecclesiastica // PG. V. LXV, col. 459-638. - P., 1858; Филосторгий. Сокращение Церковной истории // ВДИ. - 1948. N 3. - С. 280-283.

38. *Юстиниан: Corpus Juris Civilis.* Институции Юстиниана / Текст и пер. Д.Расснера. - Вып. 1-4. - СПб., 1888-1890. - 386 с.

39. *Новый географический текст* // ВДИ. - 1938.N 4. - С. 252-255. Пер. М.Шангина.

Исследования.

40. *Абаев В.И.* Культ "семи богов" у скифов // Древний мир. - М., 1962. - С. 445-450.

41. *Абрамов А.П.* Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. - N 3. - М., 1993. - С. 4-135.

42. *Агбунов М.В.* Проблемы и перспективы изучения произведений античных авторов в Причерноморье // Древнейшие государства на территории СССР. 1982. - М., 1984. - С. 5-11.

43. *Агбунов М.В.* Античная археология и палеогеография // КСИА N 191. - М.,1987. - С.3-6.

44. *Адонц Н.Г.* Армения в эпоху Юстиниана. - Ереван, 1971 (2-е изд.). - 526 с.

45. *Айбабин А.И.* Погребения 2-й половины V - I половины VI вв. в Крыму // КСИА N 158. - М.,1979. - С. 22-34.

46. *Айбабин А.И.* Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // СА. - 1984. N 1. - С. 104-122.

47. *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. - Симферополь, 1990. - Вып.1. - С. 3-86.

48. *Айналов Д.В.* Три древнехристианских сосуда из Керчи. - СПб., 1891. - 14 с.

49. *Алексеев В.П.* К вопросу о семантике сложных царских знаков Боспора // СА. - 1991. - N 2. - С.67-71.

50. *Алексеева Е.М.* Горгиппия в системе Боспорского царства первых веков н.э. // ВДИ. - 1988. - N 2. - С.66-85.

51. *Алексеева Е.М., Арсеньева Т.М.* Стеклоделие Танаиса // СА. - 1966. - N 3. - С.176-182.

52. *Алексюк Р.П.* Аппарат управления и власти как общесоциологическая категория. - Воронеж: ВГУ,1974. - 174 с.

53. *Амброз А.К.* Фибулы юга Европейской части СССР // Свод археологических источников. Д1-30. - М.,1966. - 126 с.

54. *Амброз А.К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. - 1971. - N 2. - С.96-123.

55. *Амброз А.К.* К итогам дискуссии по археологии гуннской эпохи в степях Восточной Европы (1971-1984) // СА. - 1985. - N 3. - С. 293-303.

56. *Амброз А.К.* Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. - N 1. - М.,1992. - С.6-108.

57. *Андрианов Б.В.* Историческое взаимодействие кочевых культур и древних земледельческих цивилизаций в свете концепции о хозяйственно-культурных типах // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. - Алма-Ата,1989. - С.8-21.

58. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса(IV в. до н.э. - XII в. н.э.). - Киев,1977. - 175 с.

59. *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. - Киев,1986. - 182 с.

60. Античные государства Северного Причерноморья. - М., 1984. 392 с.

61. *Анучин В.А.* Географический фактор в развитии общества. - М., 1982. - 334 с.

62. *Анфимов Н.В.* Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и в средние века. - М.,1980.- С.92-113.

63. *Арсеньева Т.Н.* Некрополь римского времени у дер. Ново-Отрадное // СА. - 1963. - N 1. - С. 192-203.

64. *Арсеньева Т.Н.* Могильник у дер.Ново-Отрадное // МИА N 155.- М., 1970. - С. 82-149.

65. *Арсеньева Т.Н., Шелов Д.Б.* Раскопки юго-западного участка Танаиса (1964-1972 гг.) // Археологические памятники Нижнего Подонья. - М., 1974. - С. 14-26.

66. *Арсеньева Т.Н.* Некрополь Танаиса. - М., 1977. - 152 с.

67. *Арсеньева Т.Н.* Краснолаковая керамика из Танаиса конца IV-начала V вв. н.э. / КСИА N 168. - М., 1981. - С. 43-47.

68. *Артамонов М.И.* История хазар. - Л., 1962. - 523 с.

69. *Асатиани Л.* Краснолаковая керамика из Пицунды // Великий Питиунт. - Тбилиси, 1977. - Т.2. - С. 177-210.

70. *Астахов В.А.* К вопросу об обожествлении боспорских царей // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ.-М., 1986. - С. 13-15.

71. *Астахов В.А.* Боспорское царство в I в. до н.э. - IV в. н.э.: политическая организация. - Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1991. - 18 с.

72. *Астахов В.А.* Боспорское царство в I в. до н.э. - IV в. н.э.: политическая организация. - Дисс. ...канд. ист. наук. - М., 1991.-239 с.

73. *Атавин А.Г.* Влияние природных факторов на жизнь Таманского полуострова (на примере Фанагории) // Методы естественных наук в археологии. - М., 1987. - С. 29-35.

74. *Атавин А.Г.* Лощеная керамика средневековой Фанагории // Боспорский сборник N 1. - М., 1992. - С. 173-211.

75. *Атавин А.Г.* Краснолаковая керамика IV-VI вв. н.э. из Фанагории // Боспорский сборник N 2. - М.,1993. - С.149-171.

76. *Бабков И.И.* Климат Крыма. - Л.,1961. - 88 с.

77. *Бадер А.Н.* К вопросу о "парфянском сенате" // Проблемы исследований античных городов. - М.,1989. - С.17-18.

78. *Бажан И.А., Щукин М.Б.* К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазонне эпохи Великого переселения народов // АСГЭ. - Т. 30. - Л., 1990. - С. 83-96.

79. *Баженова Т.М.* Христианская церковь в политической системе Римской империи IV в. // Вопросы политической организации рабовладельческого и феодального общества. - Свердловск,1984. - С.80-89.

80. *Баранов И.А.* Погребение V в. в Северо-Восточном Крыму // СА. 1973. - N 3. - С.243-245.

81. *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. - Киев, 1990. - 165 с.

82. *Бахрах Б.С.* Аланы на Западе. - М.,1993. - 191 с.

83. *Беляев С.А.* Краснолаковая керамика Херсонеса IV-VI вв. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. - Л., 1968. - С.32-38.

84. *Беляев С.А.* Города римской Северной Африки во времена владычества вандалов (по данным Виктора из Виты). - Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Воронеж,1970. - 20 с.

85. *Беляев С.А.* К вопросу о североафриканской краснолаковой керамике IV в. н.э. из Херсонеса и Керчи//КСИА N 130.-М.,1972. - С.122-125.

86. *Бенешевич В.Н.* Синайский список отцов Никейского I Вселенского собора // ИАК. - VI серия. - Т.2. - СПб.,1908. - С.281-306.

87. *Берзина Г.Я.* Мероэ и окружающий мир I-VIII в. н.э. - М.,1992. - 350 с.

88. *Беренбейм Д.Я.* Керченский пролив во времена Страбона в свете новейших данных об изменении уровня Черного моря // СА. - 1959. N 4. - С. 42-52.

89. *Бернштам А.Н.* Очерки истории гуннов. - Л.,1951. - 256 с.

90. *Бешевлиев В.* Ирански елементи у първобългарите // Античное общество. - М.,1967. - С.237-247.

91. *Бицилли П.М.* Падение Римской империи. - Одесса,1919. - 104 с.

92. *Блаватская Т.В.* Рескрипты царя Аспурга // СА. - 1965. - N 2. С.197-200.

93. *Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках Фанагории в 1936-37 гг. // ТГИМ. - Вып.XVI. - М.,1941. - С.44-48.

94. *Блаватский В.Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. - М.,1953. - 208 с.

95. *Блаватский В.Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. - М.,1954. - 164 с.

96. *Блаватский В.Д.* 4-й год раскопок в Синдике // КСИИМК N 70. М.,1957. - С.115-121.

97. *Блаватский В.Д.* Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. - М.,1959. - С.7-39.

98. *Блаватский В.Д.* Подводные раскопки Фанагории в 1959 г. // СА. 1961. - N 1. - С.277-279.

99. *Блаватский В.Д.* Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961. - 230 с.

100. *Блаватский В.Д.* Пантикапей: очерки истории столицы Боспора. М., 1964. - 232 с.

101. *Блаватский В.Д.* Античная полевая археология. - М.,1967.-208 с.

102. *Блаватский В.Д.* Природа и античное общество. - М.,1976.-79 с.

103. *Блаватский В.Д.* О культе римских императоров на Боспоре // Блаватский В.Д. Античная археология и история (сб. статей).-М.,1985. - 130

С.191-198.

104. *Блаватский В.Д.* Боспор в позднеантичное время // Блаватский В.Д. Античная археология и история (сб. статей). - М.,1985. - С.242-260.

105. *Бокщанин А.Г.* Парфия и Рим. - М.,1966. - Т.1: 251 с. - Т.2: 303 с.

106. *Болотов В.В.* Лекции по истории древней церкви. - Т.3. - М., 1913. - 340 с.

107. *Болтунова А.И.* Из черновиков В.В.Латышева // ВДИ. - 1951. N 2. - С.120-126.

108. *Болтунова А.И.* Надписи Горгиппии (из находок 1971-1981 гг.) // ВДИ. - 1986. - N 1. - С.43-61.

109. *Бордмэн Дж.* Проблемы и перспективы в истории и археологии колонизации Причерноморья до II в. до н.э. // ВДИ. - 1994. N 2.-С.97-99.

110. *Брабич В.М.* Боспорский клад статеров III в. н.э. из Тиритаки // ТГЭ. - Вып.IX. - Л., 1967. - С. 26-31.

111. *Брукс К.* Климаты прошлого. - М., 1952. - 356 с.

112. *Буассье Г.* Падение язычества. - М., 1892. - 608 с.

113. Буассье Г. Римская религия от времен Августа до Антонинов. М.,1914. - 735 с.

114. *Буданова В.П.* Передвижения готов в Северном Причерноморье и на Балканах в III в. (по данным письменных источников) // ВДИ. 1982. - N 2. - С.155-174.

115. *Буданова В.П.* Древние авторы о размещении готов на Балканах накануне их переселения на территорию империи // ВВ. - Т.46. - М., 1986. - С.52-58.

116. *Буданова В.П.* Контакты готов с племенами Barbaricum solum и ранневизантийской империей // ВВ. - Т.49. - М.,1988. - С.100-111.

117. *Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов.- М.,1990. - 232 с.

118. *Буданова В.П.* Этнонимия племен Западной Европы: рубеж античности и средневековья. - М.,1991. - 286 с.

119. *Бурачков П.О.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям на северном берегу Черного моря. - Одесса,1884. - 289 с.

120. *Бучинский И.Е.* О климате прошлого русской равнины. - Л.,1957 (2-е изд.). - 142 с.

121. *Васильев А.А.* Готы в Крыму. - Ч.1: ИРАИМК. - Т.I. - М.,1921.- С.263-344; Ч.2: ИГАИМК. - Т.V. - Л.,1927. - С.179-282.

122. *Васильевский В.Г.* Труды в 4-х тт. - Т.2. - Вып.1-2. - СПб., 1909-1912. - 427 с.

123. *Васильев А.Н.* К вопросу о соправительстве на Боспоре // Проблемы античного источниковедения. - М.-Л.,1986. - С.33-45.

124. *Вебер М.* Аграрная история древнего мира. - М.,1923. - 411 с.

125. *Виноградов Ю.А.* Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. - М.,1992. - С. 99-119.

126. *Виноградов Ю.А.* К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // АМА. N 9. - Саратов, 1993. - с.79-84.

127. *Винокуров Н.И.* Эпиграфические источники по боспоро-римскому вопросу // Проблемы исследований античных городов. - М.,1989. - С. 28-29.

128. *Витченко А.М.* Теоретические проблемы исследования государственной власти. - Саратов,1982. - 194 с.

129. *Войцеховский С.Ф.* Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова, применительно к эпохе Страбона и позднейшему времени // Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории, этнографии. - Кн.I (том III). - Вып.5-6. - Ростов,1929. - С.4-9.

130. *Воронов А.А., Паромов Я.М.* Планировочные принципы в организации расселения на Таманском полуострове в античную эпоху // Проблемы исследований античных городов. - М.,1989. - С.29-31.

131. *Воронов А.А., Михайлова М.Б.* Боспор Киммерийский. - М., 1983. - 184 с.

132. *Воронов Ю.Н.* Краснолаковая посуда Апсилии (V-VI вв.) // Известия Абхазского института языка, литературы и истории. - Тбилиси,1983. - Вып.12. - С.88-95.

133. *Высотская Т.Н.,Черепанова Е.Н.* Находки из погребений IV-V вв. в Крыму // СА. - 1966. - N 3. - С.187-196.

134. *Высотская Т.Н.* Поздние скифы в юго-западном Крыму. - Киев, 1972. - 192 с.

134 а. *Высотская Т.Н.* Культы и обряды поздних скифов // ВДИ. - 1976. N 3. - С.51-59.

135. *Высотская Т.Н.* Неаполь - столица государства поздних скифов.-Киев,1979. - 207 с.

136. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV-X вв.- Л.,1979. - 216 с.

137. *Гадло А.А.* К истории Восточной Таврики VIII-X вв. // АДСВ.- Свердловск,1980. - С.137-139.

138. *Гаибов В.Г., Кошеленко Г.А., Сердитых З.В.* Эллинистический Восток // Эллинизм: восток и запад. - М.,1992. - С.37-58.

139. *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. - М.-Л.,1949. - 622 с.

140. *Гайдукевич В.Ф.* Боспорский город Илурат // СА. - Т.XIII. М.,1950. - С.173-204.

141. *Гайдукевич В.Ф.* Памятники раннего средневековья в Тиритаке // СА. - Т.VI. - М.-Л.,1940. - С.191-204.

142. *Гайдукевич В.Ф.* Строительные керамические материалы Боспора. Боспорские черепицы // ИГАИМК N 104. - М.,1935. - С.39-143.

143. *Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА N 25.М.-Л.,1952. - С.109-125.

144. *Гайдукевич В.Ф.* Илурат (исследования 1948-1953 гг.) // МИА N 52. - М., 1957. - С.4-29.

145. *Гайдукевич В.Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов // МИА N 69. - М.-Л.,1959. - С.154-238.

146. *Гарден Ж.-К.* Археологические признаки номадизма: исследования в Бактрии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. - Алма-Ата,1989. - С.24-32.

147. *Гаспаров М.Л.* Поэзия риторического века // Поздняя латинская поэзия. - М.,1982. - С.5-34.

148. *Генинг В.Ф.* Археологическая культура - социально-исторический организм - центральная категория познания археологии // Исследование социально-исторических проблем в археологии. - Киев, 1987. - С. 6-35.

149. *Герц К.* Археологическая топография Таманского полуострова. М.,1870. - 128 с.

150. *Гиббон* Э. История упадка и разрушения Римской империи. T.I-IV. - М.,1884-1886.

151. *Глушанин Е.П.* Военная знать ранней Византии. - Барнаул, 1991. - 243 с.

152. *Гмыря Л.Б.* "Царство гуннов" (савир) в Дагестане (IV-VII вв.). - Автореф. дис. ...канд. ист. наук. - М.,1980. - 20 с.

153. *Голенко К.В.* Клад монет, найденный в 1951 г. в Патрэе // СА. - 1957. - N 2. - С.69-73.

154. *Голенко К.В.* II Патрэйский клад // НиЭ. - Вып.I. - М.,1960.- С.233-238.

155. *Голенко К.В.* К хронологии заключительных монетных выпусков Боспора // Записки Одесского Археологического общества. - Одесса, 1960. - Вып.1. - С.336-338.

156. *Голенко К.В.* К некоторым вопросам хронологии монет позднего Боспора // ВВ. - Т.25. - М.,1964. - С.175-181.

157. *Голенко К.В.,Сокольский Н.И.* Клад 1962 г. из Кеп // НиЭ. Вып.VII. - М.,1968. - С.34-41.

158. *Голенко К.В.* Клад позднебоспорских монет, найденный в Керчи в 1961 г. // ВВ. - Т.27. - М.,1967. - С.268-272.

159. *Голенко К.В.* Монеты, найденные при раскопках Керчи в 1964 г. // ВДИ. - 1970. - N2. - С.96-98.

160. *Голенко К.В.* Таманский клад монет 1970 г. // Klio. - Bd.54. B.,1972. - S.56-61.

161. *Голенко К.В.* III Патрэйский клад (1970) и некоторые замечания о боспорской монетной чеканке III в. // НиЭ. - Вып.12. - М., 1978. - С.109-115.

162. *Голубцова Е.С.* Сельская община Малой Азии. - М., 1972. - 186 с.

162а. *Горлов Ю.В., Лопанов Ю.А.* Древнейшая система мелиорации на Таманском полуострове // ВДИ. - 1995.N 3. - С.121-137.

163. *Горончаровский В.А.* Оборонительные сооружения Илурата // Проблемы исследований античных городов. - М.,1989. - С.36-37.

164. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. - Л.,1990. - 528 с.

165. *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии (Сб. статей). - М.,1993. - 576 с.

166. *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. - СПб.,1993. - (2-е изд.) - 526 с.

167. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. - М., 1992.- 376 с.

168. *Даньшин Д.И.* К вопросу об изменениях в этническом составе населения Пантикапея в III четв. III в. и об уточнении датировки надписи КБН 947 из Феодосии // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. - М.,1986. - С.46-47.

169. *Даньшин Д.И.* Городская община Ταναεῖται в Танаисе // Проблемы исследований античных городов. - М.,1989. - С.38-40.

170. *Даньшин Д.И.* Танаиты и танаисцы во II-III вв. н.э. // КСИА N 197. - М.,1990. - С.51-56.

171. *Даньшин Д.И.* Население Фанагории в I в. до н.э. - IV в. н.э. - Автореф. дис. ...канд. ист. наук. - М.,1992. - 20 с.

172. *Даньшин Д.И.* Фанагорийская община иудеев // ВДИ. - 1993. - N 1. - С.59-72.

173. *Дашевская О.Д.* Погребение гунского времени в Черноморском районе Крыма // МИА N 169: Древности Восточной Европы. - М.,1969.- С.75-86.

174. *Десятчиков Ю.М.* Катафрактарий на надгробии Афения // СА. - 1972. - N 4. - С.68-77.

175. *Десятчиков Ю.М.* Процесс сарматизации Боспора. - Автореф. дис. ...канд. ист. наук. - М.,1974. - 21 с.

176. *Диатроптов П.Д.* Распространение христианства в Северном Причерноморье. - Автореф. дис. ...канд. ист. наук. - М.,1988. - 16 с.

177. *Диатроптов П.Д.* Распространение христианства в Северном Причерноморье. - Дисс. ...канд. ист. наук. - М.,1987. - 254 с.

178. *Дигар Ж.-П.* Отношения между кочевниками и оседлыми племенами на Среднем Востоке // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. - Алма-Ата,1989. - С.33-54.

179. *Дилигенский Г.Г.* Северная Африка в IV-V вв. - М.,1961. - 303 с.

180. *Дмитриев А.В.* Могильник эпохи переселения народов на р.Дюрсо // КСИА N 158. - М.,1979. - С.52-59.

181. *Дмитриев А.В.* Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII вв.- М.,1982. - С.94-98.

182. *Долгоруков В.С.* Позднеантичное поселение на городище Батарейка II // КСИА N 109. - М.,1967. - С.116-123.

183. *Драчук В.С.* Системы знаков Северного Причерноморья. - Киев, 1975. - 176 с.

184. *Дряхлов В.Н.* Взаимоотношения германских племен и Римской империи в III-IV вв. (Рейнско-Верхнедунайский регион). - Автореф. дис. ...канд. ист. наук. - М.,1988. - 16 с.

185. *Дьяков В.Н.* Социальная и политическая борьба в Римской империи в середине III в. // ВДИ. - 1961. - N 1. - С.84-107.

186. *Дьяконов И.М., Якобсон В.В.* "Номовые государства", "тер-

риториальные царства", "полисы" и "империи". Проблемы типологии // ВДИ. - 1982. - N 2. - С.3-16.

187. *Дьячков С.В.* Особенности социально-политического развития античных государств в Северном Причерноморье в I-III вв. - Автореф. дис. ...канд. ист. наук. - Харьков,1987. - 22 с.

188. *Дьячков С.В.* Социально-классовая структура Боспорского царства I-III вв. // Проблемы исследований античных городов. - М., 1989. - С.43-45.

189. *Емец И.А., Масленников А.А.* Культовые захоронения животных на позднеантичных поселениях Европейского Боспора // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. - СПб.,1991.- С.112-121.

190. *Емец И.А., Масленников А.А.* Новые данные о религиозных представлениях сельского населения античного Боспора // РА. - 1992. N 4. - С.32-42.

191. *Ермолова И.Е.* Общественный строй гуннов последней четверти IV - начала V вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1982. - М.,1984. - С.229-238.

192. *Ермолова И.Е.* Северное Причерноморье в представлении римлян первых веков н.э. (по Аммиану Марцеллину). - Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М.,1985. - 18 с.

193. *Ермолова И.Е.* Общественный строй гуннов 2-й четверти V в. // Личность.Среда.Общество. - М.,1992. - С.217-218.

194. *Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. Исследования и статьи.- М.-Л.,1953. - 388 с.

195. *Засецкая И.П.* О хронологии погребения эпохи "переселения народов" в Нижнем Поволжье // СА. - 1968. - N 2. - С.53-61.

196. *Засецкая И.П.* Гунны в южнорусских степях (конец IV - I пол. V вв. по археологическим данным). - Автореф. дис. ...канд. ист. наук. - Л., 1971. - 29 с.

197. *Засецкая И.П.* Особенности погребального обряда гуннской эпохи на территории степей Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья // АСГЭ. - Вып.13. - Л., 1971. - С. 64-69.

198. *Засецкая И.П.* Золотые украшения гуннской эпохи (по материалам Особой кладовой Гос.Эрмитажа). - Л.,1975. - 79 с.

199. *Засецкая И.П.* О роли гуннов в формировании культуры южнорусских степей конца IV-V вв. // АСГЭ. - Вып.18. - Л.,1977. - С.92-100.

200. *Засецкая И.П.* Боспорские склепы гуннской эпохи // КСИА N 158. - М.,1979. - С.5-22.

201. *Засецкая И.П.* Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII вв. - М.,1982. - С.3-29.

202. *Засецкая И.П.* Некоторые итоги изучения хронологии памятников гуннской эпохи в южнорусских степях // МИА N 27. - Л.,1986. - С. 79-91.

203. *Засецкая И.П.* Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового Боспорского некрополя (конец IV - начало VII вв.) // АСГЭ. - Вып.30. - Л.,1990. - С.97-106.

203а. *Засецкая И.П.* Материалы боспорских некрополей 2-й пол. IV-I пол. V в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. - Т.III. - Симферополь,1993. - С.23-104.

203б. *Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV - V вв.). - СПб.,1994. - 224 с.

204. *Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора. - М.,1960. - 179 с.

205. *Зенкович В.П.* Берега Черного и Азовского морей. - М., 1958.- 374 с.

206. *Зограф А.Н.* Тиритакский клад // КСИИМК. - Вып.VI. - М.,1940. - С.58-61.

207. *Зограф А.Н.* Античные монеты // МИА N 16. - М.,1951. - 263 с.

208. *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя (середи-

на I в. до н.э. - 2-я половина V в.). - Автореф. дис. ... докт. ист. наук. - Киев, 1991. - 32 с.

208а. *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя: очерки военно-политической истории. - Киев,1994. - 180 с.

209. *Иващенко Ю.Ф.* К специфике религиозных представлений населения Боспора в ранневизантийское время // Проблемы исследований античных городов. - М.,1989. - С.51-52.

210. *Исанчурин Р.А., Исанчурин Е.Р.* Монетное дело боспорского царя Радамсада // НиЭ. - Вып.XV. - М.,1989. - С.69-73.

211. История Венгрии в 3-х тт. - М.,1971. - Т.1. - 644 с.

212. История Византии в 3-х тт. - М.,1967. - Т.1. - 523 с.

213. История древнего мира. Упадок древних обществ. - М., 1989. (3-е изд.) - 408 с.

214. История Европы в 8-ми тт. - Т.2: Средневековая Европа. - М., 1992. - 816 с.

215. *Каждан А.П.* Византийские города в VII-IX вв. // СА. - Т.XXI. М., 1954. - С. 164-168.

216. *Каменецкий И.С., Кропоткин В.В.* Погребение гуннского времени близ Танаиса // СА. - 1962. - N 3. - С.235-240.

217. *Кастанаян Е.Г.* Лепная керамика боспорских городов. - Л., 1981. - 176 с.

218. *Казаманова Л.Н., Кропоткин В.В.* "Варварские" подражания римским денариям с типом идущего Марса // ВДИ. - 1961. - N 1. - С. 128-136.

219. *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. - М.,1987. - 360 с.

220. *Кнабе Г.С.* Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. - М.,1994. - 528 с.

221. *Книпович Т.Н.* Танаис. - М.-Л.,1949. - 176 с.

222. *Кобищанов Ю.М.* Неузнанное явление всемирной истории цивилизаций: полюдье. - М.,1995. - 326 с.

223. *Кобылина М.М.* Фанагория // МИА N 37: Фанагория. - М., 1956. - С.5-101.

224. *Кобылина М.М.* Исследования Фанагории в 1959-60 и 1962 гг. // СА. - 1963. - N 4. - С.129-138.

225. *Кобылина М.М.* Керамическое производство в Фанагории в IV в. // СА. - 1966. - N 3. - С.172-186.

226. *Кобылина М.М.* Раскопки юго-восточного района Фанагории в 1964 г. // КСИА N 109. - М.,1967. - С.124-129.

227. *Кобылина М.М.* Квартал ремесленников на южной окраине Фанагории // КСИА N 124. - М.,1970. - С.69-72.

228. *Кобылина М.М.* Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. - М.,1978. - 215 с.

229. *Кобылина М.М.* Разрушения гуннов в Фанагории // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. - М., 1978.- С.30-35.

230. *Кобылина М.М.* Фанагория. - М.,1989. - 128 с.

231. *Ковалевская В.Б.* Кавказ и аланы. - М.,1984. - 192 с.

232. *Ковалевская В.Б.* Аланы в Западной Европе // Аланы: Западная Европа и Византия. - Владикавказ,1992. - С.34-85.

233. *Козлов В.И.* О понятии этнической общности // СЭ. - 1967. N 2. - С.100-111.

234. *Колобова К.М.* Политическое положение городов в Боспорском царстве // ВДИ. - 1953. - N 4. - С.47-71.

235. *Колосовская Ю.К.* Паннония в I-III в. - М.,1973. - 256 с.

236. *Колосовская Ю.К.* Позднеримский город на Дунае и варвары // From Late Antiquity to Early Byzantium. - Praha,1985. - С.117-122.

237. *Кондаков Н.* Древнехристианская патера из Керченских катакомб // ЗООИД. - Т.XI. - Одесса,1879. - С.67-73.

238. *Коровина А.К.* Древняя Тирамба // ВДИ. - 1963. - N 3. - С.126-131.

239. *Коровина А.К.* Позднеантичная Гермонасса (по материалам раскопок 1973-75 гг.) // Проблемы античной культуры. - М.,1986. - С.160-168.

240. *Корпусова В.Н.* Сельское население позднеантичного Боспора // Археологія. - Киев, 1973. - N 8. - С.39-44.

241. *Корпусова В.Н.* Некрополи сельского населения Европейского Боспора во II в. до н.э. - IV в. н.э. - Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Киев, 1975. - 19 с.

242. *Корсунский А.Р.* О колонате в Восточной Римской империи V-VI вв. // ВВ. - Т.9. - М.,1956. - С.45-77.

243. *Корсунский А.Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до сер. VI в.). - М., 1984. - 254 с.

244. *Кошеленко Г.А.* Культура Парфии. - М.,1966. - 220 с.

245. *Кошеленко Г.А.* Царская власть и ее обоснование в ранней Парфии // История Иранского государства и культуры. - М.,1971. - С. 212-218.

246. *Кошеленко Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.,1979. - 296 с.

247. *Кругликова И.Т.* Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря // СА. - T.XXV. - М.,1956. - С.235-260.

248. *Кругликова И.Т.* Погребение IV-V вв. в дер.Айвазовское // СА. 1957. - N 2. - С.253-257.

249. *Кругликова И.Т.* Клад боспорских статеров III в. из дер.Семеновки // СА. - 1958. - N 3. - С.134-143.

250. *Кругликова И.Т.* О культе верховного женского божества на Боспоре во II-III вв. н.э. // Культура античного мира. - М.,1966. - С.110-115.

251. *Кругликова И.Т.* Боспор III-IV вв. в свете новых археологических исследований // КСИА N 103. - М.,1965. - С.2-10.

252. *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время: очерки экономической истории. - М., 1966. - 224 с.

253. *Кругликова И.Т.* Культура Боспора в позднеантичный период // Античное общество. - М.,1967. - С. 150-155.

254. *Кругликова И.Т.* Религиозные представления сельского населения Боспора // КСИА N 124. - М.,1970. - С. 5-17.

255. *Кругликова И.Т.* Торговля в сельских поселениях Боспора // КСИА N 130. - М.,1972. - С.26-33.

256. *Кругликова И.Т.* Синдская гавань - Горгиппия - Анапа. - М., 1975. - 103 с.

257. *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. - М.,1975. - 300 с.

258. *Кругликова И.Т., Фролова Н.А.* Монеты из раскопок Горгиппии 1967-1972 гг. // Горгиппия. - Вып.1. - Краснодар,1980. - С.103-121.

259. *Кругликова И.Т.* Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954-1964 гг. // Горгиппия. - Вып.II. - Краснодар,1982. - С.117-149.

260. *Крыкин С.М.* Проблема сущности боспорского протектората в античном Северном Причерноморье // Проблемы исследований античных городов. - М.,1989. - С.59-60.

261. *Крыкин С.М.* Deus Sanctus Porobonus // ВДИ. - 1992. - N 3. - С.140-147.

262. *Крыкин С.М.* Фракийцы в античном Северном Причерноморье.- М.,1993. - 332 с.

263. *Кубланов М.М.* Религиозный синкретизм и появление христианства на Боспоре // Ежегодник музея истории религии и атеизма.- Л.,1958. - Вып.2. - С.57-68.

264. *Кубланов М.М.* Новые погребальные сооружения Илурата // КСИА N 159. - М.,1979. - С.90-97.

265. *Кубланов М.М.* Раскопки некрополя Илурата: итоги и проблемы // НАИМ. - Л.,1983. - С.80-97.

266. *Кузнецов В.А., Пудовин В.К.* Аланы в Западной Европе в эпоху Великого переселения народов // СА. - 1961. - N 2. - С.79-95.

266а. *Кузнецов В.А.* Аланские племена Северного Кавказа. - М., 1962. - 125 с.

267. *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. - Орджоникидзе, 1984.- 192 с.

268. *Кузнецов В.А.* Аланы в Западной Европе в эпоху Великого переселения народов // Аланы: Западная Европа и Византия. - Владикавказ, 1992. - С.10-33.

269. *Кулаковский Ю.А.* Коллегии в Древнем Риме. - Киев, 1882.- 140 с.

270. *Кулаковский Ю.А.* Керченская христианская катакомба 491 г. // МАР N 6. - СПб.,1891. - С.1-30.

271. *Кулаковский Ю.А.* К объяснению надписи с именем императора Юстиниана, найденной на Таманском полуострове. - СПб., 1895. - 10 с. (отд. оттиск).

272. *Кулаковский Ю.А.* Две керченские катакомбы с фресками // МАР N 19. - СПб., 1896. - С. 1-67.

273. *Кулаковский Ю.А.* К истории Боспора Киммерийского в конце VI в. - СПб., 1896. - 17 с.

273а. *Кулаковский Ю.А.* К вопросу об имени города Керчи // ХАРІСТЕРІА. Сб. в честь Ф.Е.Корша. - М.,1896. - С.187-195.

274. *Кулаковский Ю.А.* Епископа Феодора "Аланское послание" // ЗООИД. - Т.XXI. - Одесса,1898. - С.11-27.

275. *Кулаковский Ю.А.* Христианство у алан. - СПб.,1898. - 18 с.

276. *Кулаковский Ю.А.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей. - Киев,1899. - 73 с.

277. *Кулаковский Ю.А.* История Византии в 3-х тт. - Т.1. - Киев, 1913. - 552 с.

278. *Кулаковский Ю.А.* Прошлое Тавриды. - Киев, 1914. - 154 с.

279. *Кунин В.Э.* Монетный клад с Таманского полуострова // Археология и история Боспора. - Ч.2. - Симферополь,1962. - С.343-348.

280. *Кунина Н.З.* Керченский клад серебряных римских монет // Археология и история Боспора. - Ч.2. - Симферополь,1962. - С.329-342.

281. *Курбатов Г.Л.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города. - Л.,1971. - 220 с.

282. *Курбатов Г.Л.* История Византии: от античности к феодализму.-М.,1984. - 208 с.

283. *Курбатов Г.Л., Лебедеви Г.Е.* Византия: проблемы перехода от античности к феодализму. - Л.,1984. - 96 с.

284. *Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е.* Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Становление и развитие раннеклассовых обществ. - Л.,1986. - С.100-197.

285. *Курбатов Г.Л.* Ранневизантийские портреты. К истории общественно-политической мысли. - Л.,1991. - 272 с.

286. *Лазарев С.А.* Военная организация Римской империи в IV в. (от Диоклетиана до Феодосия). - Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 1986. - 16 с.

287. *Ламберг-Карловски К., Саблов Дж.* Древние цивилизации: Ближний Восток и Мезоамерика. - М.,1992. - 336 с.

288. *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. - СПб.,1896. - 143 с.

289. *Латышев В.В.* Эпиграфические новости из Южной России. Находки 1901-03 гг. // ИАК N 10. - СПб.,1904. - С.91-131.

290. *Латышев В.В.* Эпиграфические новости из Южной России. Находки 1904 г. // ИАК N 14. - СПб.,1905. - С.1-93; 94-137.

291. *Латышев В.В.* Очерк греческих древностей. - Ч.2: Богослужебные и сценические древности. - СПб.,1899. - 376 с.

292. *Латышев В.В.* ΠΟΝΤΙΚΑ. - СПб.,1909. - 430 с.

293. *Латышев В.В.* Жития св. епископов Херсонских. - Спб., 1906. - 81с.

294. *Латышев В.В.* Страдания св.великомучеников и епископов Херсонских // ИАК N 23. - СПб.,1907. - С.1-5.

295. *Лебедев А.П.* Духовенство древней Вселенской церкви (от времен апостольских до IX в.). - М.,1905. - 494 с.

296. *Лебедев Д.А.* Список епископов I Вселенского собора в 318 имен. - Пг.,1916. - 116 с.

297. *Лебедева Г.Е.* Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). - Л.,1980. - 168 с.

298. *Лебедева Г.Е.* Динамика социальной структуры ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). - Автореф. дис. ...докт. ист. наук. - Л.,1989. - 36 с.

299. *Лебедева Е.Ю.* Палеоботанические исследования на античных памятниках Восточного Крыма // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. - V в. н.э.). - Киев - Кишинев,1991. - С.167-168.

300. *Левина Э.А., Островерхов А.С.* Оконное стекло в архитектуре античных городов Северного Причерноморья // Проблемы исследований античных городов. - М.,1989. - С.67-69.

301. *Левинская И.А.* Эпиграфические памятники культа Theos Hypsistos как источник по этнокультурной истории Боспора в I-IV вв. - Автореф. дис. ...канд. ист. наук. - Л.,1988. - 20 с.

302. *Левинская И.А.,Тохтасьев С.Р.* Древнееврейские имена на Боспоре // Acta associationis internationalis "Terra antiqua Balcanica". - VI. - Serdicae,1991. - p.118-128.

303. *Левченко М.В.* Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V-VI вв // Византийский сборник. - М.-Л., 1945. - С. 12-94.

304. *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство в X-XI вв.- М., 1977. - 311 с.

305. *Литаврин Г.Г.* Восточноримская империя в V-VI вв. // Раннефеодальные государства на Балканах VI-XII вв. - М.,1985. - С.8-83.

306. *Лунгис Т.* Обращение в христианство господствующего класса Восточной Римской империи во 2-й пол. V в. // From Late Antiquity to Early Byzantium. - Praha,1985. - С.61-72.

307. *Люценко Е.* Древние еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях Фанагорийского городища. - СПб.,1880. - 16 с.

308. *Магомедов Б.В.* К хронологии черняховских памятников Северного Причерноморья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. - V в. н.э.). - Киев - Кишинев,1991. - С.224-225.

309. *Макарий (Булгаков), архиепископ Харьковский.* История христианства в России до равноапостольного князя Владимира. - СПб., 1868. - 338 с.

309а. *Макарова Т.И.* Средневековый Корчев по раскопкам 1963 г. в Керчи // КСИА N 104. - М.,1965. - С.75-82.

310. *Макарова Т.И.* Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. - 1982. - N 4. - С.91-100.

311. *Малышев А.А.* V Научные чтения памяти профессора В.Д.Блаватского // ВДИ. - 1993. - N 3.- С.231-234.

312. *Марков Г.Е.* Кочевники Азии: структура хозяйства и общественная организация. - М.,1976. - 234 с.

313. *Марти Ю.Ю.* Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства // ЗООИД. - Т.XXXI. - Одесса, 1913. - С.1-27.

314. *Марти Ю.Ю.* Сто лет Керченского музея. - Керчь,1926. - 96 с.

315. *Марти Ю.Ю.* Городища Боспорского царства к югу от Керчи: Киммерик,Китей,Акра//ИТОИАИЭ.-Т.2.-Симферополь,1928.-С.103-126.

316. *Марти Ю.Ю.* Раскопки городища Китэя в 1928 г. - Симферополь, 1929. - 15 с.

317. *Марти Ю.Ю.* Новые эпиграфические памятники Боспора // ИГАИМК N 104: Из истории Боспора. - М.-Л.,1934. - С.57-89.

318. *Мартынов А.И., Шер Я.М.* Методы археологического исследования. - М.,1989. - 224 с.

319. *Марченко И.Д.* К вопросу о боспорских торговых судах // СА. 1957. - N 1. - С.237-243.

320. *Марченко И.Д.* Город Пантикапей. - Симферополь,1974. - 86 с.

321. *Марченко И.Д.* О планировке северного района Пантикапея // СА.1979. - N 2. -С.164-178.

322. *Масленников А.А.,Чевелев О.Д.* Новые памятники античного времени на северном побережье Керченского полуострова // КСИА N 168. - М.,1981. - С.77-84.

323. *Масленников А.А.* Некоторые особенности некрополей городов Европейского Боспора в первые века н.э. // СА. - 1982. - N 1. - С.33-43.

324. *Масленников А.А.* Некрополи городов азиатского Боспора в первые века н.э. // СА. - 1985. - N 1. - С.61-74.

325. *Масленников А.А.* Еще раз о боспорских валах // СА. - 1983. N 3. - С.14-22.

326. *Масленников А.А.* Сельские поселения в административной структуре Боспора первых веков н.э. // Проблемы исследований античных городов. - М.,1989. - С.76-78.

327. *Масленников А.А., Безрученко И.М.* Земельные наделы античного времени в Крымском Приазовье // КСИА N 204. -М.,1991. -С.37-45.

328. *Масленников А.А.* Население Боспорского государства в первых веках н.э. - М.,1991. - 232 с.

329. *Масленников А.А.* Зенонов Херсонес - городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. - М.,1992. - С.120-173.

330. *Масленников А.А.* Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху (система расселения и этнический состав населения). - Автореф. дис. ...докт. ист. наук. - М.,1993. - 45 с.

331. *Матковская Т.А.* Царский курган - памятник античной погребальной архитектуры IV в. до н.э. - Керчь,1993. - 8 с.

332. *Мацулевич Л.А.* Серебряная чаша из Керчи. - Л.,1926. - 66 с.

333. *Мацулевич Л.А.* Погребение варварского князя в Восточной Европе // ИИГАИМК N 112. - М.-Л.,1934. - 132 с.

334. *Мацулевич Л.А.* Реконструкция изображений на кожаной обивке щитов IV в. // Сб. Гаврил Кацаров. - София,1950. - Ч.1. - С.1-6.

335. *Мацулевич Л.А.* Войсковой знак V в. // ВВ. - Т.16. - М.,1959. С.183-205.

336. *Миллер В.Ф.* К иранскому элементу в припонтийских греческих надписях // ИАК N 47. - СПб.,1913. - С.80-95.

337. *Миллер В.Ф.* Эпиграфические следы иранства на юге России // ЖМНП.1886, окт. - С.232-283.

338. *Минаева Т.М.* Археологические памятники на р.Гилич в верховьях Кубани // МИА N 23. - М.,1951. - С.296-302.

339. *Молев Е.А.* Новые эпиграфические находки из Керчи // ВДИ. - 1978. N 2. - С.131-134.

340. *Молев Е.А.* Археологические исследования Китея в 1970-1983 гг. // Археологические памятники Юго-Восточной Европы. - Курск, 1985. С.40-67.

341. *Молев Е.А., Сазанов А.В.* Позднеантичные материалы из раскопок Китея // Вопросы истории и археологии Боспора. - Воронеж - Белгород, 1991. - С.63-73.

342. *Молев Е.А.* Монеты из раскопок городища и некрополя Китея (раскопки 1970-1987 гг.) // АМА. - Вып.7. - Саратов, 1990. - С.111-121.

343. *Молчанов А.А.* Высшие магистраты Танаиса II-III вв. и происхождение дуалистической системы его устройства // Проблемы истории СССР. - М., 1976. - Вып.5. - С.71-85.

344. *Моммзен Т.* История Рима. - Т.5. - М.,1949. - 652 с.

345. *Мурзин В.Ю., Павленко Ю.В., Симоненко А.В.* Политические образования ранних кочевников Восточной Европы по данным археологии // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного При-

черноморья (V тыс. до н.э. - V в. н.э.). - Киев - Кишинев, 1991. - С. 209-210.

346. *Надэль Б.И.* Из политической истории Боспорского государства в Крыму в начале IV в. // Acta Antiqua. - Т.9, ч.1-2. - Budapest, 1961. - С.231-237.

347. *Наливкина М.А.* Раскопки юго-восточного участка Танаиса (1960-1961 гг.) // Древности Нижнего Дона. - М.,1965. - С.162-164.

348. *Никитина И.П.* Эпиграфические данные о государственном устройстве Боспорского царства в I-III вв. // Ученые записки Уральского гос. университета. - Т.53. (АДСВ N 4). - Свердловск,1966. - С. 179-198.

349. *Николаева Э.Я.* Находки оружия на Ильичевском городище // Проблемы античной культуры. - М.,1976. - С.183-188.

350. *Николаева Э.Я.* Краснолаковая керамика со штампами с Ильичевского городища // КСИА N 156. - М.,1978. - С.110-113.

350а. *Николаева Э.Я.* Раскопки Ильичевского городища // Проблемы античной истории и культуры (Эйрене XIV). - Т.2. - Ер., 1979. - С. 376-379.

351. *Николаева Э.Я.* Поселение у дер.Ильич // КСИА N 168. - М.,1981. - С.88-92.

352. *Николаева Э.Я.* Пифосы Ильичевского городища (V-VI вв.) // КСИА N 174. - М.,1983. - С.110-117.

353. *Николаева Э.Я.* Боспор после гуннского нашествия. - Автореф. дис. ...канд. ист. наук. - М.,1984. - 21 с.

354. *Николаева Э.Я.* К вопросу о христианстве на Боспоре // НАИМ. Л.,1988. - С.12-20.

355. *Николаева Э.Я.* Христианский комплекс VI в. на Боспоре Киммерийском // Проблемы исследований античных городов. - М., 1989. С. 86-88.

356. *Николаева Э.Я.* Стеклоделие на Боспоре // КСИА N 204. - М.,1991.С.50-56.

357. *Новосадский Н.И.* Элевсинские мистерии. - СПб.,1887. - 182 с.

358. *Новосадский Н.И.* Несколько заметок о греческих христианских надписях. - Харьков,1914. - 16 с.

359. *Новосадский Н.И.* Боспорские фиасы // Труды секции археологии РАНИОН. - Вып.III. - М.,1928. - С.55-70.

360. *Новосельцев А.П.* Генезис феодализма в странах Закавказья.- М.,1980. - 286 с.

361. *Онайко Н.А.* Раскопки Раевского городища в 1955-1956 гг. // КСИИМК N 77. - М.,1959. - С.51-61.

362. *Онайко Н.А.* О раскопках Раевского городища // КСИА N 103. М.,1965. - С.125-130.

363. *Онайко Н.А.* Варварские подражания римским денариям из раскопок Раевского городища // КСИА N 109. - М.,1967. - С.52-53.

364. *Онайко Н.А.* Античные импортные изделия на юго-восточной окраине Боспора (I в. до н.э. - IV в. н.э.) // Новое в археологии. - М.,1972. - С.84-89.

365. *Павленко Ю.В., Смогулов Е.А.* Гунны накануне их вторжения в Европу // Археологія. - Киев,1993. - N 1. - С.34-45.

366. *Павлова Н.Н.* Физическая география Крыма. - Л.,1964. - 104 с.

367. *Паромов Я.М.* Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1981-83 гг. // КСИА N 188. - М.,1986. - С.69-75.

368. *Паромов Я.М.* Принципы выявления эволюции системы расселения (на примере Таманского полуострова) // КСИА N 210. - М.,1993. С.25-34.

368 а. *Паромов Я.М.* Археолого-топографический план Фанагории // Боспорский сборник №2. - М., 1993. - С. 111-148.

369. *Пареди А.* Святой Амвросий Медиоланский и его время. - Милан, 1991. - 267 с.

370. *Перл Г.* Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств // ВДИ. - 1969. - N 3. - С.39-69.

371. *Петерс Б.Г.* Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. - М.,1982. - 206 с.

372. *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. - М.,1917. - 402 с.

372а. *Піоро І.С.* Гунська навала і Крим // Вісник Киів. ун-ту. Сер. Історія. - К., 1976 - №18 - С. 92-102.

373. *Пиоро И.С.* Крымская Готия. Очерки этнической истории Крыма. - Киев,1990. - 198 с.

374. *Плетнева С.А.* Салтово-Маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. - М.,1973. - С.62-75.

375. *Плетнева С.А.* Закономерности развития кочевнических обществ в эпоху средневековья // Вопросы истории. - 1981. - N 6. - С.50-63.

376. *Плетнева С.А.* Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска-Преслав. - Т.2. - София,1981. - С.9-19.

376а. *Плетнева С.А.* Кочевники Средневековья. - М.,1982. - 188 с.

377. *Покровский Н.В.* Происхождение древнехристианской базилики.- СПб.,1890. - 219 с.

378. *Покровский Н.В.* Церковная археология в связи с историей христианского искусства. - Пг.,1916. - 222 с.

379. *Поночевный М.О.* Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // Кубанский сборник. - Т.2. - Екатеринодар,1891. - С.1-60.

380. *Раев Б.А., Трейстер М.Ю.* Рецензия на книгу: B.Cunliffe. Greeks, Romans and Barbarians: spheres of Interaction (L.,1988; 243 p.) // РА. - 1993. - N 1. - С.236-242.

381. *Раевский Д.С.* Комплекс краснолаковой керамики из Неаполя // Ежегодник ГИМ.1965-1966. - М.,1970. - С.91-105.

382. *Раевский Д.С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен: опыт реконструкции скифской мифологии. - М.,1977. - 216 с.

383. *Раунер Р.Л.* Динамика экстремумов увлажнения за историче-

ский период // Известия АН СССР. - Серия "География". - М.,1981. - N 6. - С.5-22.

384. *Режабек Ф.В.* Маркоманнские войны. - Одесса,1895. - 236 с.

385. *Ременников А.М.* Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н.э. - М.,1954. - 145 с.

386. *Ременников А.М.* К истории сарматских племен на среднем Дунае в IV веке // Ученые записки КГПИ. - Вып.12. - Казань,1957. - С. 380-413.

387. *Ременников А.М.* Борьба племен Подунавья и Северного Причерноморья с Римом в 275-279 гг. // ВДИ. - 1964. - N 4. - С.131-139.

388. *Ременников А.М.* Борьба племен Подунавья с Римом в I пол. IV в. - Казань,1990. - 83 с.

389. *Романчук А.И.* Раннесредневековые комплексы Херсонеса // From Late Antiquity to Early Byzantium. - Praha,1985. - С.123-135.

390. *Романчук А.И.* Диктат историографии в интерпретации источников (один из аспектов истории Херсона VII-IX вв.) // Проблемы историографии всеобщей истории. - Петрозаводск, 1991. - С.39-47.

391. *Ромашов С.А.* Болгарские племена Северного Причерноморья в V-VII вв. /Рукопись депонирована в ИНИОН РАН N 46250 от 17.03. 1992. - 62 с.

392. *Ростовцев М.И.* Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость. - СПб.,1900. - 19 с.

393. *Ростовцев М.И.* Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК N 23. - СПб.,1907. - С.1-20.

394. *Ростовцев М.И.* Новые латинские надписи с юга России // ИАК N 33. - СПб.,1909. - С.1-22.

395. *Ростовцев М.И.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК N 49. - СПб.,1913. - С.1-62,133-140.

396. *Ростовцев М.И.* Рецензия на труд: Minns E.H. Scythians and Greeks. - Cambr.,1913. // ЖМНП. - 1913,окт.-нояб. - Отд.II. - С. 173-194.

397. *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. - СПб.,1914. - 537 с.

398. *Ростовцев М.И.* Эллинство и иранство на юге России. - Пг., 1918. - 190 с.

399. *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. - Л.,1925. - 621 с.

400. *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. - Т.2. // ВДИ. - 1989. - N 2. С.183-197; 1989. - N 3. - С.184-203; 1989. - N 4. - С.124-133; 1990. - N 1. - С.175-183.

401. *Ростовцев М.И.* Иранизм и ионизм на юге России // Петербургский археологический вестник. - N 5. - СПб.,1993. - С.19-21.

402. *Савостина Е.А.* Сакральное пространство и погребальный обряд боспорских гробниц // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. - М.,1990. - С.237-248.

403. *Сазанов А.В.* Результаты исследования поздних слоев городища Тиритаки // Проблемы истории и археологии Восточного Крыма. - Керчь, 1984. - С.17.

404. *Сазанов А.В.* Топография Пантикапея I-IV вв. // СА. - 1985. N 1. - С.166-177.

405. *Сазанов А.В.* Мелкая пластика Боспора I-IV вв. (Боспорские ритуальные терракоты вида гротесков класса верховного женского божества). - Автореф. дис. ...канд. ист. наук. - М.,1986. - 25 с.

406. *Сазанов А.В.* Боспор в ранневизантийское время // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. - М.,1986. - С. 128-129.

407. *Сазанов А.В.* Боспор и гунны // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. - Махачкала,1988. - С.17-18.

408. *Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф.* К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА. - 1989. - N 1. - С.84-102.

409. *Сазанов А.В.* О хронологии Боспора ранневизантийского време-

ни // СА. - 1989. - N 4. - С.41-60.

410. *Сазанов А.В.* Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени (хронология некоторых типов) // Проблемы исследований античных городов. - М.,1989. - С.103-104.

411. *Сазанов А.В.* Боспор в ранневизантийское время // Археологія.- Киев,1991. - N 2. - С.16-26.

412. *Сазанов А.В.* Светлоглиняные амфоры с рифлением типа набегающей волны (IV-VII вв. н.э.) // Археологія. - Киев,1992. - N 2. С.51-59.

413. *Салов А.И.* Клад III-IV вв. с Шум-речки (Анапский р-н) // СА.- 1975. - N 3. - С.172-176.

414. *Сапрыкин С.Ю.* Аспургиане // СА. - 1985. - N 2. - С.65-78.

415. *Сапрыкин С.Ю.* Из эпиграфики Горгиппии // ВДИ. - 1986. - N 1.- С.62-75.

416. *Сапрыкин С.Ю.* "Евпаторов закон о наследовании" и его значение в истории Понтийского царства // ВДИ. - 1991. - N 2. - С.181-197.

417. *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. - Автореф. дис. ... докт. ист. наук. - М.,1992. - 49 с.

418. *Сапрыкин С.Ю.* Структура земельных отношений в Понтийском царстве // Эллинизм: восток и запад. - М., 1992. - С.85-114.

419. *Свенцицкая И.С.* Роль частных сообществ в общественной жизни полисов эллинистического и римского времени (по материалам Малой Азии) // ВДИ. - 1985. - N 4. - С.43-61.

420. *Семенова Е.Е.* Царская власть и общинное самоуправление на Боспоре // Античная гражданская община. - М.,1984. - С.22-29.

421. *Силантьева Л.Ф.* Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА N 85. - М., 1959. - С.283-311.

422. *Сиротенко В.Т.* История международных отношений в Европе во 2-й половине IV - начале VI вв. н.э. - Пермь,1975. - 282 с.

423. *Сиротенко В.Т.* Взаимоотношения племен и народностей Северного Причерноморья и Подунавья с Византией в V-VI вв. - Автореф. дис.

...канд. ист. наук. - М.,1954. - 18 с.

424. *Скалон К.М.* О культурных связях восточного Прикаспия в позднесарматское время // АСГЭ. - Вып.2. - Л.,1961. - С.114-140.

425. *Скалон К.М.* О некоторых формах стеклянной посуды позднеантичного и раннесредневекового Боспора // Сообщения ГЭ. - N 37. Л.,1973. - С.50-53.

426. *Скальник П.* Понятие "политическая система" в западной социальной антропологии // СЭ. - 1991. - N 3. - С.144-146.

427. *Смирнов А.П.* К вопросу о гуннских племенах на Средней Волге и Прикаспии // Археологические исследования на юго-востоке Европы. М., 1974. - С.65-71.

428. *Смирнов К.Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. - М.,1984. - 184 с.

429. *Снодграсс А.* История Греции в свете археологии // ВДИ. - 1992.N 2. - С.32-40.

430. *Сокольский Н.И.* Раскопки в Кепах в 1959 г. // КСИА N 86. - М., 1961. - С.59-63.

431. *Сокольский Н.И.* Раскопки в Кепах в 1960 г. // КСИА N 91. - М., 1963. - С.87-89.

432. *Сокольский Н.И.* Раскопки в Кепах в 1962 г. // КСИА N 103. - М., 1965. - С.112-113.

433. *Сокольский Н.И.* Кепы // Античный город. - М.,1963. - С.97-114.

434. *Сокольский Н.И.* Крепость на городище у хут.Батарейка // СА. 1963. - N 1. - С.184-190.

435. *Сокольский Н.И.* К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху // Acta Antiqua Philippolitana. - Cerdicae, 1963. - с. 11-25.

436. *Сокольский Н.И.* Погребение V в. в Кепах // СА. - 1964. - N 4. С. 207-209.

437. *Сокольский Н.И.* Гунны на Боспоре // Studien zur Geschichte und

Philosophie des altertums. - Amsterdam,1968. - С.251-261.

438. *Сокольский Н.И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. - М.,1971. - 289 с.

439. *Сокольский Н.И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. - М., 1976. - 128 с.

440. *Соломоник Э.И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. - Киев, 1959. - 179 с.

441. *Соломоник Э.И.* Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеантичного времени (по эпиграфическим памятникам) // ВДИ. - 1973. - N 1. - С.55-77.

442. *Соломоник Э.И.* Неизданная статья акад.С.А.Жебелева "Торгово-консульская служба в древнегреческих колониях Северного Причерноморья" // ВДИ. - 1982. - N 2. - С.140-154.

443. *Сопова Н.К.* Центральный правительственный аппарат и полисные учреждения на Боспоре // Социально-экономические проблемы истории древнего мира и средних веков. - М.,1972. - С.141-161.

444. *Сорокина Н.П.* Три стеклянных сосуда IV в. н.э. с рельефным изображением из Северного Причерноморья // Материалы по археологии Северного Причерноморья. - Вып.3. - М.,1960. - С.228-233.

445. *Сорокина Н.П.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. - М.,1963. - С.155-169.

446. *Сорокина Н.П.* О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. - 1971. - N 4. - С.85-101.

447. *Сорокина Н.П.* Стеклянные сосуды IV-V вв. и хронология цебельдинских могильников // КСИА N 158. - М.,1979. - С.57-66.

448. *Спицын А.А.* Вещи с инкрустацией из Керченских катакомб 1904 года // ИАК N 17. - СПб., 1905. - С.115-126.

449. *Спицын А.А.* Могильник V в. в Черноморье // ИАК N 23. - СПб., 1907. - С.103-107.

450. *Стевен А.* Таракташский клад // ИТУАК. - Вып.43. - Симферополь, 1909. - с.1-11.

451. *Стржиговский И., Покровский Н.* Византийский памятник, найденный в Керчи в 1891 г. // МАР N 8. - СПб.,1892. - С.1-37.

452. *Сюзюмов М.Я.* Экономика пригородов византийских крупных городов // ВВ. - Т.11. - М.,1956. - С.55-81.

453. *Талис Д.Л.* Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья // ВВ. - Т.18. - М.,1961. - С.54-73.

454. *Талис Д.Л.* Материалы по истории Крыма в период раннего средневековья // Научные чтения 1980-1981 гг. в ГИМ. - М., 1981. - С. 13-14.

455. *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. - М.,1949. - 372 с.

456. *Таскаев В.Н.* Итоги и перспективы подводных археологических исследований в Таманском заливе // Боспорский сборник N 1. - М., 1992. - С.212-217.

457. *Тачева-Хитова М.* О культе Θεὸς ὕψιστος на Боспоре // ВДИ.1978. - N 1. -С.133-142.

458. *Тиханова М.А.,Черняков И.Т.* Новая находка погребения с диадемой в Северо-Западном Причерноморье // СА. - 1970. - N 3. - С. 117-127.

459. *Тойнби А.* Постижение истории. - М., 1991. - 736 с.

460. *Толстиков В.П.* Фортификация античного Боспора. - Автореф. дис. ...канд. ист. наук. - М.,1981. - 26 с.

461. *Толстиков В.П.* Фанталовский укрепленный район в истории Боспорского царства // Археологія. - Киев,1989. - N 1. - С.52-65.

462. *Толстиков В.П.* Пантикапей - столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. - М.,1992. - С.45-98.

463. *Турцевич И.Г.* Orbis in urbe. Центры и общества земляков и иноверцев в императорском Риме I-III вв. - Нежин,1902. - 80 с.

464. *Уваров А.С.* Христианская символика. - М.,1908. - 212 с.

465. *Удальцова З.В.* Дипломатия ранней Византии в изображении современников // Культура Византии IV- I пол. VII вв. - М.,1984. - С.371-392.

466. *Удальцова З.В.* Особенности экономического, социального и политического развития Византии (IV - I пол. VII вв.) // Культура Византии IV - I пол. VII вв. - М.,1984. - С.14-41.

467. *Удальцова З.В.* Развитие исторической мысли // Культура Византии IV - I пол. VII вв. - М.,1984. - С.119-271.

468. *Уколова В.И.* Античное наследие и культура раннего средневековья. - М.,1989. - 320 с.

469. *Федоров П.В.* Послеледниковая трансгрессия Черного моря и проблема изменения уровня океана за последние 15 тысяч лет // Колебания уровней морей и океанов за 15000 лет. - М.,1982. - С.151-156.

470. *Федоров Я.А., Федоров Г.С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе. - М.,1978. - 296 с.

471. *Федосик В.А.* Церковь и государство. Христианство в Римской империи в III-IV вв. - Минск,1988. - 205 с.

472. *Ферреро Г.* Гибель античной цивилизации. - Киев - Лейпциг, 1923. - 121 с.

473. *Фрай Р.* Наследие Ирана. - М.,1972. - 468 с.

474. *Фролова Н.А., Николаева Э.Я.* Клад монет из Ильичевки // ВВ. - Т.39. - М., 1978. - С.173-179.

475. *Фролова Н.А.* О времени правления боспорских царей Радамсада и Рискупорида VI // СА. - 1975. - N 4. - С.45-56.

476. *Фролова Н.А.* История правления Рискупорида V (242-276 гг.) по нумизматическим данным // СА. - 1980. - N 3. - С.58-76.

477. *Фролова Н.А., Шургая И.Г.* Илуратский клад монет Рискупорида V // ВДИ. - 1982. - N 1. - С.91-97.

478. *Фролова Н.А.* О римско-боспорских отношениях в середине I - середине III вв. н.э. по нумизматическим данным // Нумизматика антич-

ного Причерноморья. - Киев,1982. - С.55-63.

479. *Фролова Н.А.* Монеты Савромата IV (275 г.) // КСИА N 174. М.,1983. - С.26-32.

480. *Фролова Н.А.* Клады позднебоспорских монет как исторический источник // ТГИМ. - Вып.8. - М.,1983. - С.34-41.

481. *Фролова Н.А.* Монетное дело Фофорса (285-308 гг.) // СА. - 1984. N 2. - С.34-53.

482. *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора первых веков н.э. - Автореф. дис. ...докт. ист. наук. - М.,1985. - 38 с.

483. *Фролова Н.А.* К вопросу об интерпретации некоторых изображений на позднебоспорских монетах // Проблемы античной культуры. - М.,1986. - С.209-214.

484. *Фролова Н.А.* Монетное дело Радамсада (309-322 гг.) // ТГИМ. - Вып.69,ч.10. - М.,1988. - С.33-47.

485. *Фролова Н.А.* Вторжения варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // СА. - 1989. - N 4. С. 196-206.

486. *Фролова Н.А.* Монетное дело Тейрана (266,275-278 гг.) // КСИА N 204. - М.,1991. - С.103-112.

487. *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора VI в. до н.э. - IV в. н.э. в свете новых исследований // Очерки археологии и истории Боспора. - М., 1992. - С.187-246.

487а. *Фролова Н.А.* Уникальный клад боспорских монет из Горгиппии III в. до н.э. - 238 г. н.э. // Древнее Причерноморье. - Одесса, 1993. - С. 87-90.

488. *Функ Б.* Проримская ориентация в титулатуре боспорских царей // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. - СПб.,1992. - С.74-93.

489. *Фюстель де Куланже Н.Д.* История общественного строя древней Франции. - Т.I-III. - Спб., 1901-1907.

490. *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. - М.,1971. - 172 с.

491. *Харко Л.П.* Тиритакский монетный клад 1946 г. // ВДИ. - 1949. N 2. - С.73-77.

492. *Харматта Я.* К истории Херсонеса Таврического и Боспора // Античное общество. - М.,1967. - С.204-208.

493. *Хвольсон Д.А.* Корпус еврейских надписей. - СПб.,1884. - 527 с.

494. *Хршановский В.А.* Позднеантичные погребения на некрополе Илурата // НАИМ. - Л.,1988. - С.21-27.

495. *Цветаева Г.А.* Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // МИА N 19. - М.,1951. - С.63-86.

496. *Цветаева Г.А.* Боспор и Рим. - М.,1979. - 136 с.

497. *Шалькевич А.А.* Архитектурные исследования Царского кургана // Труды ГЭ. - Вып.XVII. - Л.,1976. - С.160-162.

498. *Шелов Д.Б.* Феодосийский клад боспорских статеров // ВДИ. 1950. - N 2. - С.134-139.

499. *Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в III-I вв. до н.э. - М., 1968. - 321 с.

500. *Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. - М.,1972. - 351 с.

501. *Шелов Д.Б.* Экономическая жизнь Танаиса // Античный город. - М., 1973. - С.115-131.

502. *Шелов Д.Б.* Волго-донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. - М.,1978. - С.81-88.

503. *Шелов Д.Б.* Античный мир и варвары Северного Причерноморья в первые вв. н.э. // Античность и античные традиции в искусстве народов Советского Востока. - М.,1978. - С.81-88.

504. *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI-IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР.1984. - М.,1985. - С.5-187.

505. *Шепко Л.Г.* О территориально-административной структуре

Боспорского государства в первые века н.э. // Из истории древнего мира и средних веков. - М.,1988. - С.45-58.

506. *Шилик К.К.* Изменения уровня Черного моря в позднем голоцене и палеотопография археологических памятников Северного Причерноморья античного времени // Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР. - М.,1977. - С.158-163.

507. *Шкорпил В.В.* Вновь найденная христианская катакомба // ЗООИД. - Т.XVIII. - Одесса,1895. - С.185-198.

508. *Шкорпил В.В.* Три христианские надписи, найденные в 1913 г. - СПб., 1914. - 18 с.

509. *Шкорпил В.В.* Камни с греческими надписями, поступившие в Мелек-Чесменский музей в 1896 г. // ЗООИД. - Т.XXI. - Одесса, 1898. - С.185-191.

510. *Шкорпил В.В.* Боспорские надписи, приобретенные Мелек-Чесменским музеем в 1897 г. // ЗООИД. - Т.XXI. - Одесса, 1898. - С. 192-210.

511. *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в г.Керчи и его окрестностях в 1903 г. // ИАК N 17. - СПб.,1905. - С.1-76.

512. *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в Керчи в 1904 г. // ИАК N 25.- СПб.,1907. - С.1-44.

513. *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в г.Керчи в 1905 г. // ИАК N 30. - СПб.,1909. - С.1-61.

514. *Шкорпил В.В.* Боспорские надписи, найденные в 1908 г. // ИАК N 33. - СПб.,1909. - С.23-32.

515. *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в г.Керчи и окрестностях в 1909 г. // ИАК N 47. - СПб.,1913. - С.1-42.

516. *Шкорпил В.В.* Боспорские надписи, найденные в 1913 г. - СПб., 1914. - 79 с.

517. *Шнитников А.В.* Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария // Записки Географического общества СССР.

Новая серия. - Т.16. - М.-Л.,1957. - 337 с.

518. *Штаерман Е.М.* Эволюция античной формы собственности и античного города // ВВ. - Т.34. - М.,1973. - С.3-14.

519. *фон Штерн Д.Э.* К вопросу о происхождении "готского стиля" предметов ювелирного искусства // ЗООИД. - Т.XX. - Одесса, 1897. - С.1-15.

520. *Шулейкин В.В.* Физика моря. - М.,1953 (3-е изд.). - 990 с.

521. *Шургая И.Г.* Оборонительная система Европейского Боспора первых веков н.э. // Историчность и актуальность античной культуры. - Тбилиси,1980. - С.135-137.

522. *Щапова Ю.Л.* Естественнонаучные методы в археологии. - М., 1988. - 92 с.

523. *Щеглов А.Н.* Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды // ВДИ. - 1965. - N 2. -С.107-110.

524. *Щеглов А.Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. - Л., 1978. - 158 с.

525. *Щепинский А.А., Черепанова Е.Н.* Исследования в Северо-Восточном Крыму // АО 1966. - М.,1967. - С.278-279.

526. *Щукин М.Б.* Современное состояние готской проблемы и черняховская культура // АСГЭ. - Вып.18. - Л.,1977. - С.79-91.

527. *Щукин М.Б.* К вопросу о верхней хронологической границе Черняховской культуры // КСИА N 158. - М.,1979. - С.17-22.

528. *Юргевич В.Н.* Об именах иностранных на надписях Ольвии, Боспора и других греческих городов Северного Причерноморья // ЗООИД. - Т.VIII. - Одесса,1875. - С.1-34.

529. *Юргевич В.Н.* Новые две пантикапейские надписи // ЗООИД. - Т.X. - Одесса,1877. - С.1-13.

530. *Яйленко В.П.* О "Корпусе византийских надписей в СССР" // ВВ. - Т.48. - М.,1987. - С.160-171.

531. *Яйленко В.П.* Поход Савромата I против псеханов // Проблемы

исследований античных городов. - М.,1989. - С.131-132.

532. *Яйленко В.П.* Поход Савромата I на азиатский Боспор // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии,Кипра и античного Северного Причерноморья. - М.,1990. - С.216-228.

533. *Яйленко В.П.* Гуннский именник V в. н.э. с Тамани и его чувашские соответствия // Ономастика Поволжья. - Вып.6. - Ч.1. - М.,1991. - С.126-137.

534. *Якобсон А.Л.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья (опыт хронологической классификации) // СА. - Т.XV. - М.,1951.- С. 325-344.

535. *Якобсон А.Л.* Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. - Т.XXI. - М.,1954. - С.148-163.

536. *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА N 85. - М.,1958. - С.458-501.

537. *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. - М.,1964. - 232 с.

538. *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА N 168. - Л.,1970. - С.361-403.

539. *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. - М.,1973. - 174 с.

540. *Якобсон А.Л.* Античные традиции в культуре раннесредневековой Таврики // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. - М.,1978. - С.88-93.

541. *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. - Л.,1979. - 164 с.

541а. *Якобсон А.Л.* Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. - Л.,1983. - 170 с.

542. *Adams R.N.* Energy and structure. - Austin-London,1975. - 234 p.

543. *Arrhenius B.* Merovingian Garnett jewellery. - Goteborg,1985.-229 p.

544. *Blavatsky V.D., Koshelenko G.A.* Le culte de Mithra sur la cote septentrionale de la Mer Noire. - Leiden-Brill,1966. - 36 p.

545. *Briant P.* Etat et pasteurs au Mouen-Orient ancien. - Cambr. - P.,

1982. - 334 p.

546. *Braund D.* Rome and the Friendly King: The Character of Client Kingship. - L.-N.Y.,1984. - 226 p.

547. *Brown P.* Society and the holy in late Antiqity. - Berkeley, 1982. - 348 p.

548. *Brown P.* Power and Persuasion in late Antiquity. Toward a Christian empire. - Madison,1992. - 182 p.

549. *Carneiro R.L.* Political Expansion as an Expression of Competitive Exclution // Origins of the State: the Anthropology of Political Evolution/Ed. R.Cohen, E.Servise. - Philadelphia,1978. - P.203-223.

550. *Clarke D.L.* Analytical Archaeology. - L.,1968. - 526 p.

551. *Clasters P.* The Society against the State. - N.Y.,1977. - 278 p.

552. *Chuvin P.* Chronique des derniers paiens. - P.,1990. - 387 p.

553. *Cumont F.* Les religions orientales dans le paganisme romaine. - P.,1907. - 367 p.

554. *Cunliffe B.* Greeks, Romans and Barbarians: spheres of Interaction. - L., 1988. - 243 p.

555. *Frolova N.A.* The Coinage of the Kingdom of Bosporus AD 69-238. - Oxf.,1979. - 249 p.

556. *Frolova N.A.* The Coinage of the Kingdom of Bosporus AD 242-341/2. - Oxf.,1983. - 232 p.

557. *Gajdukevic V.F.* Das Bosporanische Reich. - B.-Amsterdam, 1971. - 692 S.

558. *Garnett R.* The Story of Gycia // The English Historical Rewiew. - V.XII. - N.Y.-Bombay,1897. - P.102-107.

559. *Godelier M.* The Mental and the Material: Thought, Economy and Society. - L.,1986. - 286 p.

560. *Hachmann R.* Die Goten und Scandinavien. - B.,1970. - 321 S.

561. *Harmatta J.* The Dissolution of the Hun Empire. - V.I: Hun Society of the Age of Attila // Acta Archaeologica. - Budapest, 1952. - 343 p.

562. *Harmatta J.* Studies in the History and Language of the Sarmatians. - Szeged,1970. - 132 p.

563. *Hayes J.W.* The later Roman Pottery. - L.,1972. - 477 p.

564. *Herman G.* Ritualized Friendship and the Greek City. - Cambr., 1987. - 269 p.

565. *Huntington E.* Civilization and climate. - New Haven,1939. - 187 p.

566. *Jones A.H.M.* Studies in Roman Gowernment and Law. - Oxf., 1960. - 243 p.

567. *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire. - V.I-III. - L.,1964.

568. *Kurts D., Boardman J.* Greek burial customs. - L., 1971. - 243 p.

569. *Khazanov A.M.* Nomads and the outside world. - Cambr.,1984.-276 p.

570. *Maenchen-Helfen O.J.* The world of the Huns. - Berkeley- Los Angeles,1973. - 602 p.

571. *Magie D.* Roman Rule in Asia Minor to the end of the III century A.D. - V.I-II. - Princeton,1950. - 723+725 pp.

572. *Matthews J.* The Roman Empire of Ammianus. - L.,1989. - 608 p.

573. *Millar F.* The Roman Empire and its Neighbours. - N.Y.,1981 (2-nd ed.). - 362 p.

574. *Minns E.* Scythians and Greeks. - L.,1913. - 613 p.

575. *Nadel B.*Litterary tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus' Information on the Bosporan kingdom in the time of Emperor Diocletian Reconsidered // Annales letteraires de l'Universite de Besancon. - P.,1977. - P.89-105.

576. *Polanui K.* The Economy as Instituted Process // Trade and Market in the Early Empires. - Glencoe,1957. - P.262-279.

577. *Randsborg K.* The first Millenium AD in Europe and the Mediterranian. An archaeological essay. - Cambr.,1991. - 230 p.

578. *Robinson H.S.* Pottery of the Roman Period. - Princeton,1959.378 p.

579. *Rostovtzeff* M. The social and economic history of the Roman Empire. - V.I-II. - Oxf.,1957.

580. *Salaman M.* The Chronology of Gothic Incursions into Asia Minor in the III century AD // Eos. - V.LIX. - 1971. - P.109-139.

581. *Tainter J.* The Collapse of Complex Societies. - Cambr.,1989.250 p.

582. *Teiral J.* Mahren in 5 Jahrhundert. - Praha,1973. - 167 S.

583. *The anthropology of Power*/Ed. Adams R.N.,Fogelson R. - L., 1977. - 387 p.

584. *The Cambridge Medieval History.* - V.I: The Christian Roman Empire and the foundation of the teutonic kingdoms. - L.,1936. - 754 p.

585. *Thompson E.A.* A History of Attila and the Huns. - Oxf.,1948.-456 p.

586. *Vasiliev A.A.* History of the Byzantine Empire. - V.I. - Visconsin,1970. - 300 p.

587. *Vasiliev A.A.* The Gothes in Crimea. - Cambr. Mass.,1936. - 292 p.

588. *Ulansey D.* The origins of the Mithraic mysteries: Cosmology and salvation in the ancient world. - N.Y.,1989. - 154 p.

589. *Waage F.* The Roman and Byzantine Pottery // Hesperia. - V.II.- P.298-301; V.IX-X. - P.214-242.

590. *Weber M.* The Social Causes of the Decay of Ancient Civilization // The Slave Economies. - V.I. - N.Y.,1973.- P.45-67.

591. *Werner J.* Beitrage zur Archeologie des Attila-Reiches. - Munchen, 1956. - 321 p.

592. *Wittfogel K.* Oriental despotism. - N.Y.,1981. - 527 p.

593. *Wolfram H.* Geschichte der Goten. - Munchen,1979. - 486 S.

594. *Zgusta L.* The Iranians names from the North coast of the Black Sea // Acta Orientalis Hungaria. - V.IV. - Budapest,1955. - P.3-356.

595. *Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Stadte der nordlichen Schwarzmeerkuste. - Praha, 1955. - 466 S.

Архивные материалы.

1. *Алексеева Е.М., Антипина Е.Е., Беляева В.Н., Пилипко В.Н., Тихонова Т.С., Шавырин А.С.* Отчет о работе Анапской экспедиции ИА РАН и Горгиппийской экспедиции КИАМЗ в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. - М., 1992. - 115 л.

2. *Блаватский В.Д.* Отчет о подводных археологических разведках в Керченском проливе и на северном побережье Черного моря, проведенных отрядом подводных археологов в 1958 г. // Архив ИА РАН. - Р-1. - N 1933. - 48 л.

3. *Кругликова И.Т.* Отчет о раскопках в Киммерике в 1951 г. // Архив ИА РАН. - Р-1. - N 712. - 52 л.

4. *Масленников А.А.* Отчет Восточно-Крымской археологической экспедиции (ВКАЭ) за 1979 г. // Архив ИА РАН. - Р-1. - N 7708. - 156 л.

5. *Масленников А.А.* Отчет ВКАЭ за 1981 г. // Архив ИА РАН. - Р-1. - N 10358. - 187 с.

6. *Масленников А.А.* Отчет ВКАЭ за 1984 г. // Архив ИА РАН. - Р-1. - N 11356. - 198 л.

7. *Масленников А.А.* Отчет ВКАЭ за 1985 г. // Архив ИА РАН. - Р-1. - N 11846. - 217 л.

8. *Масленников А.А.* Отчет ВКАЭ за 1988 г. // Архив ИА РАН. - Р-1. - N 13998. - 281 л.

9. *Масленников А.А.* Отчет ВКАЭ за 1991 г. // Архив ИА РАН. - Р-1. - N 16138. - 128 л.

10.*Николаева Э.Я.* Отчет о работах Ильичевской экспедиции в 1986 г. // Архив ИА РАН. - Р-1. - N 11991. - 66 л.